

Annotation

Антиутопия английского писателя Дж. Оруэлла. Животные, возмущенные отношением к ним хозяев, устраивают бунт и прогоняют фермеров, а бывшую ферму объявляют свободной республикой под управлением свиней. Сначала все идет гладко, но затем рядовые животные понимают, что они также находятся в рабстве, только теперь у своих же собратьев.

•

Джордж Оруэлл. Скотный Двор

George Orwell

Animal Farm

I

Mr. Jones, of the Manor Farm, had locked the hen-houses for the night, but was too drunk to remember to shut the popholes.

With the ring of light from his lantern dancing from side to side, he lurched across the yard, kicked off his boots at the back door, drew himself a last glass of beer from the barrel in the scullery, and made his way up to bed, where Mrs. Jones was already snoring.

As soon as the light in the bedroom went out there was a stirring and a fluttering all through the farm buildings.

Word had gone round during the day that old Major, the prize Middle White boar, had had a strange dream on the previous night and wished to communicate it to the other animals.

Джордж Оруэлл

Скотный двор

Глава I

Мистер Джонс с фермы "Усадьба" закрыл на ночь курятник, но он был так пьян, что забыл заткнуть дыры в стене.

Ткнув ногой заднюю дверь, он проковылял через двор, не в силах выбраться из круга света от фонаря, пляшущего в его руке, нацедил себе последний стаканчик пива из бочонка на кухне и отправился в постель, где уже похрапывала миссис Джонс.

Как только в спальне погас свет, на ферме началось беспокойное движение.

Весь день ходили слухи, что старый Майер, призовой боров из Миддлуайта, прошлой ночью видел странный сон и хотел бы поведать о нем остальным животным.

It had been agreed that they should all meet in the big barn as soon as Mr. Jones was safely out of the way.

Old Major (so he was always called, though the name under which he had been exhibited was Willingdon Beauty) was so highly regarded on the farm that everyone was quite ready to lose an hour's sleep in order to hear what he had to say.

At one end of the big barn, on a sort of raised platform, Major was already ensconced on his bed of straw, under a lantern which hung from a beam.

He was twelve years old and had lately grown rather stout, but he was still a majestic-looking pig, with a wise and benevolent appearance in spite of the fact that his tusks had never been cut.

Before long the other animals began to arrive and make themselves comfortable after their different fashions.

First came the three dogs, Bluebell, Jessie, and Pincher, and then the pigs, who settled down in the straw immediately in front of the platform.

The hens perched themselves on the window-sills, the pigeons fluttered up to the rafters, the sheep and cows lay down behind the pigs and began to chew the cud. The two cart-horses, Boxer and Clover, came in together, walking very slowly and setting down

Все договорились встретиться в большом амбаре, как только мистер Джонс окончательно скроется из глаз.

Старый Майер (так его всегда звали, хотя имя, под которым его представляли на выставках, звучало как краса Уиллингдона), пользовался на ферме таким уважением, что все безоговорочно согласились.

Майер уже ждал, как обычно, уютно расположившись на своей соломенной подстилке на возвышении в конце амбара, под фонарем, подвешенным к балке.

Ему было уже двенадцать лет, и в последнее время он раздавался скорее в ширину, но тем не менее продолжал оставаться все тем же благородным боровом, в глазах которого светилась мудрость и доброжелательность, несмотря на устрашающие клыки.

Пока все животные собрались и устроились каждый по своему вкусу, прошло довольно много времени.

Первыми пришли три пса - Блюбелл, Джесси и пинчер, а за ними свиньи, которые сразу же расположились на соломе перед возвышением.

Куры разместились на подоконниках, голуби, толкаясь, расселись на стропилах, а овцы и коровы прилегли сразу же за свиньями и принялись за свою жвачку. Вместе пришли упряжные лошади Боксер и Кловер. Они

their vast hairy hoofs with great care lest there should be some small animal concealed in the straw.

Clover was a stout motherly mare approaching middle life, who had never quite got her figure back after her fourth foal.

Boxer was an enormous beast, nearly eighteen hands high, and as strong as any two ordinary horses put together.

A white stripe down his nose gave him a somewhat stupid appearance, and in fact he was not of first-rate intelligence, but he was universally respected for his steadiness of character and tremendous powers of work.

After the horses came Muriel, the white goat, and Benjamin, the donkey.

Benjamin was the oldest animal on the farm, and the worst tempered.

He seldom talked, and when he did, it was usually to make some cynical remark - for instance, he would say that God had given him a tail to keep the flies off, but that he would sooner have had no tail and no flies.

Alone among the animals on the farm he never laughed.

If asked why, he would say that he saw nothing to laugh at. Nevertheless,

двигались медленно и осторожно, стараясь, чтобы их широкие волосатые копыта занимали как можно меньше места.

Кlover была рослая кобыла средних лет, окончательно расплывшаяся после рождения четвертого жеребёнка.

Внешность Боксера вызывала невольное уважение - высотой в холке более 6 футов, он был так силен, как две обыкновенные лошади вместе взятые.

Белая полоса, пересекавшая его физиономию, придавала ему довольно глупый вид, да он и в самом деле не блистал интеллектом, но пользовался всеобщим расположением за ровный характер и удивительное трудолюбие.

После лошадей явилась Мюриель, белая коза, и осел Бенджамин.

На ферме он жил дольше всех и отличался препротивным характером.

Говорил он редко, но и в этих случаях обычно изрекал какое-нибудь циничное замечание - например, он как-то обмолвился, что господь бог наделил его хвостом, чтобы отмахиваться от оводов, но он предпочел бы обходиться и без оводов и без хвоста.

Единственный среди всех животных, на ферме он никогда не смеялся.

На вопрос о причинах такой мрачности он отвечал, что не видит

without openly admitting it, he was devoted to Boxer; the two of them usually spent their Sundays together in the small paddock beyond the orchard, grazing side by side and never speaking.

The two horses had just lain down when a brood of ducklings, which had lost their mother, filed into the barn, cheeping feebly and wandering from side to side to find some place where they would not be trodden on.

Clover made a sort of wall round them with her great foreleg, and the ducklings nestled down inside it and promptly fell asleep.

At the last moment Mollie, the foolish, pretty white mare who drew Mr. Jones's trap, came mincing daintily in, chewing at a lump of sugar.

She took a place near the front and began flirting her white mane, hoping to draw attention to the red ribbons it was plaited with.

Last of all came the cat, who looked round, as usual, for the warmest place, and finally squeezed herself in between Boxer and Clover; there she purred contentedly throughout Major's speech without listening to a word of what he was saying.

All the animals were now present except Moses, the tame raven, who slept on a perch behind the back

поводов для смеха. Тем не менее, он был привязан к Боксеру; как правило, они проводили воскресные дни бок о бок в небольшом загончике рядом с садом, пощипывая травку.

Едва только Боксер и Кlover прилегли, как в амбар ворвался выводок утят, потерявших мать; взволнованно крикая, они стали метаться из стороны в сторону в поисках безопасного места, где бы их никто ненароком не придавил.

Обнаружив, что вытянутые передние ноги Кlover представляют собой нечто вроде защитной стенки, утята попрыгали в это убежище и сразу же погрузились в сон.

Наконец в амбар, хрустя куском сахара, кокетливо вошла Молли, глупая, но красивая белая кобылка, которая таскала двуколку мистера Джонса.

Она заняла место в первых рядах и сразу же начала игриво помахивать белой гривой в надежде привлечь внимание к вплетенным в нее красным ленточкам.

И последней явилась кошка, которая, как обычно, огляделась в поисках самого теплого местечка и наконец скользнула между Боксером и Кlover; здесь она беспрестанно возилась и мурлыкала во время речи Майера, не услышав из нее ни единого слова.

Кроме Мозуса, ручного ворона, который дремал на шесте около задней двери, теперь все животные были в

door.

When Major saw that they had all made themselves comfortable and were waiting attentively, he cleared his throat and began:

'Comrades, you have heard already about the strange dream that I had last night.

But I will come to the dream later.

I have something else to say first.

I do not think, comrades, that I shall be with you for many months longer, and before I die, I feel it my duty to pass on to you such wisdom as I have acquired.

I have had a long life, I have had much time for thought as I lay alone in my stall, and I think I may say that I understand the nature of life on this earth as well as any animal now living.

It is about this that I wish to speak to you.

'Now, comrades, what is the nature of this life of ours?

Let us face it: our lives are miserable, laborious, and short.

We are born, we are given just so much food as will keep the breath in our bodies, and those of us who are capable of it are forced to work to the last atom of our strength; and the very instant that our usefulness has come to an end we are slaughtered with hideous cruelty.

сборе.

Предложив всем устраиваться поудобнее и дождавшись тишины, Майер прочистил горло и начал:

- Товарищи, все вы уже слышали, что прошлой ночью мне привиделся странный сон.

Но к нему я вернусь позже.

Первым делом я должен вам сказать вот о чем.

Не думаю, что я проведу с вами еще много месяцев, и чувствую, что перед смертью я должен поделиться с вами приобретенной мудростью.

Я прожил долгую жизнь, у меня было достаточно времени для размышлений, когда я лежал один в своем загоне и, думаю, могу утверждать, что понимаю смысл жизни лучше, чем кто-либо из моих современников.

Вот об этом я и хотел бы вам поведать.

Итак, друзья, в чем смысл нашего с вами бытия?

Давайте посмотрим правде в лицо: краткие дни нашей жизни проходят в унижении и тяжком труде.

С той минуты, как мы появляемся на свет, нам дают есть ровно столько, чтобы в нас не угасла жизнь, и те, кто обладает достаточной силой, вынуждены работать до последнего вздоха; и, как обычно, когда мы становимся никому не нужны, нас с чудовищной жестокостью отправляют

	на бойню.
No animal in England knows the meaning of happiness or leisure after he is a year old.	Ни одно животное в Англии после того, как ему минет год, не знает, что такое счастье или хотя бы заслуженный отдых.
No animal in England is free.	Ни одно животное в Англии не знает, что такое свобода.
The life of an animal is misery and slavery: that is the plain truth.	Жизнь наша - нищета и рабство. Такова истина.
'But is this simply part of the order of nature?	Но таков ли истинный порядок вещей?
Is it because this land of ours is so poor that it cannot afford a decent life to those who dwell upon it?	Происходит ли это от того, что наша земля бедна и не может прокормить тех, кто обитает на ней и возделывает ее?
No, comrades, a thousand times no!	Нет, товарищи, тысячу раз нет!
The soil of England is fertile, its climate is good, it is capable of affording food in abundance to an enormously greater number of animals than now inhabit it.	Климат в Англии мягкий, земля плодородна, и она в состоянии досыта накормить гораздо большее количество животных, чем ныне обитают на ней.
This single farm of ours would support a dozen horses, twenty cows, hundreds of sheep - and all of them living in a comfort and a dignity that are now almost beyond our imagining.	Такая ферма, как наша, способна содержать дюжину лошадей, двадцать коров, сотню овец - и жизнь их будет полна такого комфорта, такого чувства собственного достоинства, о которых мы сейчас не можем даже и мечтать.
Why then do we continue in this miserable condition?	Но почему же мы продолжаем жить в столь жалких условиях?
Because nearly the whole of the produce of our labour is stolen from us by human beings.	Потому что почти все, что мы производим своим трудом на свет, уворовывается людьми.
There, comrades, is the answer to all our problems.	Вот, товарищи, в чем кроется ответ на все наши вопросы.
It is summed up in a single word - Man.	Он заключается в одном-единственном слове -человек.

Man is the only real enemy we have.

Remove Man from the scene, and the root cause of hunger and overwork is abolished for ever.

'Man is the only creature that consumes without producing.

He does not give milk, he does not lay eggs, he is too weak to pull the plough, he cannot run fast enough to catch rabbits.

Yet he is lord of all the animals.

He sets them to work, he gives back to them the bare minimum that will prevent them from starving, and the rest he keeps for himself.

Our labour tills the soil, our dung fertilises it, and yet there is not one of us that owns more than his bare skin.

You cows that I see before me, how many thousands of gallons of milk have you given during this last year?

And what has happened to that milk which should have been breeding up sturdy calves?

Every drop of it has gone down the throats of our enemies.

And you hens, how many eggs have you laid in this last year, and how many of those eggs ever hatched into chickens?

The rest have all gone to market

Вот кто наш единственный подлинный враг -человек.

Уберите со сцены человека, и навсегда исчезнет причина голода и непосильного труда.

Человек - единственное существо, которое потребляет, ничего не производя.

Он не дает молока, он не несет яиц, он слишком слаб для того, чтобы таскать плуг, он слишком медлителен для того, чтобы ловить кроликов.

И все же он верховный владыка над всеми животными.

Он гонит их на работу, он отсыпает им на прокорм ровно столько, чтобы они не мучились от голода - все же остальное остается в его владении.

Наш труд возделывает почву, наш навоз удобряет ее, - и все же у каждого из нас есть всего лишь его шкура.

Вот вы, коровы, лежащие сейчас передо мной, -сколько тысяч галлонов молока вы уже дали за прошлый год?

И что стало с этим молоком, которым вы могли бы напоить крепких телят?

Все оно, до последней капли, было поглощено глотками наших врагов.

А вы, куры, сколько яиц вы снесли в этом году и сколько взрастили цыплят?

А остальные были отправлены на рынок,

to bring in money for Jones and his men.

And you, Clover, where are those four foals you bore, who should have been the support and pleasure of your old age?

Each was sold at a year old - you will never see one of them again. In return for your four confinements and all your labour in the fields, what have you ever had except your bare rations and a stall?

'And even the miserable lives we lead are not allowed to reach their natural span.

For myself I do not grumble, for I am one of the lucky ones.

I am twelve years old and have had over four hundred children.

Such is the natural life of a pig.

But no animal escapes the cruel knife in the end.

You young porkers who are sitting in front of me, every one of you will scream your lives out at the block within a year.

To that horror we all must come - cows, pigs, hens, sheep, everyone.

Even the horses and the dogs have no better fate.

You, Boxer, the very day that those great muscles of yours lose their power, Jones will sell you to the knacker, who will cut

чтобы в карманах у Джонса и иже с ними звенели денежки.

Скажи и ты, Кловер, где твои четверо жеребят, которых ты выносила и родила в страданиях, жеребят, что должны были стать тебе опорой и утехой на старости лет?

Все они были проданы еще в годовалом возрасте -и никого из них тебе не доведется увидеть вновь, и после того, как ты четырежды мучилась в родовых муках, после того, как ты поднимала под пашню поля - что у тебя есть, кроме горсти овса и старого стойла?

Но даже наша жалкая жизнь не может кончиться естественным путем.

Я не говорю о себе, потому что мне повезло.

Я дожил до двенадцати лет и произвел на свет более четырехсот детей.

Для свиньи я прожил достойную жизнь.

Но ни одно животное не может избежать в конце жизни безжалостного ножа.

Вот вы, юные поросята, что сидят передо мной, -все вы до одного, не пройдет и года, кончите свою жизнь в той загородке.

И эта ужасная судьба ждет всех - коров, свиней, кур, овец, всех до единого.

Даже лошадям и собакам достается не лучшая доля.

Придет тот далекий день, когда могучие мускулы откажутся тебе служить, Боксер, и Джонс отправит тебя к живодеру, который перережет тебе горло и сделает из тебя

your throat and boil you down for the foxhounds. собачью похлебку.

As for the dogs, when they grow old and toothless, Jones ties a brick round their necks and drowns them in the nearest pond. Что же касается собак, то когда они состарятся и у них выпадут зубы, Джонс привяжет им на шею кирпич и пинком ноги швырнет в ближайший пруд.

'Is it not crystal clear, then, comrades, that all the evils of this life of ours spring from the tyranny of human beings? И разве не стало теперь предельно ясно, товарищи, что источник того зла, которым пронизана вся наша жизнь, - это тирания человечества?

Only get rid of Man, and the produce of our labour would be our own. Стоит лишь избавиться от человека, и плоды трудов наших перейдут в нашу собственность!

Almost overnight we could become rich and free. И уже этим вечером может загореться заря нашей свободы, которая сделает нас богатыми и независимыми.

What then must we do?

Why, work night and day, body and soul, for the overthrow of the human race! Что нам предстоит делать для этого? Работать день и ночь, отдавая и тело и душу для избавления от тирании человека!

That is my message to you, comrades: Rebellion! И я призываю вас, товарищи, - восстание!

I do not know when that Rebellion will come, it might be in a week or in a hundred years, but I know, as surely as I see this straw beneath my feet, that sooner or later justice will be done. Я не знаю, когда оно вспыхнет, через неделю или через сто лет, но столь же ясно, как я вижу эту солому под моими ногами, я знаю, что рано или поздно справедливость восторжествует.

Fix your eyes on that, comrades, throughout the short remainder of your lives! И сколько бы вам ни осталось жить, товарищи, посвятите свою жизнь этой идее!

And above all, pass on this message of mine to those who come after you, so that future generations shall carry on the struggle until it is victorious. И кроме того, завещаю передать мое послание тем, кто придет после вас, чтобы будущие поколения могли продолжать борьбу до победного конца.

'And remember, comrades, your resolution must never falter.

No argument must lead you astray.

Never listen when they tell you that Man and the animals have a common interest, that the prosperity of the one is the prosperity of the others.

It is all lies.

Man serves the interests of no creature except himself.

And among us animals let there be perfect unity, perfect comradeship in the struggle.

All men are enemies.

All animals are comrades.'

At this moment there was a tremendous uproar.

While Major was speaking four large rats had crept out of their holes and were sitting on their hindquarters, listening to him.

The dogs had suddenly caught sight of them, and it was only by a swift dash for their holes that the rats saved their lives.

Major raised his trotter for silence.

'Comrades,' he said, 'here is a point that must be settled.

The wild creatures, such as rats and rabbits - are they our friends or our enemies?

Let us put it to the vote.

И помните, товарищи, - ваша решимость должна оставаться непоколебимой.

Пусть никакие доводы не собьют вас с пути.

Не слушайте, когда вам начнут говорить, что у людей и у животных общие интересы, что процветание одной стороны означает благоденствие и для другой.

Все это ложь!

Людей не интересуют ничьи интересы, кроме их собственных.

А среди нас, животных, пусть восторжествует нерушимое единство, крепкая дружба в борьбе.

Все люди - враги.

Все животные - друзья.

Едва только Майер кончил говорить, поднялся ужасный гам.

Пока длилась его речь, из своих нор выскользнули четыре большие крысы и, присев на задние лапы, внимательно слушали Майера.

В это время их увидели собаки, и только мгновенная реакция крыс, юркнувших обратно в норы, спасла их жизнь.

Майер поднял ногу, призывая к молчанию.

- Товарищи, - сказал он, - нам необходимо обсудить еще один вопрос.

Дикие звери, такие, как крысы и кролики - друзья или враги?

Давайте проголосуем.

I propose this question to the meeting: Are rats comrades?'

The vote was taken at once, and it was agreed by an overwhelming majority that rats were comrades.

There were only four dissentients, the three dogs and the cat, who was afterwards discovered to have voted on both sides.

Major continued:

'I have little more to say.

I merely repeat, remember always your duty of enmity towards Man and all his ways.

Whatever goes upon two legs is an enemy.

Whatever goes upon four legs, or has wings, is a friend.

And remember also that in fighting against Man, we must not come to resemble him.

Even when you have conquered him, do not adopt his vices.

No animal must ever live in a house, or sleep in a bed, or wear clothes, or drink alcohol, or smoke tobacco, or touch money, or engage in trade.

All the habits of Man are evil.

And, above all, no animal must ever tyrannise over his own kind.

Weak or strong, clever or simple, we are all brothers.

No animal must ever kill any other

Я выдвигаю этот вопрос на рассмотрение собрания: являются ли крысы нашими товарищами?

Голосование прошло безотлагательно, и подавляющим большинством голосов было решено, что крыс можно считать товарищами.

Против голосовали лишь четверо - три собаки и кошка, относительно которой позже было выяснено, что голосовала она в обоих случаях.

Майер продолжил:

- Добавить мне осталось немного.

Я лишь повторяю: помните, что ваша обязанность -враждовать с людьми и со всеми их начинаниями.

Каждый, кто ходит на двух ногах - враг.

Каждый, кто ходит на четырех ногах или имеет крылья - друг.

И помните также, что в борьбе против человека мы не должны ничем походить на него.

Даже одержав победу, отвергните все, что создано человеком.

Ни одно из животных не должно жить в доме, спать в постели, носить одежду, пить алкоголь, курить табак, притрагиваться к деньгам или заниматься торговлей.

Все человеческие привычки - это зло!

И, кроме всего, ни одно животное не должно тиранить своих сородичей.

Слабые или сильные, умные или глупые - все мы братья!

Ни одно животное не должно убивать

animal.

других животных.

All animals are equal.

Все животные равны.

'And now, comrades, I will tell you about my dream of last night.

А теперь, товарищи, я расскажу вам о своем сне, что привиделся мне прошлой ночью.

I cannot describe that dream to you.

Я не в силах описать вам эту мечту.

It was a dream of the earth as it will be when Man has vanished.

Это была мечта о земле, какой она станет после того, как человек исчезнет с ее лица.

But it reminded me of something that I had long forgotten.

И вспомнилось мне давно забытое.

Many years ago, when I was a little pig, my mother and the other sows used to sing an old song of which they knew only the tune and the first three words.

Много лет назад, когда я был совсем маленьким поросенком, моя мать и вся наша родня любили петь старую песню, из которой они знали только первые три строчки и мотив.

I had known that tune in my infancy, but it had long since passed out of my mind.

Песню эту я помню с детства, но прошло столько времени, что многое забылось.

Last night, however, it came back to me in my dream.

И вот прошлой ночью она вернулась ко мне вместе с мечтой.

And what is more, the words of the song also came back - words, I am certain, which were sung by the animals of long ago and have been lost to memory for generations.

И, что самое удивительное, - всплыли те слова, которые, я уверен, пели животные в давно прошедшие времена и которые, казалось, были навсегда потеряны в памяти поколений.

I will sing you that song now, comrades.

Я сейчас спою вам эту песню, товарищи.

I am old and my voice is hoarse, but when I have taught you the tune, you can sing it better for yourselves.

Я стар, и у меня хриплый голос, но когда я научу вас мотиву, вы ее споете лучше.

It is called Beasts of England.'

Она называется "Скоты Англии".

Old Major cleared his throat and began to sing.

Старый Майер прочистил горло и начал.

As he had said, his voice was hoarse, but he sang well enough, and it was a

Как он и говорил, голос у него был хриплый, но волнующая мелодия,

stirring tune, something between
Clementine and La Cucaracha.

The words ran:

Beasts of England, beasts of Ireland,
□□Beasts of every land and clime, □
□Hearken to my joyful tidings □□Of
the golden future time.

Soon or late the day is coming, □□
Tyrant Man shall be o'erthrown, □
□And the fruitful fields of England □
□Shall be trod by beasts alone.

Rings shall vanish from our noses,
□□And the harness from our back, □
□Bit and spur shall rust forever,
□□Cruel whips no more shall crack.

Riches more than mind can picture, □
□Wheat and barley, oats and hay,
□□Clover, beans, and mangel-
wurzels □□Shall be ours upon that
day.

Bright will shine the fields of
England, □□Purer shall its waters be,
□□Sweeter yet shall blow its
breezes □□On the day that sets us
free.

For that day we all must labour, □
□Though we die before it break;
□□Cows and horses, geese and
turkeys, □□All must toil for
freedom's sake.

Beasts of England, beasts of Ireland,
□□Beasts of every land and clime, □
□Hearken well and spread my tidings
□□Of the golden future time.

The singing of this song threw the
animals into the wildest excitement.

нечто среднее между "Клементиной" и
"Кукарачей", звучала достаточно чисто.

Слова были таковы:

Звери Англии и мира, всех загонов и
полей, Созывает моя лира вас для
счастья новых дней.

Он настанет, он настанет, мир великой
чистоты, И людей совсем не станет -
будут только лишь скоты.

Кнут над нами не взовьется, и ярмо не
нужно нам, Пусть повозка расшибется,
не возить ее коням!

Наше завтра изобильно, клевер, сено и
бобы, И запасы так обильны, что
прекрасней нет судьбы.

Небо Англии сияет, и чиста ее вода,
Ветер песни напевает - мы свободны
навсегда!

Мы дадим друг другу слово - отстоим
судьбу свою! Свиньи, куры и коровы,
будем стойкими в бою!

Звери Англии и мира, всех загонов и
полей, Созывает моя лира вас для
счастья новых дней.

Совместное исполнение этой песни
привело животных в дикое
возбуждение.

Almost before Major had reached the end, they had begun singing it for themselves.

Even the stupidest of them had already picked up the tune and a few of the words, and as for the clever ones, such as the pigs and dogs, they had the entire song by heart within a few minutes.

And then, after a few preliminary tries, the whole farm burst out into 'Beasts of England' in tremendous unison.

The cows lowed it, the dogs whined it, the sheep bleated it, the horses whinnied it, the ducks quacked it.

They were so delighted with the song that they sang it right through five times in succession, and might have continued singing it all night if they had not been interrupted.

Unfortunately, the uproar awoke Mr. Jones, who sprang out of bed, making sure that there was a fox in the yard.

He seized the gun which always stood in a corner of his bedroom, and let fly a charge of number 6 shot into the darkness.

The pellets buried themselves in the wall of the barn and the meeting broke up hurriedly.

Everyone fled to his own sleeping-place.

The birds jumped on to their perches, the animals settled down in the straw, and the whole farm was

И едва только Майер дошел до последних слов, они сразу же начали петь ее снова.

Даже самые тупые из присутствующих уже уловили мотив и несколько слов, а что же касается самых умных, таких, как свиньи и собаки, то уже через пару минут песня как бы рвалась из глубин их сердец.

Несколько попыток приладиться один к другому -и вся ферма в потрясающем единстве взревела "Скоты Англии".

Коровы мычали ее, собаки взлаивали, овцы блеяли, лошади ржали и утки вскрикивали.

Пели они с таким наслаждением, что песня была исполнена пять раз подряд, и каждый раз все лучше, и они могли бы петь всю ночь - если бы их не прервали.

К сожалению, шум разбудил мистера Джонса, который выбрался из постели в полной уверенности, что во двор забралась лиса.

Он схватил ружье, которое всегда стояло рядом с изголовьем, и пару раз выпалил в темноту.

Пули врезались в стенку амбара, собрание мгновенно прекратилось.

Все разбежались на места, где они обычно проводили ночь.

Птицы вспорхнули на свои насесты, животные расположились на соломе, и

asleep in a moment.

II

Three nights later old Major died peacefully in his sleep.

His body was buried at the foot of the orchard.

This was early in March.

During the next three months there was much secret activity.

Major's speech had given to the more intelligent animals on the farm a completely new outlook on life.

They did not know when the Rebellion predicted by Major would take place, they had no reason for thinking that it would be within their own lifetime, but they saw clearly that it was their duty to prepare for it.

The work of teaching and organising the others fell naturally upon the pigs, who were generally recognised as being the cleverest of the animals.

Pre-eminent among the pigs were two young boars named Snowball and Napoleon, whom Mr. Jones was breeding up for sale.

Napoleon was a large, rather fierce-looking Berkshire boar, the only Berkshire on the farm, not much of a talker, but with a reputation for getting his own way.

вся ферма сразу же погрузилась в сон.

Глава II

Через три дня старый Майер мирно опочил во сне.

Его тело было предано земле неподалеку от фруктового сада.

Случилось это в начале марта.

Последующие три месяца были отмечены размахом тайной деятельности.

Речь Майера заставила большинство самых сообразительных жителей фермы посмотреть на жизнь под новым углом зрения.

Они не знали, когда вспыхнет восстание, предсказанное Майером, у них не было никаких оснований считать, что оно произойдет еще при их жизни, но ясно понимали, что они должны готовить восстание.

Работа по просвещению и организации всех остальных, естественно, легла на свиней, чьи выдающиеся умственные способности были единодушно признаны всеми.

Но и среди них явно выделялись два молодых борова, Сноуболл и Наполеон, которых мистер Джонс откармливал на продажу.

Наполеон был большим и даже несколько свирепым с виду беркширским боровом, единственным беркширцем на ферме. Он не был многословен, но пользовался репутацией личности себе на уме.

Snowball was a more vivacious pig than Napoleon, quicker in speech and more inventive, but was not considered to have the same depth of character.

All the other male pigs on the farm were porkers.

The best known among them was a small fat pig named Squealer, with very round cheeks, twinkling eyes, nimble movements, and a shrill voice.

He was a brilliant talker, and when he was arguing some difficult point he had a way of skipping from side to side and whisking his tail which was somehow very persuasive.

The others said of Squealer that he could turn black into white.

These three had elaborated old Major's teachings into a complete system of thought, to which they gave the name of Animalism.

Several nights a week, after Mr. Jones was asleep, they held secret meetings in the barn and expounded the principles of Animalism to the others.

At the beginning they met with much stupidity and apathy.

Some of the animals talked of the duty of loyalty to Mr. Jones, whom they referred to as 'Master,' or made

Сноуболл отличался большей живостью характера, быстрой речью и изобретательностью, но относительно меньшей серьезностью.

Остальные свиньи на ферме были еще поросятами.

Наибольшей известностью среди них пользовался маленький толстенький поросенок по имени Визгун, с круглыми щечками, вечно помаргивающими глазками, быстрыми движениями и пронзительным голосом.

Он был блестящим оратором. Обсуждая какую-то сложную проблему, он метался из стороны в сторону, и хвостик его все время подрагивал, что придавало его словам особую убедительность.

Кое-кто говорил о Визгуне, что он способен превратить белое в черное и наоборот.

Они втроем переработали проповеди старого Майера в стройную систему воззрений, которую называли анимализмом.

Несколько ночей в неделю после того, как мистер Джонс уходил ко сну, на тайных сборищах в амбаре они объясняли всем остальным принципы анимализма.

Сначала они встретились с тупостью и равнодушием.

Кое-кто говорил о необходимости соблюдать лояльность по отношению к мистеру Джонсу, которого они

elementary remarks such as

'Mr. Jones feeds us.

If he were gone, we should starve to death.'

Others asked such questions as

'Why should we care what happens after we are dead?' or

'If this Rebellion is to happen anyway, what difference does it make whether we work for it or not?', and the pigs had great difficulty in making them see that this was contrary to the spirit of Animalism.

The stupidest questions of all were asked by Mollie, the white mare.

The very first question she asked Snowball was:

'Will there still be sugar after the Rebellion? '

'No,' said Snowball firmly.

'We have no means of making sugar on this farm.

Besides, you do not need sugar.

You will have all the oats and hay you want.'

'And shall I still be allowed to wear ribbons in my mane?' asked Mollie.

'Comrade,' said Snowball, 'those ribbons that you are so devoted to are the badge of slavery.

Can you not understand that liberty is worth more than ribbons?'

Mollie agreed, but she did not sound

называли не иначе, как "хозяин", или отпускали идиотские замечания типа

"Мистер Джонс нас кормит.

Если его не будет, мы умрем с голоду".

Другие задавали вопросы:

"С какой стати нам заботиться о том, что будет после нашей смерти?" Или

"Если восстание так и так произойдет, то какой смысл в том, работаем мы для него или нет?", и свиньям стоило немалых трудов объяснить им, что все это противоречит духу анимализма.

Самый глупый вопрос задала Молли, белая кобылка.

Первое, с чем она обратилась к Сноуболлу, было:

"Будет ли сахар после восстания?"

- Нет, - твердо сказал Сноуболл.

- Мы не собираемся производить сахар на этой ферме.

Кроме того, ты можешь обойтись и без него.

Тебе хватит овса и сена.

- А разрешено ли мне будет носить ленточки в гриве? - спросила Молли.

- Товарищ, - сказал Сноуболл, - эти ленточки, к которым ты так привязана, - символ рабства.

Неужели ты не можешь понять, что свобода дороже любых ленточек?

Молли согласилась, что это именно так, но похоже было, что она

very convinced.

The pigs had an even harder struggle to counteract the lies put about by Moses, the tame raven.

Moses, who was Mr. Jones's especial pet, was a spy and a tale-bearer, but he was also a clever talker.

He claimed to know of the existence of a mysterious country called Sugarcandy Mountain, to which all animals went when they died.

It was situated somewhere up in the sky, a little distance beyond the clouds, Moses said.

In Sugarcandy Mountain it was Sunday seven days a week, clover was in season all the year round, and lump sugar and linseed cake grew on the hedges.

The animals hated Moses because he told tales and did no work, but some of them believed in Sugarcandy Mountain, and the pigs had to argue very hard to persuade them that there was no such place.

Their most faithful disciples were the two cart-horses, Boxer and Clover.

These two had great difficulty in thinking anything out for themselves, but having once accepted the pigs as their teachers, they absorbed everything that they were told, and

осталась при своем мнении.

Гораздо больше трудов доставила свиньям необходимость опровергать ложь, пущенную Мозусом, ручным вороном.

Мозус, любимец мистера Джонса, был болтуном и сплетником, но в то же время краснбайствовать он умел.

Он распространял слухи о существовании таинственной страны под названием Леденцовая гора, куда после смерти якобы попадают все животные.

Она расположена где-то на небе, рассказывал Мозус, сразу же за облаками.

На леденцовой горе семь дней в неделю -воскресенье, клевер в соку круглый год, а колотый сахар и льняной жмых растут прямо на кустах.

На ферме терпеть не могли Мозуса за то, что он только рассказывает басни и не работает, но кое-кто верил в Леденцовую гору, и свиньям пришлось немало потрудиться, прежде чем они убедили всех в том, что такого места не существует.

Самой безграничной преданностью отличались две тягловые лошади, Кlover и Боксер.

Сам процесс мышления доставлял им немалые трудности, но раз и навсегда признав свиней своими пастырями, Кlover и Боксер впитывали в себя все, что было ими сказано, и затем

passed it on to the other animals by simple arguments.

They were unfailing in their attendance at the secret meetings in the barn, and led the singing of 'Beasts of England', with which the meetings always ended.

Now, as it turned out, the Rebellion was achieved much earlier and more easily than anyone had expected.

In past years Mr. Jones, although a hard master, had been a capable farmer, but of late he had fallen on evil days.

He had become much disheartened after losing money in a lawsuit, and had taken to drinking more than was good for him.

For whole days at a time he would lounge in his Windsor chair in the kitchen, reading the newspapers, drinking, and occasionally feeding Moses on crusts of bread soaked in beer.

His men were idle and dishonest, the fields were full of weeds, the buildings wanted roofing, the hedges were neglected, and the animals were underfed.

June came and the hay was almost ready for cutting.

On Midsummer's Eve, which was a Saturday, Mr. Jones went into Willingdon and got so drunk at the Red Lion that he did not come back

терпеливо втолковывали это остальным животным.

Они неизменно присутствовали на всех собраниях в амбаре и первыми затыгивали

"Скоты Англии", которым обычно заканчивались встречи.

Но, как оказалось, восстание состоялось значительно раньше и произошло куда легче, чем кто-либо мог предполагать.

В свое время мистер Джонс был неплохим фермером, хотя и отличавшимся крутым характером, но потом дела его пошли значительно хуже.

Просадив массу денег в судебных тяжбах, он перестал интересоваться делами фермы и стал регулярно выпивать.

Целые дни он проводил на кухне, развалившись в своей качалке, - проглядывал газеты, прикладывался к бутылке и время от времени кормил Мозуса кусками хлеба, вымоченными в пиве.

Работники его слонялись без дела и тащили все, что плохо лежит; поля заросли сорняками; изгороди зияли прорехами, а животные часто оставались некормленными.

Пришел июнь, и поля были готовы к жатве.

В канун середины лета, который выпал на субботу, мистер Джонс поехал в Уиллингдон и так надрался в "Красном льве", что добрался домой только к

till midday on Sunday.

The men had milked the cows in the early morning and then had gone out rabbiting, without bothering to feed the animals.

When Mr. Jones got back he immediately went to sleep on the drawing-room sofa with the 'News of the World' over his face, so that when evening came, the animals were still unfed.

At last they could stand it no longer.

One of the cows broke in the door of the store-shed with her horn and all the animals began to help themselves from the bins.

It was just then that Mr. Jones woke up.

The next moment he and his four men were in the store-shed with whips in their hands, lashing out in all directions.

This was more than the hungry animals could bear.

With one accord, though nothing of the kind had been planned beforehand, they flung themselves upon their tormentors.

Jones and his men suddenly found themselves being butted and kicked from all sides.

The situation was quite out of their control.

They had never seen animals behave like this before, and this sudden

полудню воскресного дня.

Подойдя к коровам ранним утром, батраки ушли ловить кроликов, не позаботившись о том, чтобы накормить животных.

Вернувшись, мистер Джонс немедленно завалился спать на кушетке в гостиной, прикрыв лицо газетой, то есть и к вечеру обитатели фермы оставались голодными.

В конце концов их терпение истощилось.

Одна из коров вышибла рогами дверь в закрома, которые немедленно наполнились животными.

Как раз в это время проснулся мистер Джонс.

В следующий момент он и четверо его батраков, вооружившись кнутами, которыми они полосовали во все стороны, были уже на месте происшествия.

Чаша терпения оголодавших животных переполнилась.

В едином порыве они ринулись на своих мучителей.

Внезапно Джонс и остальные почувствовали, что их толкают и бьют со всех сторон.

Инициатива была вырвана из их рук.

Им никогда раньше не приходилось

uprising of creatures whom they were used to thrashing and maltreating just as they chose, frightened them almost out of their wits.

After only a moment or two they gave up trying to defend themselves and took to their heels.

A minute later all five of them were in full flight down the cart-track that led to the main road, with the animals pursuing them in triumph.

Mrs. Jones looked out of the bedroom window, saw what was happening, hurriedly flung a few possessions into a carpet bag, and slipped out of the farm by another way.

Moses sprang off his perch and flapped after her, croaking loudly.

Meanwhile the animals had chased Jones and his men out on to the road and slammed the five-barred gate behind them.

And so, almost before they knew what was happening, the Rebellion had been successfully carried through: Jones was expelled, and the Manor Farm was theirs.

For the first few minutes the animals could hardly believe in their good fortune.

Their first act was to gallop in a body right round the boundaries of the farm, as though to make quite sure that no human being was hiding anywhere upon it; then they raced back to the

сталкиваться с животными в таком состоянии, и этот внезапный взрыв ярости тех, с кем они привыкли обращаться с небрежной жестокостью, испугал их почти до потери сознания.

Они поняли, что им остается только думать о собственном спасении и уносить ноги.

Минутой позже они впятером впопыхах вывалились на проселок, который вел к дороге, а торжествующие животные преследовали их.

Миссис Джонс выглянула из окна спальни, увидела, что происходит, торопливо покидала в саквояж первое, что попало под руку, и покинула ферму через заднюю дверь.

Мозус сорвался со своего шеста и, громко каркая, последовал за ней.

Тем временем животные гнали мистера Джонса и его приспешников по дороге до тех пор, пока за ними не захлопнулись тяжелые ворота.

Таким образом, прежде, чем они поняли, что произошло, восстание было успешно завершено: Джонс изгнан, и ферма "Усадьба" перешла в их владение.

Первые несколько минут животные с трудом осознавали свою удачу.

Сначала они резво обежали границы фермы, дабы убедиться, что никому из людей не удалось где-нибудь спрятаться; затем они помчались обратно на ферму, полные желания

farm buildings to wipe out the last traces of Jones's hated reign.

The harness-room at the end of the stables was broken open; the bits, the nose-rings, the dog-chains, the cruel knives with which Mr. Jones had been used to castrate the pigs and lambs, were all flung down the well.

The reins, the halters, the blinkers, the degrading nosebags, were thrown on to the rubbish fire which was burning in the yard.

So were the whips.

All the animals capered with joy when they saw the whips going up in flames.

Snowball also threw on to the fire the ribbons with which the horses' manes and tails had usually been decorated on market days.

'Ribbons,' he said, 'should be considered as clothes, which are the mark of a human being.

All animals should go naked.'

When Boxer heard this he fetched the small straw hat which he wore in summer to keep the flies out of his ears, and flung it on to the fire with the rest.

In a very little while the animals had destroyed everything that reminded them of Mr. Jones.

Napoleon then led them back to the store-shed and served out a double ration of corn to everybody, with two biscuits for each dog.

Then they sang 'Beasts of England'

уничтожить последние следы ненавистного царствования Джонса.

Помещение, где хранилась упряжь, было взломано; удила, уздечки, поводки, страшные ножи, которыми мистер Джонс кастрировал свиней и баранов, - все было выброшено наружу.

Вожжи, недоуздки, шоры - все эти унижительные приспособления полетели в костер, уже полыхавший во дворе.

Такая же участь постигла хлысты.

Все животные прыгали от радости, видя, как они горят.

Сноуболл кроме того швырнул в костер и ленточки, которые в ярмарочные дни обычно вплетались в хвосты и гривы лошадей.

- Ленточки, - сказал он, - должны быть признаны одеждой, признаком человеческих существ.

Все животные должны ходить нагими.

Услышав это, Боксер стряхнул соломенную шляпу, которую обычно носил летом, чтобы уберечь от оводов свои уши, и с облегчением кинул ее в огонь.

Не потребовалось много времени, чтобы разрушить все, напоминавшее животным о мистере Джонсе.

После того Наполеон отвел их в закрома и выдал каждому по двойной порции пищи, а собакам, кроме того, - по два бисквита.

from end to end seven times running, and after that they settled down for the night and slept as they had never slept before.

But they woke at dawn as usual, and suddenly remembering the glorious thing that had happened, they all raced out into the pasture together.

A little way down the pasture there was a knoll that commanded a view of most of the farm.

The animals rushed to the top of it and gazed round them in the clear morning light.

Yes, it was theirs - everything that they could see was theirs!

In the ecstasy of that thought they gambolled round and round, they hurled themselves into the air in great leaps of excitement. They rolled in the dew, they cropped mouthfuls of the sweet summer grass, they kicked up clods of the black earth and snuffed its rich scent.

Then they made a tour of inspection of the whole farm and surveyed with speechless admiration the ploughland, the hayfield, the orchard, the pool, the spinney.

It was as though they had never seen these things before, and even now they could hardly believe that it was all their own.

Then they filed back to the farm buildings and halted in silence outside

Затем они семь раз подряд вдохновенно спели "Скоты Англии" и пошли устраиваться на ночь. Сон их был крепок, как никогда раньше.

Как обычно, проснувшись на рассвете, они внезапно вспомнили блистательную вчерашнюю победу и все вместе потрусили на пастбище.

Недалеко от него был холм, с которого открывался вид на большинство владений фермы.

В чистом утреннем свете животные взобрались на его вершину и стали осматриваться.

Да, все это была их собственность - все, что мог охватить глаз, принадлежало им!

В восторге от этих открытий они стали носиться кругами и прыгать, выражая свое восхищение. Они катались по росе, они набивали рты сладкой летней травой, они взрывали мягкую черную землю и с наслаждением упивались ее волнующим ароматом.

Затем, осматриваясь, они обошли всю ферму, с немым восторгом глядя на пашни, пастбища, на фруктовый сад, на пруд и рощицу.

Похоже было, что никогда ранее они не видели всего этого и сейчас с трудом верили, что все принадлежит им.

Затем они вернулись к постройкам и в замешательстве остановились на

the door of the farmhouse.

That was theirs too, but they were frightened to go inside.

After a moment, however, Snowball and Napoleon butted the door open with their shoulders and the animals entered in single file, walking with the utmost care for fear of disturbing anything.

They tiptoed from room to room, afraid to speak above a whisper and gazing with a kind of awe at the unbelievable luxury, at the beds with their feather mattresses, the lookingglasses, the horsehair sofa, the Brussels carpet, the lithograph of Queen Victoria over the drawing-room mantelpiece.

They were just coming down the stairs when Mollie was discovered to be missing.

Going back, the others found that she had remained behind in the best bedroom.

She had taken a piece of blue ribbon from Mrs. Jones's dressing-table, and was holding it against her shoulder and admiring herself in the glass in a very foolish manner.

The others reproached her sharply, and they went outside.

Some hams hanging in the kitchen were taken out for burial, and the barrel of beer in the scullery was stove in with a kick from Boxer's

пороге открытой двери фермы.

Теперь она тоже принадлежала им, но войти внутрь было еще несколько страшновато.

Помедлив с минуту или около того, Сноуболл и Наполеон распахнули дверь настежь, и животные гуськом осторожно вошли внутрь, пугливо старась ничего не задеть.

На цыпочках они прошли из комнаты в комнату, боясь проронить хоть шепот и в изумлении дивясь на ту невероятную роскошь, что окружала их -постели с пуховыми перинами, зеркала, софа из конского волоса, брюссельские ковры и литография королевы Виктории над вешалкой в гостиной.

Они уже спускались по лестнице, когда выяснилось, что Молли исчезла.

Вернувшись, остальные обнаружили ее в одной из спален.

Она взяла кусок голубой ленточки с туалетного столика миссис Джонс, перекинула его через плечо и с предельно глупым видом любовалась на себя в зеркало.

Все животные единодушно осудили ее и затем все вместе покинули эту комнату.

Несколько окороков, висевших на кухне, были взяты для захоронения, и в буфетной Боксер проломил копытом

hoof, - otherwise nothing in the house was touched. бочонок с пивом - все остальное в доме осталось нетронутым.

A unanimous resolution was passed on the spot that the farmhouse should be preserved as a museum. Было принято единодушное решение, что ферма останется музеем.

All were agreed that no animal must ever live there. Все пришли к соглашению, что ни одно животное не должно жить в ее помещениях.

The animals had their breakfast, and then Snowball and Napoleon called them together again. После завтрака Сноуболл и Наполеон снова созвали всех.

'Comrades,' said Snowball, 'it is half-past six and we have a long day before us. - Товарищи, - сказал Сноуболл, - уже полшестого, и нас ждет долгий день.

Today we begin the hay harvest. Сегодня мы начнем жатву.

But there is another matter that must be attended to first.' Но прежде всего мы должны кое-что сделать.

The pigs now revealed that during the past three months they had taught themselves to read and write from an old spelling book which had belonged to Mr. Jones's children and which had been thrown on the rubbish heap. И свиньи сообщили, что в течение последних трех месяцев они учились читать и писать по старому сборнику прописей, который когда-то принадлежал детям мистера Джонса, но был выброшен в кучу хлама.

Napoleon sent for pots of black and white paint and led the way down to the five-barred gate that gave on to the main road. Наполеон послал за банками с черной и белой красками и направился к воротам, за которыми начиналась основная дорога.

Then Snowball (for it was Snowball who was best at writing) took a brush between the two knuckles of his trotter, painted out MANOR FARM from the top bar of the gate and in its place painted ANIMAL FARM. Затем Сноуболл (именно Сноуболл, поскольку у него был самый лучший почерк) взял своими раздвоенными копытцами кисть, закрасил название "Ферма "Усадьба"" на верхней перекладине ворот и на этом месте написал "Скотский хутор".

This was to be the name of the farm Отныне таково должно было быть

from now onwards.

After this they went back to the farm buildings, where Snowball and Napoleon sent for a ladder which they caused to be set against the end wall of the big barn.

They explained that by their studies of the past three months the pigs had succeeded in reducing the principles of Animalism to Seven Commandments.

These Seven Commandments would now be inscribed on the wall; they would form an unalterable law by which all the animals on Animal Farm must live for ever after.

With some difficulty (for it is not easy for a pig to balance himself on a ladder) Snowball climbed up and set to work, with Squealer a few rungs below him holding the paint-pot.

The Commandments were written on the tarred wall in great white letters that could be read thirty yards away.

They ran thus:

THE SEVEN COMMANDMENTS

1. Whatever goes upon two legs is an enemy.

2. Whatever goes upon four legs, or has wings, is a friend.

3. No animal shall wear clothes.

4. No animal shall sleep in a bed.

5. No animal shall drink alcohol.

6. No animal shall kill any other

название фермы.

После этого они вернулись к зданию, где уже стояла прислоненная к задней стенке большого амбара лестница, доставленная по приказанию Наполеона и Сноуболла.

Они объяснили, что последние три месяца, когда они изучали прописи, им, свиньям, удалось сформулировать в семи заповедях принципы анимализма.

Эти семь заповедей будут запечатлены на стене; и в них найдут отражение непререкаемые законы, по которым отныне и до скончания века будут жить все животные на ферме.

С некоторыми трудностями (ибо свинье не так просто балансировать на лестнице) Сноуболл забрался наверх и принялся за работу; несколькими ступеньками ниже Визгун держал банку с краской.

Заповеди были написаны на темной промасленной стене большими белыми буквами, видными с тридцати метров.

Вот что они гласили:

Семь заповедей:

Каждый, кто ходит на двух ногах, - враг.

Каждый, кто ходит на четырех ногах или у кого есть крылья, - друг.

Животные не носят платья.

Животные не спят в кроватях.

Животные не пьют алкоголя.

Животное не может убить другое

animal.

7. All animals are equal.

It was very neatly written, and except that 'friend' was written 'freind' and one of the 'S's' was the wrong way round, the spelling was correct all the way through.

Snowball read it aloud for the benefit of the others.

All the animals nodded in complete agreement, and the cleverer ones at once began to learn the Commandments by heart.

'Now, comrades,' cried Snowball, throwing down the paint-brush, 'to the hayfield!

Let us make it a point of honour to get in the harvest more quickly than Jones and his men could do.'

But at this moment the three cows, who had seemed uneasy for some time past, set up a loud lowing.

They had not been milked for twenty-four hours, and their udders were almost bursting.

After a little thought, the pigs sent for buckets and milked the cows fairly successfully, their trotters being well adapted to this task.

Soon there were five buckets of frothing creamy milk at which many of the animals looked with considerable interest.

'What is going to happen to all that milk?' said someone.

животное.

Все животные равны.

Написано все было очень аккуратно, не считая только, что вместо "друг" было "дург", а одно из "с" было развернуто в другую сторону, но в целом все было очень правильно.

Чтобы собравшиеся твердо уяснили написанное, Сноуболл громко прочел заповеди.

Все кивали в полном согласии, а самые сообразительные сразу же стали учить заповеди наизусть.

- А теперь, товарищи, - сказал Сноуболл, отбрасывая кисточку, - на нивы!

Пусть для нас станет делом чести убрать урожай быстрее, чем Джонс и его рабы!

Но в этот момент три коровы, которые давно уже тоскливо переминались с ноги на ногу, стали громко мычать.

Их не доили уже целые сутки, и все три вымени у них болели.

Немного подумав, свиньи послали за ведрами и весьма успешно подоили коров, поскольку, как оказалось, свиные копытца были словно специально приспособлены для этой цели.

Скоро пять ведер наполнились жирным парным молоком, на которое остальные животные смотрели с нескрываемым интересом.

- Что будем делать с этим молоком? - спросил кто-то.

'Jones used sometimes to mix some of it in our mash,' said one of the hens.

'Never mind the milk, comrades!' cried Napoleon, placing himself in front of the buckets.

' That will be attended to.

The harvest is more important. Comrade Snowball will lead the way.

I shall follow in a few minutes.

Forward, comrades!

The hay is waiting.'

So the animals trooped down to the hayfield to begin the harvest, and when they came back in the evening it was noticed that the milk had disappeared.

III

How they toiled and sweated to get the hay in!

But their efforts were rewarded, for the harvest was an even bigger success than they had hoped.

Sometimes the work was hard; the implements had been designed for human beings and not for animals, and it was a great drawback that no animal was able to use any tool that involved standing on his hind legs.

But the pigs were so clever that they could think of a way round every difficulty.

- Джонс иногда подмешивал его нам в кормушки,- сказала одна из кур.

- Не о молоке надо думать, товарищи! - вскричал Наполеон, закрывая собой ведра.

- О нем позаботятся.

Урожай - вот что главное.

Товарищ Сноуболл поведет вас.

Я последую за вами через несколько минут.

Вперед, товарищи!

Жатва не ждет.

И животные двинулись на поля, где принялись за уборку, а когда вечером вернулись домой, то обнаружили, что молоко исчезло.

Глава III

Как они выкладывались и потели на жатве!

Но их усилия были вознаграждены, так как урожай оказался даже больше, чем они рассчитывали.

Порой работа доставляла немалые трудности: техника была рассчитана на людей, а не на животных, и основным препятствием было то, что никто из них не мог работать, стоя на задних ногах.

Но у свиней хватило сообразительности обойти эти помехи.

As for the horses, they knew every inch of the field, and in fact understood the business of mowing and raking far better than Jones and his men had ever done.

The pigs did not actually work, but directed and supervised the others.

With their superior knowledge it was natural that they should assume the leadership.

Boxer and Clover would harness themselves to the cutter or the horse-rake (no bits or reins were needed in these days, of course) and tramp steadily round and round the field with a pig walking behind and calling out 'Gee up, comrade!' or 'Whoa back, comrade!' as the case might be.

And every animal down to the humblest worked at turning the hay and gathering it.

Even the ducks and hens toiled to and fro all day in the sun, carrying tiny wisps of hay in their beaks.

In the end they finished the harvest in two days' less time than it had usually taken Jones and his men.

Moreover, it was the biggest harvest that the farm had ever seen.

There was no wastage whatever;

Что же касается лошадей, то они знали каждую кочку на полях, в косовице и жатве разбирались лучше Джонса и его батраков.

Сами свиньи фактически не работали, а лишь организовывали и руководили.

Естественно, что эта главенствующая роль была обеспечена их выдающимися познаниями.

Боксер и Кловер впрягались в жнейку или в механические грабли (ни о поводьях, ни о хлысте в эти дни, конечно, не могло быть и речи) и аккуратно, раз за разом, проходили все поле. Сзади шла свинья и в зависимости от ситуации руководила работой с помощью возгласов:

"Поддай, товарищ!" или

"Ссади назад, товарищ!".

Все выкладывались до предела, скашивая и убирая урожай.

Даже куры и утки целый день сновали взад и вперед, таская колоски в клювах.

В конечном итоге урожай был собран на два дня раньше, чем это обычно делал мистер Джонс.

Более того - такого обильного урожая ферма еще не видела.

Не пропало ни одного зернышка; куры и

the hens and ducks with their sharp eyes had gathered up the very last stalk.

And not an animal on the farm had stolen so much as a mouthful.

All through that summer the work of the farm went like clockwork.

The animals were happy as they had never conceived it possible to be.

Every mouthful of food was an acute positive pleasure, now that it was truly their own food, produced by themselves and for themselves, not doled out to them by a grudging master.

With the worthless parasitical human beings gone, there was more for everyone to eat.

There was more leisure too, inexperienced though the animals were.

They met with many difficulties - for instance, later in the year, when they harvested the corn, they had to tread it out in the ancient style and blow away the chaff with their breath, since the farm possessed no threshing machine - but the pigs with their cleverness and Boxer with his tremendous muscles always pulled them through.

Boxer was the admiration of everybody.

He had been a hard worker even in

утки с их острым зрением подобрали даже все соломинки.

За время уборки никто не позволил себе съесть больше одной горсточки.

Все лето работы шли с точностью часового механизма.

Обитатели фермы даже не представляли себе, что можно трудиться с таким удовольствием.

Они испытывали острое наслаждение, наблюдая, как заполняются закрома, потому что это была их пища, которую они вырастили и собрали сами для себя, пища, которую отныне не отнимет у них безжалостный хозяин.

После изгнания паразитических и бесполезных людей, никто больше не претендовал на собранные запасы.

Конечно, на досуге приходилось о многом подумать.

Не обладая еще достаточным опытом, они встречались с определенными трудностями - например, когда они приступили к уборке зерновых, им пришлось, как в старые времена, вылушивать зерна и собственным дыханием сдувать мякину - но сообразительность свиней и могучие мускулы Боксера всегда приходили на помощь.

Боксер вызывал у всех восхищение.

Jones's time, but now he seemed more like three horses than one; there were days when the entire work of the farm seemed to rest on his mighty shoulders.

Он много работал еще во время Джонса, ну а теперь трудился за троих; бывали дни, когда, казалось, вся работа на ферме ложилась на его всемогущие плечи.

From morning to night he was pushing and pulling, always at the spot where the work was hardest.

С восхода и до заката он трудился без усталости, и всегда там, где работа шла труднее всего.

He had made an arrangement with one of the cockerels to call him in the mornings half an hour earlier than anyone else, and would put in some volunteer labour at whatever seemed to be most needed, before the regular day's work began.

Он договорился с одним из петухов, чтобы тот поднимал его на полчаса раньше всех, и до начала дня он уже добровольно успевал что-то сделать там, где был нужнее всего.

His answer to every problem, every setback, was

Сталкиваясь с любой задержкой, с любой проблемой, он неизменно говорил одно и то же:

"I will work harder!" - which he had adopted as his personal motto.

"Я буду работать еще больше" - таков был его личный девиз.

But everyone worked according to his capacity. The hens and ducks, for instance, saved five bushels of corn at the harvest by gathering up the stray grains.

Но и остальные работали с полной отдачей. Так, например, во время уборки куры и утки снесли в закрома пять бушелей пшеницы, которую они собрали по зернышку.

Nobody stole, nobody grumbled over his rations, the quarrelling and biting and jealousy which had been normal features of life in the old days had almost disappeared.

Хищения, воркотня из-за порции, ссоры, свары и ревность, то есть все, что было нормальным явлением в старые времена - все это практически исчезло.

Nobody shirked - or almost nobody.

Никто - или почти никто - не жаловался.

Mollie, it was true, was not good at getting up in the mornings, and had a way of leaving work early on the ground that there was a stone in her

Правда, Молли не нравилось вставать рано утром, и если на ее пашне попадались камни, она могла сразу же

hoof.

And the behaviour of the cat was somewhat peculiar.

It was soon noticed that when there was work to be done the cat could never be found.

She would vanish for hours on end, and then reappear at meal-times, or in the evening after work was over, as though nothing had happened. But she always made such excellent excuses, and purred so affectionately, that it was impossible not to believe in her good intentions.

Old Benjamin, the donkey, seemed quite unchanged since the Rebellion.

He did his work in the same slow obstinate way as he had done it in Jones's time, never shirking and never volunteering for extra work either.

About the Rebellion and its results he would express no opinion.

When asked whether he was not happier now that Jones was gone, he would say only

'Donkeys live a long time.

None of you has ever seen a dead donkey,' and the others had to be content with this cryptic answer.

On Sundays there was no work.

бросить работу.

Довольно сообразительным было и поведение кошки.

Скоро было замечено, что, как только возникала неотложная работа, кошки не могли доискаться.

Она пропадала часами, а потом, как ни в чем не бывало, появлялась к обеду или вечером, когда все работы были завершены, но она всегда умела столь убедительно извиняться и так трогательно мурлыкала, что было просто невозможно не верить в ее добрые намерения.

Старый Бенджамин, осел, казалось, совершенно не изменился со времен восстания.

Он никогда не напрашивался ни на какую работу и ни от чего не отлынивал; но все, что он делал, было проникнуто духом того же медленного упрямства, что и во времена мистера Джонса.

О восстании и о том, что оно принесло, Бенджамин предпочитал помалкивать.

Когда его спрашивали, чувствует ли он, насколько счастливее стало жить после изгнания Джонса, он только бурчал:

"У ослов долгий век.

Никто из вас не видел дохлого осла", и остальным оставалось лишь удовлетворяться его загадочным ответом.

В воскресенье все отдыхали.

Breakfast was an hour later than usual, and after breakfast there was a ceremony which was observed every week without fail.

First came the hoisting of the flag.

Snowball had found in the harness-room an old green tablecloth of Mrs. Jones's and had painted on it a hoof and a horn in white.

This was run up the flagstaff in the farmhouse garden every Sunday morning.

The flag was green, Snowball explained, to represent the green fields of England, while the hoof and horn signified the future Republic of the Animals which would arise when the human race had been finally overthrown.

After the hoisting of the flag all the animals trooped into the big barn for a general assembly which was known as the Meeting.

Here the work of the coming week was planned out and resolutions were put forward and debated.

It was always the pigs who put forward the resolutions.

The other animals understood how to vote, but could never think of any resolutions of their own.

Snowball and Napoleon were by far the most active in the debates.

But it was noticed that these two were never in agreement: whatever

Завтракали на час позже, а затем все спешили на церемонию, которая неукоснительно проводилась каждую неделю.

Первым делом торжественно поднимался флаг.

Сноуболл нашел в кладовке старую зеленую скатерть миссис Джонс и нарисовал на ней белое копыто и рог.

Каждое воскресное утро этот стяг поднимался по флагштоку, водруженному в саду фермы.

Зеленый цвет, объяснил Сноуболл, символизирует поля Англии, а копыто и рог олицетворяют будущую республику животных, которая восторжествует после того, как будет окончательно покончено со всем родом человеческим.

После поднятия флага все собирались в большом амбаре на общий совет, который получил название ассамблеи.

Здесь планировалась работа на будущую неделю, выдвигались и обсуждались различные решения.

Как правило, предлагали свиньи.

Все остальные понимали, как они должны голосовать, но им никогда не приходило в голову выступить с собственными предложениями.

Сноуболл и Наполеон бурно участвовали в дебатах.

Но было замечено, что они редко приходят к соглашению: что бы ни

suggestion either of them made, the other could be counted on to oppose it.

Even when it was resolved - a thing no one could object to in itself - to set aside the small paddock behind the orchard as a home of rest for animals who were past work, there was a stormy debate over the correct retiring age for each class of animal.

The Meeting always ended with the singing of

'Beasts of England', and the afternoon was given up to recreation.

The pigs had set aside the harness-room as a headquarters for themselves.

Here, in the evenings, they studied blacksmithing, carpentering, and other necessary arts from books which they had brought out of the farmhouse.

Snowball also busied himself with organising the other animals into what he called Animal Committees.

He was indefatigable at this.

He formed the Egg Production Committee for the hens, the Clean Tails League for the cows, the Wild Comrades' Re-education Committee (the object of this was to tame the rats and rabbits), the Whiter Wool Movement for the sheep, and various others, besides instituting classes in

предлагал один из них, второй всегда выступал против.

Даже когда все было совершенно ясно и было достигнуто единодушное согласие - например, оставить нетронутым небольшой выгон за садом, который мог бы служить местом отдыха для животных, окончивших работу, - то и тогда разгорелись бурные споры о пределе пенсионного возраста для каждого вида животных.

Ассамблея всегда кончалась пением гимна

"Скоты Англии", и после полудня все отдыхали.

Помещение, где хранилась упряжь, свиньи превратили в свою штаб-квартиру.

Здесь, пользуясь книгами, которые нашлись на ферме, вечерами они изучали кузнечное дело, плотницкие работы и другие искусства.

Сноуболл, кроме того, занимался созданием организаций, которые он называл комитеты животных.

Этим он занимался с неутомимой энергией.

Он организовывал комитет по производству яиц для кур, лигу чистых хвостов для коров, комитет по вторичному образованию диких товарищей (его целью было приручить крыс и кроликов), движение за белую шерсть среди овец и множество других, не говоря уже о курсах чтения

reading and writing.

и письма.

On the whole, these projects were a failure.

Обычно все эти проекты постигала неудача.

The attempt to tame the wild creatures, for instance, broke down almost immediately.

Например, попытки приручения рухнули почти немедленно.

They continued to behave very much as before, and when treated with generosity, simply took advantage of it.

Все дикие вели себя точно так же, как и раньше и, если чувствовали, что к ним относятся с подчеркнутым великодушием, просто старались использовать такое отношение.

The cat joined the Reeducation Committee and was very active in it for some days.

Кошка вошла в комитет по вторичному образованию и несколько дней проявляла большую активность.

She was seen one day sitting on a roof and talking to some sparrows who were just out of her reach.

Так, однажды она была замечена сидящей на крыше и беседующей с воробьями, которые располагались несколько поодаль от нее.

She was telling them that all animals were now comrades and that any sparrow who chose could come and perch on her paw; but the sparrows kept their distance.

Она рассказывала им, что теперь все животные стали братьями и что ныне любой воробей, если захочет, может подойти и сесть к ней на лапу, но воробьи продолжали сохранять дистанцию.

The reading and writing classes, however, were a great success.

Тем не менее, ликбез пользовался большим успехом.

By the autumn almost every animal on the farm was literate in some degree.

К осени почти все животные в той или иной степени стали грамотными.

As for the pigs, they could already read and write perfectly.

Что касается свиней, они свободно читали и писали.

The dogs learned to read fairly well, but were not interested in reading anything except the Seven Commandments.

Собаки успешно учились читать, но кроме семи заповедей их ничего не интересовало.

Muriel, the goat, could read somewhat

Мюриель, коза, умела читать еще

better than the dogs, and sometimes used to read to the others in the evenings from scraps of newspaper which she found on the rubbish heap.

Benjamin could read as well as any pig, but never exercised his faculty.

So far as he knew, he said, there was nothing worth reading.

Clover learnt the whole alphabet, but could not put words together.

Boxer could not get beyond the letter D.

He would trace out A, B, C, D, in the dust with his great hoof, and then would stand staring at the letters with his ears back, sometimes shaking his forelock, trying with all his might to remember what came next and never succeeding.

On several occasions, indeed, he did learn E, F, G, H, but by the time he knew them, it was always discovered that he had forgotten A, B, C, and D.

Finally he decided to be content with the first four letters, and used to write them out once or twice every day to refresh his memory.

Mollie refused to learn any but the six letters which spelt her own name.

She would form these very neatly out of pieces of twig, and would then decorate

лучше собак и порой по вечерам она читала остальным обрывки газет, которые валялись в куче мусора.

Бенджамин читал так же, как свиньи, но никогда не демонстрировал своих способностей.

Насколько мне известно, говорил он, нет ничего стоящего, чтобы читать.

Кlover освоила алфавит, но так и не овладела искусством складывать из букв слова.

Боксер добрался лишь до буквы "Г".

Своим огромным копытом он выводил в пыли "а", "б", "в", "г", а затем, прижав уши и временами потряхивая челкой, стоял, глядя на них, изо всех сил стараясь вспомнить, что следует дальше.

Временами он твердо осваивал следующие четыре буквы, но, как правило, выяснялось, что забывал предыдущие.

Наконец, он решил удовлетвориться первыми четырьмя буквами и писал их на земле один-два раза в день, что позволяло ему освежать память.

Освоив пять букв, из которых состояло ее имя, Молли отказалась учиться дальше.

Она изящно выкладывала свое имя из веточек, украшала его парой цветочков и прохаживалась

them with a flower or two and walk round them admiring them.

рядом, в восхищении глядя на свое произведение.

None of the other animals on the farm could get further than the letter A.

Большинство же остальных животных фермы так и не продвинулись дальше буквы "а".

It was also found that the stupider animals, such as the sheep, hens, and ducks, were unable to learn the Seven Commandments by heart.

Кроме того, было выяснено, что самые глупые из них, такие, как овцы, утки, куры были не в состоянии выучить наизусть семь заповедей.

After much thought Snowball declared that the Seven Commandments could in effect be reduced to a single maxim, namely:

После долгих размышлений Сноуболл объявил, что семь заповедей могут быть успешно сведены к афоризму, который звучал следующим образом:

'Four legs good, two legs bad.'

"Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо".

This, he said, contained the essential principle of Animalism.

В этом, он сказал, заключен основной принцип анимализма.

Whoever had thoroughly grasped it would be safe from human influences.

И тот, кто глубоко усвоит его, будет спасен от человеческого влияния.

The birds at first objected, since it seemed to them that they also had two legs, but Snowball proved to them that this was not so.

На первый взгляд, этот принцип исключал птиц, поскольку у них тоже были две ноги, но Сноуболл доказал, что это не так.

'A bird's wing, comrades,' he said, 'is an organ of propulsion and not of manipulation.

- Птичьи крылья, товарищи, - сказал он, - это орган движения, а не действий.

It should therefore be regarded as a leg.

Следовательно, их можно считать ногами.

The distinguishing mark of man is the hand, the instrument with which he does all his mischief.'

Отличительный признак человека - это руки, при помощи которых он и творит все свои злодеяния.

The birds did not understand Snowball's long words, but they accepted his explanation, and all the humbler animals set to work to learn

Птицы так и не поняли долгих тирад Сноуболла, но смысл его толкования до них дошел, и все отстающие принялись старательно запоминать

the new maxim by heart. FOUR LEGS GOOD, TWO LEGS BAD, was inscribed on the end wall of the barn, above the Seven Commandments and in bigger letters.

When they had once got it by heart, the sheep developed a great liking for this maxim, and often as they lay in the field they would all start bleating

' Four legs good, two legs bad!

Four legs good, two legs bad!' and keep it up for hours on end, never growing tired of it.

Napoleon took no interest in Snowball's committees.

He said that the education of the young was more important than anything that could be done for those who were already grown up.

It happened that Jessie and Bluebell had both whelped soon after the hay harvest, giving birth between them to nine sturdy puppies.

As soon as they were weaned, Napoleon took them away from their mothers, saying that he would make himself responsible for their education.

He took them up into a loft which could only be reached by a ladder from the harness-room, and there kept them in such seclusion that the rest of the farm

новый афоризм. "Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо" было написано большими буквами на задней стенке амбара, несколько выше семи заповедей.

Наконец усвоив его, овцы восторженно приняли новое изречение и часто, находясь на пастбище, они все хором начинали блеять:

"Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо!

Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо!" - и так могло продолжаться часами, без малейшего признака усталости.

Наполеон не проявлял никакого интереса к комитетам Сноуболла.

Он сказал, что обучение подрастающего поколения гораздо важнее любых дел, которые могут быть сделаны для тех, кто уже вошел в возраст.

Он высказал свою точку зрения как раз в то время, когда после уборки урожая Джесси и Блюбелл разрешились от бремени девятью крепкими здоровыми щенятами.

Как только они перестали сосать, Наполеон забрал их от матери, сказав, что он лично будет отвечать за их образование.

Он поместил их на чердаке, куда можно было попасть только по лестнице из штаб-квартиры свиней и держал их тут в такой изоляции, что скоро все обитатели фермы

soon forgot their existence.

The mystery of where the milk went to was soon cleared up.

It was mixed every day into the pigs' mash.

The early apples were now ripening, and the grass of the orchard was littered with windfalls.

The animals had assumed as a matter of course that these would be shared out equally; one day, however, the order went forth that all the windfalls were to be collected and brought to the harnessroom for the use of the pigs.

At this some of the other animals murmured, but it was no use.

All the pigs were in full agreement on this point, even Snowball and Napoleon.

Squealer was sent to make the necessary explanations to the others.

'Comrades!' he cried.

'You do not imagine, I hope, that we pigs are doing this in a spirit of selfishness and privilege?

Many of us actually dislike milk and apples.

I dislike them myself.

Our sole object in taking these things is to preserve our health.

Milk and apples (this has been proved by Science, comrades) contain

забыли о существовании щенков.

Скоро прояснилась и таинственная история с исчезновением молока.

Свиньи каждый день подмешивали его в свою кормушку.

Поспели и ранние яблоки. Теперь после каждого порыва ветра они устилали траву в саду.

Было принято как должное, что все имеют на них право, но однажды установившийся порядок был изменен: все яблоки должны быть собраны и доставлены в помещение для свиней.

Кое-кто попробовал роптать, но это не принесло результатов.

Касательно этого предмета все свиньи проявили редкостное единодушие, даже Наполеон со Сноуболлом.

На Визгуна была возложена обязанность объяснить ситуацию остальным.

- Товарищи! - вскричал он.

- Надеюсь, вы не считаете, что мы, свиньи, поступаем подобным образом лишь из мелкого эгоизма.

Многие из нас на самом деле терпеть не могут молока и яблок.

Сам я на них и смотреть не стану.

Единственная цель, с которой мы их используем, -сохранить ваше здоровье.

Яблоки и молоко (и это совершенно точно доказано наукой, товарищи) содержат элементы, абсолютно

substances absolutely necessary to the well-being of a pig.

необходимые для поддержания жизни и хорошего самочувствия у свиней.

We pigs are brainworkers.

Мы, свиньи, - работники интеллектуального труда.

The whole management and organisation of this farm depend on us.

Забота о процветании нашей фермы и об организации работ лежит исключительно на нас.

Day and night we are watching over your welfare.

День и ночь мы неусыпно заботимся о вашем благосостоянии.

It is for your sake that we drink that milk and eat those apples.

Мы пьем молоко и едим эти яблоки только ради вас.

Do you know what would happen if we pigs failed in our duty?

Можете ли вы представить, что произойдет, если мы, свиньи, окажемся не в состоянии исполнять свои обязанности?

Jones would come back!

Вернется Джонс!

Yes, Jones would come back!

Да, снова воцарится Джонс!

Surely, comrades,' cried Squealer almost pleadingly, skipping from side to side and whisking his tail, 'surely there is no one among you who wants to see Jones come back?'

И я уверен, товарищи, - в голосе Визгуна, который метался из стороны в сторону, крутя хвостиком, появились почти рыдающие ноты, -без сомнения, нет ни одного, кто хотел бы возвращения Джонса!

Now if there was one thing that the animals were completely certain of, it was that they did not want Jones back.

И если существовало хоть что-нибудь, в чем все животные были безоговорочно уверены, так это было именно то, о чем говорил Визгун: никто из них не хотел возвращения Джонса.

When it was put to them in this light, they had no more to say.

Когда положение дел предстало перед ними в таком свете, у них не нашлось слов для возражений.

The importance of keeping the pigs in good health was all too obvious.

Слишком очевидной стала необходимость заботы о здоровье свиней.

So it was agreed without further

argument that the milk and the windfall apples (and also the main crop of apples when they ripened) should be reserved for the pigs alone.

IV

By the late summer the news of what had happened on Animal Farm had spread across half the county.

Every day Snowball and Napoleon sent out flights of pigeons whose instructions were to mingle with the animals on neighbouring farms, tell them the story of the Rebellion, and teach them the tune of Beasts of England.

Most of this time Mr. Jones had spent sitting in the taproom of the Red Lion at Willingdon, complaining to anyone who would listen of the monstrous injustice he had suffered in being turned out of his property by a pack of good-for-nothing animals.

The other farmers sympathised in principle, but they did not at first give him much help.

At heart, each of them was secretly wondering whether he could not somehow turn Jones's misfortune to his own advantage.

It was lucky that the owners of the two farms which adjoined Animal Farm were on permanently bad terms.

One of them, which was named

И без дальнейших рассуждений все согласились, что и молоко и падалицы (и кроме того, значительную часть поспевающих яблок) необходимо беречь только для свиней.

Глава IV

В конце лета весть о событиях на скотском хуторе распространилась почти по всей округе.

Каждый день Сноуболл и Наполеон посылали в полет голубей, которые должны были рассказывать обитателям соседних ферм историю восстания и учить всех гимну "Скоты Англии".

Почти все время мистер Джонс проводил в распивочной "Красный лев" в Уиллингдоне и каждому, кто был согласен его слушать, жаловался на ужасную несправедливость, что выпала на его долю, когда компания каких-то низменных скотов лишила его собственности.

Остальные фермеры в принципе сочувствовали ему, но помощь оказывать не торопились.

В глубине души каждый из них потихоньку прикидывал, а не перепадет ли ему что-нибудь из-за несчастья, свалившегося на мистера Джонса.

Так уж получилось, что владельцы двух ферм, примыкавших к скотскому хутору, постоянно были в плохих отношениях с мистером Джонсом.

Одна из них, именовавшаяся

Foxwood, was a large, neglected, old-fashioned farm, much overgrown by woodland, with all its pastures worn out and its hedges in a disgraceful condition.

Its owner, Mr. Pilkington, was an easy-going gentleman farmer who spent most of his time in fishing or hunting according to the season.

The other farm, which was called Pinchfield, was smaller and better kept.

Its owner was a Mr. Frederick, a tough, shrewd man, perpetually involved in lawsuits and with a name for driving hard bargains.

These two disliked each other so much that it was difficult for them to come to any agreement, even in defence of their own interests.

Nevertheless, they were both thoroughly frightened by the rebellion on Animal Farm, and very anxious to prevent their own animals from learning too much about it.

At first they pretended to laugh to scorn the idea of animals managing a farm for themselves.

The whole thing would be over in a fortnight, they said.

Фоксвуд, представляла собой большое, запущенное, почти заросшее старомодное поместье, с истощенными пастбищами, обнесенными полуразвалившимися изгородями.

Ее владелец, мистер Пилкингтон, был беспечным джентльменом из тех фермеров, которые проводят почти все время на охоте или на рыбной ловле, в зависимости от сезона.

Другая ферма, которая называлась Пинчфилд, была меньше, но находилась в лучшем состоянии.

Она принадлежала мистеру Фредерику, существу грубому и злому, который постоянно занимался какими-то судебными тяжбами и пользовался репутацией человека, который за шиллинг готов перегрызть горло ближнему.

Эти двое настолько не любили друг друга, что прийти к какому-то соглашению, даже для защиты собственных интересов, они практически не могли.

Тем не менее, оба они были напуганы известием о восстании на скотском хуторе и озабочены тем, чтобы их собственная живность не восприняла этот урок в буквальном смысле.

На первых порах они решили на корню высмеять идею о животных, которые попробуют самостоятельно управлять фермой.

Через пару недель все рухнет, говорили они.

They put it about that the animals on the Manor Farm (they insisted on calling it the Manor Farm; they would not tolerate the name 'Animal Farm') were perpetually fighting among themselves and were also rapidly starving to death.

When time passed and the animals had evidently not starved to death, Frederick and Pilkington changed their tune and began to talk of the terrible wickedness that now flourished on Animal Farm.

It was given out that the animals there practised cannibalism, tortured one another with red-hot horseshoes, and had their females in common.

This was what came of rebelling against the laws of Nature, Frederick and Pilkington said.

However, these stories were never fully believed.

Rumours of a wonderful farm, where the human beings had been turned out and the animals managed their own affairs, continued to circulate in vague and distorted forms, and throughout that year a wave of rebelliousness ran through the countryside.

Bulls which had always been tractable suddenly turned savage, sheep broke down hedges and devoured the clover, cows kicked the pail over, hunters refused their fences and shot their riders on to the other side. Above all, the tune and even the words of Beasts

Они считали, что животные на ферме "Усадьба" (они упорно называли ферму ее старым именем; новое название они и слышать не могли) скоро передерутся между собой, не говоря уж о том, что просто перемрут с голоду.

Но по мере того, как шло время и, по всей видимости, умирать с голоду животные не собирались, Фредерик и Пилкингтон сменили мотив и начали говорить об ужасающей жестокости, царящей на "Скотском хуторе".

Доподлинно стало известно, что там свирепствует каннибализм, животные пытаются друг друга раскаленными шпорами и обобществили всех особей женского пола.

Таково возмездие за попытки идти против законов природы, добавляли Фредерик и Пилкингтон.

Тем не менее, эти рассказы отнюдь не пользовались всеобщим доверием.

Слухи о чудесной ферме, откуда были изгнаны люди, и животные сами управляют делами, продолжали смутно циркулировать, и в течение года по округе прокатилась тревожная волна сопротивления.

Быки, всегда отличавшиеся послушанием, внезапно дичали, овцы ломали изгороди и вытапывали поля, коровы опрокидывали ведра, скакуны упрямылись перед препятствиями и сбрасывали всадников. Кроме того, повсеместно распространялась

of England were known everywhere.

It had spread with astonishing speed.

The human beings could not contain their rage when they heard this song, though they pretended to think it merely ridiculous.

They could not understand, they said, how even animals could bring themselves to sing such contemptible rubbish.

Any animal caught singing it was given a flogging on the spot.

And yet the song was irrepressible.

The blackbirds whistled it in the hedges, the pigeons cooed it in the elms, it got into the din of the smithies and the tune of the church bells.

And when the human beings listened to it, they secretly trembled, hearing in it a prophecy of their future doom.

Early in October, when the corn was cut and stacked and some of it was already threshed, a flight of pigeons came whirling through the air and alighted in the yard of Animal Farm in the wildest excitement.

Jones and all his men, with half a dozen others from Foxwood and Pinchfield, had entered the fivebarred gate and were coming up the cart-track that led to the farm.

музыка и даже слова гимна "Скоты Англии".

Его популярность росла с необыкновенной быстротой.

Люди не могли сдерживать ярости, слыша эту песню, хотя они подчеркивали, что считают гимн просто смешным.

Трудно понять, говорили они, как даже животные могут позволить себе петь столь пошлую чепуху.

Но если кого-то ловили на месте преступления, тут же подвергали порке.

Тем не менее, песня продолжала звучать.

Дрозды, сидя на изгородях, насвистывали ее, голуби ворковали ее среди ветвей вязов; она слышалась и в грохоте кузнечных молотов, и в перезвоне церковных колоколов.

И слыша эту мелодию, люди не могли скрыть внутренней дрожи, потому что они знали - это голос грядущего возмездия.

В начале октября, когда все зерновые были уже скошены и засквердованы, а часть уже и обмолочена, стайка голубей, мелькнув в воздухе, в диком возбуждении приземлилась на скотском хуторе.

Джонс со своими людьми, а также полдюжины добровольцев из Фоксвуда и Пинчфилда уже миновали ворота и двигаются по дорожке, ведущей к ферме.

They were all carrying sticks, except Jones, who was marching ahead with a gun in his hands.

Obviously they were going to attempt the recapture of the farm.

This had long been expected, and all preparations had been made.

Snowball, who had studied an old book of Julius Caesar's campaigns which he had found in the farmhouse, was in charge of the defensive operations.

He gave his orders quickly, and in a couple of minutes every animal was at his post.

As the human beings approached the farm buildings, Snowball launched his first attack.

All the pigeons, to the number of thirty-five, flew to and fro over the men's heads and muted upon them from mid-air; and while the men were dealing with this, the geese, who had been hiding behind the hedge, rushed out and pecked viciously at the calves of their legs.

However, this was only a light skirmishing manoeuvre, intended to create a little disorder, and the men easily drove the geese off with their sticks.

Snowball now launched his second line of attack.

Muriel, Benjamin, and all the sheep, with Snowball at the head of them, rushed

Все они вооружены палками, кроме Джонса, который идет впереди с револьвером в руке.

Без сомнения, они будут пытаться отбить ферму.

Эта вылазка ожидалась уже давно, и все приготовления были сделаны заблаговременно.

Сноуболл, который изучил найденную на ферме старую книгу о галльской кампании Цезаря, принялся за организацию обороны.

Приказания отдавались с молниеносной быстротой, и через пару минут все были на своих постах.

Как только люди достигли строений, Сноуболл нанес первый удар.

Все тридцать пять голубей стали стремительно носиться над головами нападавших, застилая им поле зрения, и пока люди отмахивались от них, гуси, сидевшие в засаде за забором, кинулись вперед, жестоко щипая икры атакующих.

Но это был лишь легкий отвлекающий маневр, призванный внести некоторый беспорядок в ряды нападающих, и люди без труда отбились от гусей палками.

Тогда Сноуболл бросил в бой вторую линию нападения.

Мюриель, Бенджамин и все овцы во главе со Сноуболлом, рванулись

forward and prodded and butted the men from every side, while Benjamin turned around and lashed at them with his small hoofs.

But once again the men, with their sticks and their hobnailed boots, were too strong for them; and suddenly, at a squeal from Snowball, which was the signal for retreat, all the animals turned and fled through the gateway into the yard.

The men gave a shout of triumph.

They saw, as they imagined, their enemies in flight, and they rushed after them in disorder.

This was just what Snowball had intended.

As soon as they were well inside the yard, the three horses, the three cows, and the rest of the pigs, who had been lying in ambush in the cowshed, suddenly emerged in their rear, cutting them off. Snowball now gave the signal for the charge.

He himself dashed straight for Jones. Jones saw him coming, raised his gun and fired.

The pellets scored bloody streaks along Snowball's back, and a sheep dropped dead.

Without halting for an instant, Snowball flung his fifteen stone against Jones's

вперед и окружили нападающих, толкая и бодая их со всех сторон, пока Бенджамин носился кругами, стараясь лягать нападающих своими копытами.

Все же люди, с их колами и подкованными ботинками, оказались им не по зубам; внезапно Сноуболл взвизгнул, что было сигналом к отступлению, и все животные бросились обратно во двор.

Со стороны нападавших слышались вопли восторга.

На их глазах, как они и предполагали, враги обратились в бегство и они ринулись в беспорядочное преследование.

Именно этого и ждал Сноуболл.

Когда нападавшие оказались во дворе, три лошади, три коровы и свиньи, лежавшие в засаде в зарослях за коровником, внезапно бросились на врага с тыла, как только Сноуболл дал сигнал к атаке.

Сам он ринулся прямо на Джонса. Увидев его, Джонс вскинул револьвер и выстрелил.

Пуля скользнула по спине Сноуболла, оставив кровавую полосу, и наповал убила одну из овец.

Ни на мгновение не останавливаясь, Сноуболл всем своим внушительным весом сбил

legs.

Джонса с ног.

Jones was hurled into a pile of dung and his gun flew out of his hands.

Выронив револьвер, Джонс рухнул в кучу навоза.

But the most terrifying spectacle of all was Boxer, rearing up on his hind legs and striking out with his great iron-shod hoofs like a stallion.

Но самое устрашающее зрелище представлял собой Боксер, который, напоминая взбесившегося жеребца, встал на дыбы и разил своими подкованными копытами.

His very first blow took a stable-lad from Foxwood on the skull and stretched him lifeless in the mud.

Первый же его удар попал в голову конюху из Фоксвуда, и тот бездыханным повалился в грязь.

At the sight, several men dropped their sticks and tried to run.

Видя это, остальные побросали свои колья и пустились наутек.

Panic overtook them, and the next moment all the animals together were chasing them round and round the yard.

Прошло всего несколько мгновений и, охваченные паникой, они в беспорядке метались по двору.

They were gored, kicked, bitten, trampled on.

Их бодали, лягали, щипали и толкали.

There was not an animal on the farm that did not take vengeance on them after his own fashion.

Все обитатели, каждый по-своему, приняли участие в этом празднике мщения.

Even the cat suddenly leapt off a roof onto a cowman's shoulders and sank her claws in his neck, at which he yelled horribly.

Даже кошка внезапно прыгнула с крыши на плечи скотника и запустила когти ему за воротник, отчего тот взревел диким голосом.

At a moment when the opening was clear, the men were glad enough to rush out of the yard and make a bolt for the main road.

Увидев открытый выход, люди кубарем выкатились со двора и стремглав кинулись по дороге.

And so within five minutes of their invasion they were in ignominious retreat by the same way as they had come, with a flock of geese hissing after them and pecking at their calves all the way.

Не прошло и пяти минут с начала их вторжения -и они уже постыдно бежали по тому пути, который привел их на ферму, преследуемые отрядом гусей, щипавших их за икры.

All the men were gone except one.

Были изгнаны все, кроме одного.

Back in the yard Boxer was pawing with his hoof at the stable-lad who lay face down in the mud, trying to turn him over.	В дальней стороне двора Боксер осторожно трогал копытом лежавшего вниз лицом конюха, стараясь его перевернуть.
The boy did not stir.	Тот не шевелился.
'He is dead,' said Boxer sorrowfully.	- Он мертв, - печально сказал Боксер.
'I had no intention of doing that. I forgot that I was wearing iron shoes. Who will believe that I did not do this on purpose?'	- Я не хотел этого. Я забыл о своих подковах. Но кто поверит мне, что я не хотел этого?
'No sentimentality, comrade!' cried Snowball from whose wounds the blood was still dripping.	- Не расслабляться, товарищи, - вскричал Сноуболл, чья рана еще продолжала кровоточить.
'War is war.	- На войне как на войне.
The only good human being is a dead one.'	Единственный хороший человек - это мертвый человек.
'I have no wish to take life, not even human life,' repeated Boxer, and his eyes were full of tears.	- Я никого не хотел лишать жизни, даже человека,- повторил Боксер с глазами, полными слез.
'Where is Mollie?' exclaimed somebody.	- А где Молли? - спохватился кто-то.
Mollie in fact was missing.	Молли и в самом деле исчезла.
For a moment there was great alarm; it was feared that the men might have harmed her in some way, or even carried her off with them.	Через минуту на ферме поднялась суматоха: возникли опасения, что люди могли как-то покалечить ее или даже захватить в плен.
In the end, however, she was found hiding in her stall with her head buried among the hay in the manger.	В конце концов Молли была обнаружена спрятавшейся в своем стойле. Она стояла, по уши зарывшись в охапку сена.
She had taken to flight as soon as the gun went off.	Молли улепетнула с поля боя, как только в дело пошло оружие.
And when the others came back from looking for her, it was to find that the stable-lad, who in fact was only stunned, had already recovered	И когда, поглядев на нее, все высыпали во двор, то конюх, который был всего лишь без сознания, уже исчез.

and made off.

The animals had now reassembled in the wildest excitement, each recounting his own exploits in the battle at the top of his voice.

An impromptu celebration of the victory was held immediately.

The flag was run up and Beasts of England was sung a number of times, then the sheep who had been killed was given a solemn funeral, a hawthorn bush being planted on her grave.

At the graveside Snowball made a little speech, emphasising the need for all animals to be ready to die for Animal Farm if need be.

The animals decided unanimously to create a military decoration,

'Animal Hero, First Class,' which was conferred there and then on Snowball and Boxer. It consisted of a brass medal (they were really some old horse-brasses which had been found in the harness-room), to be worn on Sundays and holidays.

There was also

'Animal Hero, Second Class,' which was conferred posthumously on the dead sheep.

There was much discussion as to what the battle should be called.

In the end, it was named the Battle of the Cowshed, since that was where the ambush had been sprung.

И только теперь все пришли в дикое возбуждение; каждый, стараясь перекричать остальных, рассказывал о своих подвигах в битве.

Все это вылилось в импровизированное празднество в честь победы.

Тут же был поднят флаг, бесчисленное количество раз прозвучали "Скоты Англии", погибшей овечке были устроены торжественные похороны, и на ее могиле посажен куст боярышника.

На свежем надгробии Сноуболл произнес небольшую речь, призывая всех животных отдать жизнь, если это будет необходимо, за скотский хутор.

Единодушно было принято решение об утверждении воинской награды

"Животное - герой первого класса", которая была вручена Сноуболлу и Боксеру. Она состояла из бронзовой медали (в самом деле были такие, что валялись в помещении для упряжи), которая раньше надевалась для украшений по воскресеньям и праздникам.

Кроме того, была учреждена награда "Животное - герой второго класса", которой посмертно была награждена погибшая овечка.

Много было разговоров о том, как впредь именовать эту схватку.

В конце концов было решено называть ее битвой у коровника, так как засада залегла именно там.

Mr. Jones's gun had been found lying in the mud, and it was known that there was a supply of cartridges in the farmhouse.

It was decided to set the gun up at the foot of the Flagstaff, like a piece of artillery, and to fire it twice a year - once on October the twelfth, the anniversary of the Battle of the Cowshed, and once on Midsummer Day, the anniversary of the Rebellion.

V

As winter drew on, Mollie became more and more troublesome.

She was late for work every morning and excused herself by saying that she had overslept, and she complained of mysterious pains, although her appetite was excellent.

On every kind of pretext she would run away from work and go to the drinking pool, where she would stand foolishly gazing at her own reflection in the water.

But there were also rumours of something more serious.

One day, as Mollie strolled blithely into the yard, flirting her long tail and chewing at a stalk of hay, Clover took her aside.

'Mollie,' she said, 'I have something very serious to say to you.'

This morning I saw you looking over the hedge that divides Animal Farm from Foxwood.

One of Mr. Pilkington's men was

Пистолет мистера Джонса валялся в грязи. Было известно, что на ферме имеется запас патронов.

Пистолет должен был теперь находиться у подножия флагштока, представляя собой нечто вроде артиллерии. Было решено стрелять из него дважды в год - 12-го октября, в годовщину битвы у коровника, и еще раз в день солнцестояния, отмечая годовщину битвы у коровника.

Глава V

С наступлением зимы Молли становилась все более угрюмой.

Она поздно выходила на работу и оправдывалась тем, что проспала. Несмотря на отменный аппетит, она постоянно жаловалась на мучающие ее боли.

Под любым предлогом она бросала работу и отправлялась к колоде с водой, где и застывала, тупо глядя на свое отражение.

Но похоже было, что дело обстояло куда серьезнее.

Однажды, когда Молли, пережевывая охапку сена, весело трусила по двору, кокетливо помахивая длинным хвостом, к ней подошла Кlover.

- Молли, - сказала она, - я хочу с тобой серьезно поговорить.

Сегодня утром я видела, как ты смотрела через ограду, что отделяет скотский хутор от Фоксвуда.

standing on the other side of the hedge.

And - I was a long way away, but I am almost certain I saw this - he was talking to you and you were allowing him to stroke your nose.

What does that mean, Mollie?'

'He didn't!

I wasn't!

It isn't true!' cried Mollie, beginning to prance about and paw the ground.

' Mollie!

Look me in the face.

Do you give me your word of honour that that man was not stroking your nose?'

'It isn't true!' repeated Mollie, but she could not look Clover in the face, and the next moment she took to her heels and galloped away into the field.

A thought struck Clover.

Without saying anything to the others, she went to Mollie's stall and turned over the straw with her hoof.

Hidden under the straw was a little pile of lump sugar and several bunches of ribbon of different colours.

Three days later Mollie disappeared.

For some weeks nothing was known of her whereabouts, then the pigeons reported that they had seen her on the other side of Willingdon.

She was between the shafts of a

По другую сторону стоял один из людей мистера Пилкингтона.

И - я была далеко от вас, но уверена, что зрение меня не обманывало - он о чем-то говорил с тобой, и ты ему позволяла чесать свой нос.

Что это значит, Молли?

- Это не так!

Я там не была!

Это все неправда! - закричала Молли, взлягивая и роя копытами землю.

- Молли!

Посмотри на меня.

Даешь ли ты мне честное слово, что тот человек не чесал твой нос?

- Это неправда! - повторила Молли, отводя взгляд. В следующее мгновение она резко повернулась и галопом умчалась в поле.

Кlover глубоко задумалась.

Никому не говоря, она отправилась в стойло Молли и переворошила копытами солому.

В глубине ее был тщательно спрятан кулечек колотого сахара и связка разноцветных ленточек.

Через три дня Молли исчезла.

Несколько недель не было известно о ее местопребывании, а затем голуби сообщили, что видели ее по ту сторону Уиллингдона.

Она стояла рядом с таверной в

smart dogcart painted red and black, which was standing outside a public-house. оглоблях маленькой черно-красной двуколки.

A fat red-faced man in check breeches and gaiters, who looked like a publican, was stroking her nose and feeding her with sugar. Толстый краснолицый мужчина в клетчатых бриджах и гетрах, похожий на трактирщика, чесал ей нос и кормил сахаром.

Her coat was newly clipped and she wore a scarlet ribbon round her forelock. У нее была новая упряжь, а на лбу - красная ленточка.

She appeared to be enjoying herself, so the pigeons said. Как утверждали голуби, она выглядела довольной и счастливой.

None of the animals ever mentioned Mollie again. О Молли больше не вспоминали.

In January there came bitterly hard weather. В январе грянули морозы.

The earth was like iron, and nothing could be done in the fields. Земля промерзла до крепости железа, поля опустели.

Many meetings were held in the big barn, and the pigs occupied themselves with planning out the work of the coming season. Большинство встреч происходило в амбаре, и свиньи занимались тем, что планировали работу на следующий год.

It had come to be accepted that the pigs, who were manifestly cleverer than the other animals, should decide all questions of farm policy, though their decisions had to be ratified by a majority vote. Было общепризнано, что, хотя все вопросы должны решаться большинством голосов, генеральную линию определяли умнейшие обитатели фермы - свиньи.

This arrangement would have worked well enough if it had not been for the disputes between Snowball and Napoleon. Такой порядок действовал как нельзя лучше, но лишь до той поры, пока не начинались споры между Сноуболлом и Наполеоном.

These two disagreed at every point where disagreement was possible. Они спорили по любому поводу, едва только к этому предоставлялась возможность.

If one of them suggested sowing a bigger acreage with barley, the other Если один предлагал засеивать поля ячменем, то другой безапелляционно

was certain to demand a bigger acreage of oats, and if one of them said that such and such a field was just right for cabbages, the other would declare that it was useless for anything except roots.

Each had his own following, and there were some violent debates.

At the Meetings Snowball often won over the majority by his brilliant speeches, but Napoleon was better at canvassing support for himself in between times.

He was especially successful with the sheep.

Of late the sheep had taken to bleating

'Four legs good, two legs bad' both in and out of season, and they often interrupted the Meeting with this.

It was noticed that they were especially liable to break into 'Four legs good, two legs bad' at crucial moments in Snowball's speeches.

Snowball had made a close study of some back numbers of the Farmer and Stock-breeder which he had found in the farmhouse, and was full of plans for innovations and improvements.

He talked learnedly about field-drains, silage and basic slag, and had worked out a complicated scheme for all the animals to drop their dung

утверждал, что большая часть их должна быть отведена под овес; если один говорил, что такие-то поля могут отойти под свеклу, другой доказывал, что там может расти все что угодно, кроме корнеплодов.

У каждого были свои последователи, и между ними разгорались горячие споры.

И если на ассамблеях Сноуболл часто одерживал верх благодаря своему великолепному ораторскому мастерству, то Наполеон успешнее действовал в кулуарах.

Особенным авторитетом он пользовался у овец.

Порой овцы, что бы там ни происходило, начинали хором и порознь блеять

"Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо" и этим нередко кончались ассамблеи.

Было отмечено, что особенно часто эти тирады начинали раздаваться в самые патетические моменты выступлений Сноуболла.

Сноуболл тщательно изучил несколько старых номеров журнала "Фермер и животновод", валявшихся на ферме, и был полон планов нововведений и перестроек.

Он со знанием дела говорил о дренаже, силосовании, компосте; им была разработана сложная схема, в соответствии с которой животные должны были доставлять свой навоз

directly in the fields, at a different spot every day, to save the labour of cartage.

Napoleon produced no schemes of his own, but said quietly that Snowball's would come to nothing, and seemed to be biding his time.

But of all their controversies, none was so bitter as the one that took place over the windmill.

In the long pasture, not far from the farm buildings, there was a small knoll which was the highest point on the farm.

After surveying the ground Snowball declared that this was just the place for a windmill, which could be made to operate a dynamo and supply the farm with electrical power.

This would light the stalls and warm them in winter, and would also run a circular saw, a chaff-cutter, a mangel-slicer and an electric milking machine.

The animals had never heard of anything of this kind before (for the farm was an old-fashioned one and had only the most primitive machinery), and they listened in astonishment while Snowball conjured up pictures of fantastic machines which would do their work for them while they grazed at their ease in the fields or improved their minds with reading and conversation.

прямо на поля, каждый день в разные места, что позволило бы высвободить гужевой транспорт.

Наполеон схемами не занимался, но спокойно сказал, что Сноуболл увлекается пустяками. Похоже было, что Наполеон ждет своего часа.

Но все эти споры и противоречия показались пустяками, когда встал вопрос о ветряной мельнице.

На длинном пастбище, недалеко от строений, был небольшой холмик, который, тем не менее, был самым возвышенным местом на всей ферме.

Ознакомившись с грунтом, Сноуболл объявил, что здесь самое подходящее место для ветряной мельницы, которая будет вращать динамомашину и снабжать ферму электрической энергией.

Можно будет осветить стойла и согреть их зимой, будет работать циркулярная пила, соломорезка и даже, может быть, свекломешалка и механическая дойка.

Животные никогда не слышали ни о чем подобном (ибо на этой запущенной ферме были только самые примитивные механизмы), и они в изумлении внимали Сноуболлу, который развертывал перед ними величественные картины фантастических машин, которые будут делать за них всю работу в то время, когда обитатели фермы будут гулять по лугам и упражняться в чтении и беседах.

Within a few weeks Snowball's plans for the windmill were fully worked out.

Через несколько недель планы Сноуболла обрели законченный вид.

The mechanical details came mostly from three books which had belonged to Mr Jones - One Thousand Useful Things to Do About the House, Every Man His Own Bricklayer, and Electricity for Beginners.

Детали были позаимствованы из трех книг, принадлежавших мистеру Джонсу: "Тысяча полезных вещей для дома", "Каждый - сам себе каменщик" и "Электричество для начинающих".

Snowball used as his study a shed which had once been used for incubators and had a smooth wooden floor, suitable for drawing on.

Свои замыслы Сноуболл воплощал под крышей помещения, которое когда-то служило инкубатором и обладало гладким деревянным полом, годным для рисования.

He was closeted there for hours at a time.

Из этого помещения он не вылезал часами.

With his books held open by a stone, and with a piece of chalk gripped between the knuckles of his trotter, he would move rapidly to and fro, drawing in line after line and uttering little whimpers of excitement.

Время от времени заглядывая в книгу, придавленную на нужной странице камнем и с куском мела между копытцами, он носился взад и вперед, проводя линию за линией и тихонько похрюкивая от восторга.

Gradually the plans grew into a complicated mass of cranks and cog-wheels, covering more than half the floor, which the other animals found completely unintelligible but very impressive.

Мало-помалу его план превратился в массу коленчатых валов, рукояток и шестеренок, изображения которых покрывали весь пол, и которые для всех остальных представляли совершенно непонятное, но очень внушительное зрелище.

All of them came to look at Snowball's drawings at least once a day.

Посмотреть на творчество Сноуболла в течение дня хотя бы по разу заходили все обитатели фермы.

Even the hens and ducks came, and were at pains not to tread on the chalk marks.

Заходили даже гуси и куры, осторожно стараясь не наступать на меловые линии.

Only Napoleon held aloof.

He had declared himself against the windmill from the start.

One day, however, he arrived unexpectedly to examine the plans.

He walked heavily round the shed, looked closely at every detail of the plans and snuffed at them once or twice, then stood for a little while contemplating them out of the corner of his eye; then suddenly he lifted his leg, urinated over the plans and walked out without uttering a word.

The whole farm was deeply divided on the subject of the windmill.

Snowball did not deny that to build it would be a difficult business.

Stone would have to be quarried and built up into walls, then the sails would have to be made and after that there would be need for dynamos and cables. (How these were to be procured Snowball did not say.) But he maintained that it could all be done in a year.

And thereafter, he declared, so much labour would be saved that the animals would only need to work three days a week.

Napoleon, on the other hand, argued that the great need of the moment was to increase food production, and that if they wasted time on the windmill they would all starve to death.

Только Наполеон держался в стороне.

Он с самого начала выступал против мельницы.

Но однажды и он неожиданно явился ознакомиться с планом.

Тяжело ступая, он обошел чертеж, внимательно вглядываясь в каждую деталь, пару раз хрюкнул и остановился поодаль, искоса глядя на схему; затем он неожиданно приподнял ногу, помочился на чертеж и вышел, не проронив ни слова.

Вопрос о мельнице вызвал серьезные разногласия на ферме.

Сноуболл держался той точки зрения, что построить мельницу будет не так уж трудно.

Камни можно доставить из каменоломни и возвести из них стены, затем смонтировать крылья, а потом останется только раздобыть провода и динамомашину. (Как их достать, Сноуболл не говорил). Но он утверждал, что все это можно сделать за год.

А затем, восклицал он, мельница возьмет на себя столько работы, что животным только останется трудиться три дня в неделю.

С другой стороны, Наполеон говорил, что сегодня главная задача - это добиться увеличения продукции и что если они потеряют время на строительстве мельницы, то умрут с голоду.

The animals formed themselves into two factions under the slogans,

'Vote for Snowball and the three-day week' and

'Vote for Napoleon and the full manger.'

Benjamin was the only animal who did not side with either faction.

He refused to believe either that food would become more plentiful or that the windmill would save work.

Windmill or no windmill, he said, life would go on as it had always gone on - that is, badly.

Apart from the disputes over the windmill, there was the question of the defence of the farm.

It was fully realised that though the human beings had been defeated in the Battle of the Cowshed they might make another and more determined attempt to recapture the farm and reinstate Mr Jones.

They had all the more reason for doing so because the news of their defeat had spread across the countryside and made the animals on the neighbouring farms more restive than ever.

As usual, Snowball and Napoleon were in disagreement.

According to Napoleon, what the animals must do was to procure firearms and train themselves in the use of them.

Вся ферма разделилась на две фракции, которые выступали под лозунгами:

"Голосуйте за Сноуболла и трехдневную рабочую неделю" и

"Голосуйте за Наполеона и за сытную кормежку".

Единственный, кто не примкнул ни к одной фракции, был Бенджамин.

Он не верил ни в изобилие, ни в то, что мельница сэкономит время.

С мельницей или без мельницы, сказал он, а жизнь идет себе, как она и должна идти, то есть, хуже некуда.

Кроме споров о мельнице, надо было еще заниматься вопросом об обороне фермы.

Было совершенно ясно, что, хотя человечество потерпело поражение в битве у коровника, враги могут предпринять еще одну и более успешную попытку захватить ферму и восстановить власть мистера Джонса.

Заниматься этим было тем более необходимо, что слухи об их успешной обороне распространились по всей округе, вызвав волнение среди животных на соседних фермах.

Как обычно, между Сноуболлом и Наполеоном разгорелись споры.

Наполеон считал, что животные должны достать огнестрельное оружие и учиться владеть им.

С точки зрения Сноуболла, они

According to Snowball, they must send out more and more pigeons and stir up rebellion among the animals on the other farms.

должны рассылать все больше и больше голубей по соседним фермам и разжигать пламя всеобщего восстания.

The one argued that if they could not defend themselves they were bound to be conquered, the other argued that if rebellions happened everywhere they would have no need to defend themselves.

Один говорил, что если они не научатся защищаться, то потерпят поражение, другой же считал, что если вспыхнет всеобщее восстание, им не придется думать о собственной обороне.

The animals listened first to Napoleon, then to Snowball, and could not make up their minds which was right; indeed they always found themselves in agreement with the one who was speaking at the moment.

Животные слушали сначала Наполеона, затем Сноуболла и никак не могли понять, кто же из них прав, надо отметить, они всегда соглашались с тем, кто говорил в данный момент.

At last the day came when Snowball's plans were completed.

Наконец настал день, когда план Сноуболла был полностью завершен.

At the Meeting on the following Sunday the question of whether or not to begin work on the windmill was to be put to the vote.

В следующее воскресенье на ассамблее был поставлен на голосование вопрос, строить мельницу или нет.

When the animals had assembled in the big barn. Snowball stood up and, though occasionally interrupted by bleating from the sheep, set forth his reasons for advocating the building of the windmill.

Когда все собрались в большом амбаре, Сноуболл встал и, не обращая внимания на овец, которые время от времени прерывали его блеянием, изложил свои доводы в пользу строительства мельницы.

Then Napoleon stood up to reply.

Затем поднялся Наполеон.

He said very quietly that the windmill was nonsense and that he advised nobody to vote for it, and promptly sat down again; he had spoken for barely thirty seconds, and seemed almost indifferent as to

Очень тихо и спокойно он сказал, что строительство мельницы - это глупость и что он никому не советует голосовать за это. Наполеон опустил на свою место; говорил он не более тридцати секунд и, похоже, его совершенно не волновал результат выступления.

the effect he produced.

At this Snowball sprang to his feet, and shouting down the sheep, who had begun bleating again, broke into a passionate appeal in favour of the windmill.

Until now the animals had been about equally divided in their sympathies, but in a moment Snowball's eloquence had carried them away.

In glowing sentences he painted a picture of Animal Farm as it might be when sordid labour was lifted from the animals' backs.

His imagination had now run far beyond chaff-cutters and turnip-slicers.

Electricity, he said, could operate threshing-machines, ploughs, harrows, rollers and reapers and binders, besides supplying every stall with its own electric light, hot and cold water and an electric heater.

By the time he had finished speaking there was no doubt as to which way the vote would go.

But just at this moment Napoleon stood up and, casting a peculiar sidelong look at Snowball, uttered a high-pitched whimper of a kind no one had ever heard him utter before.

At this there was a terrible baying sound outside, and nine enormous dogs wearing brass-studded collars

Сноуболл, стремительно вскочив и гаркнув на овец, снова начавших блеять, бросил пламенный призыв - строить!

Произошло это в тот момент, когда симпатии животных разделились почти поровну между двумя ораторами, и красноречие Сноуболла весомо упало на чашу весов.

Он блистательно описал, как преобразится скотский хутор, когда груз унизительной работы будет сброшен раз и навсегда.

Его воображение простиралось значительно дальше соломорезки и свекловичных жималки.

Электричество, сказал он, заставит работать веялки и косилки, жатки и сноповязалки, оно будет пахать и бороновать землю, не говоря уже о том, что в каждом стойле будет свое освещение, горячая и холодная вода, а также электрогрелки.

Когда он кончил говорить, не было и тени сомнения, как пойдет голосование.

Но в этот момент Наполеон встал и, искоса испытующе посмотрев на Сноуболла, издал странное хрюканье, которое никто раньше не слышал от него.

Снаружи раздался яростный лай, и девять огромных собак в ошейниках, усеянных медными бляхами, ворвались в

came bounding into the barn.

амбар.

They dashed straight for Snowball, who only sprang from his place just in time to escape their snapping jaws.

Они кинулись прямо к Сноуболлу, который, отпрыгнув, едва успел увернуться от их оскаленных челюстей.

In a moment he was out of the door and they were after him.

Через мгновение он уже был в дверях, и собаки кинулись за ним.

Too amazed and frightened to speak, all the animals crowded through the door to watch the chase.

Чересчур потрясенные и испуганные для того, чтобы говорить, животные сгрудились в дверях, наблюдая за происходящим.

Snowball was racing across the long pasture that led to the road.

Сноуболл мчался через длинное пастбище по направлению к дороге.

He was running as only a pig can run, but the dogs were close on his heels.

Он бежал так быстро, как только могут бежать свиньи, но собаки уже висели у него на пятках.

Suddenly he slipped and it seemed certain that they had him.

Внезапно он поскользнулся, и стало ясно, что сейчас его схватят.

Then he was up again, running faster than ever, then the dogs were gaining on him again.

Но он смог собраться и припустил еще быстрее. Собаки продолжали его преследовать.

One of them all but closed his jaws on Snowball's tail, but Snowball whisked it free just in time.

Одна из них едва не ухватила Сноуболла за хвостик, но в последний момент он успел его выдернуть.

Then he put on an extra spurt and, with a few inches to spare, slipped through a hole in the hedge and was seen no more.

Сноуболл сделал последний рывок. От преследователей его отделяло несколько дюймов, но Сноуболл успел нырнуть в отверстие в заборе - и был таков.

Silent and terrified, the animals crept back into the barn.

Примолкшие и напуганные, животные собрались обратно в амбаре.

In a moment the dogs came bounding back.

Вернулись прибежавшие собаки.

At first no one had been able to

Сначала никто не мог понять, откуда

imagine where these creatures came from, but the problem was soon solved: they were the puppies whom Napoleon had taken away from their mothers and reared privately.

Though not yet full-grown they were huge dogs, and as fierce-looking as wolves.

They kept close to Napoleon.

It was noticed that they wagged their tails to him in the same way as the other dogs had been used to do to Mr Jones.

Napoleon, with the dogs following him, now mounted onto the raised portion of the floor where Major had previously stood to deliver his speech.

He announced that from now on the Sunday-morning Meetings would come to an end.

They were unnecessary, he said, and wasted time.

In future all questions relating to the working of the farm would be settled by a special committee of pigs, presided over by himself.

These would meet in private and afterwards communicate their decisions to the others.

The animals would still assemble on Sunday mornings to salute the flag, sing

'Beasts of England' and receive their orders for the week; but there would be no more debates.

они взялись, но загадка разрешилась очень просто: это были те самые щенки, которых Наполеон взял у их матерей и чьим воспитанием занимался он лично.

Они еще продолжали расти, но тем не менее уже были огромными свирепыми псами, смахивающими на волков.

Они окружили Наполеона.

Было заметно, что, когда он обращается к ним, они виляют хвостами точно так же, как в свое время другие собаки реагировали на слова мистера Джонса.

Теперь Наполеон в сопровождении собак поднялся на то возвышение, где когда-то стоял Майер, произнося свою речь.

Он объявил, что, начиная с сегодняшнего дня, ассамблеи по утрам в воскресенье отменяются.

В них отпала необходимость, сказал он, мы только теряем время.

На будущее все вопросы касательно работ на ферме будет решать специальный комитет из свиней, возглавляемый им лично.

Они будут обсуждать все проблемы и затем сообщать всем остальным о принятых решениях.

Все обитатели фермы будут по-прежнему собираться в воскресенье утром, чтобы отдать честь флагу, спеть "Скоты Англии" и получить задания на неделю; какие бы то ни было споры исключаются.

In spite of the shock that Snowball's expulsion had given them, the animals were dismayed by this announcement.

Several of them would have protested if they could have found the right arguments.

Even Boxer was vaguely troubled.

He set his ears back, shook his forelock several times, and tried hard to marshal his thoughts; but in the end he could not think of anything to say.

Some of the pigs themselves, however, were more articulate.

Four young porkers in the front row uttered shrill squeals of disapproval, and all four of them sprang to their feet and began speaking at once.

But suddenly the dogs sitting round Napoleon let out deep, menacing growls, and the pigs fell silent and sat down again.

Then the sheep broke out into a tremendous bleating of

'Four legs good, two legs bad!' which went on for nearly a quarter of an hour and put an end to any chance of discussion.

Afterwards Squealer was sent round the farm to explain the new arrangement to the others.

'Comrades,' he said, 'I trust that every

Несмотря на шок, который вызвало изгнание Сноуболла, животные почувствовали глубокое разочарование при этом сообщении.

Некоторые из них даже испытали желание выступить с протестом - если бы они были в состоянии найти убедительные аргументы.

Даже Боксер был несколько взволнован.

Он прижал уши, несколько раз встряхнул челкой и принялся приводить мысли в порядок; но в конечном счете он так и не нашелся, что сказать.

Остальные свиньи проявили больше сообразительности.

Четверо поросят, сидевших в первом ряду, пронзительным визгом выражая свое несогласие, вскочили на ноги и стали говорить все разом.

Но внезапно собаки, кольцом окружавшие Наполеона, издали низкое глубокое рычание, что заставило свиней замолчать и занять свои места.

Затем овцы принялись громогласно блеять:

"Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо", это длилось примерно около четверти часа и окончательно положило конец всяческим разговорам.

После этого Визгун обошел всю ферму с целью объяснить остальным новый порядок вещей.

- Товарищи, - сказал он, - я верю, что все, живущие на ферме, ценят ту

animal here appreciates the sacrifice that Comrade Napoleon has made in taking this extra labour upon himself. жертву, которую принес товарищ Наполеон, взяв на себя столь непосильный труд.

Do not imagine, comrades, that leadership is a pleasure!

Не надо думать, товарищи, что руководить - это такое уж удовольствие!

On the contrary, it is a deep and heavy responsibility.

Напротив - это большая и нелегкая ответственность.

No one believes more firmly than Comrade Napoleon that all animals are equal.

Товарищ Наполеон глубоко верит в то, что все животные обладают равными правами и возможностями.

He would be only too happy to let you make your decisions for yourselves.

Он был бы только счастлив передать вам груз принятия решений.

But sometimes you might make the wrong decisions, comrades, and then where should we be?

Но порой вы можете ошибиться - и что тогда ждет вас?

Suppose you had decided to follow Snowball, with his moonshine of windmills - Snowball, who, as we now know, was no better than a criminal?'

Представьте себе, что вы дали бы увлечь себя воздушными замками Сноуболла - этого проходимца, который, как нам теперь известно, является преступником...

'He fought bravely at the Battle of the Cowshed,' said somebody.

- Он смело дрался в битве у коровника, - сказал кто-то.

'Bravery is not enough,' said Squealer.

- Смелость - это еще не все, - сказал Визгун.

'Loyalty and obedience are more important.

- Преданность и послушание - вот что самое важное.

And as to the Battle of the Cowshed, I believe the time will come when we shall find that Snowball's part in it was much exaggerated.

Что же касается битвы у коровника, то я верю, придет время, когда станет ясно, что роль Сноуболла была значительно преувеличена.

Discipline, comrades, iron discipline!

Дисциплина, товарищи, железная дисциплина!

That is the watchword for today.

Вот лозунг сегодняшнего дня!

One false step, and our enemies would be upon us.

Surely, comrades, you do not want Jones back?'

Once again this argument was unanswerable.

Certainly the animals did not want Jones back; if the holding of debates on Sunday mornings was liable to bring him back, then the debates must stop.

Boxer, who had now had time to think things over, voiced the general feeling by saying:

'If Comrade Napoleon says it, it must be right.'

And from then on he adopted the maxim,

'Napoleon is always right,' in addition to his private motto of 'I will work harder'.

By this time the weather had broken and the spring ploughing had begun.

The shed where Snowball had drawn his plans of the windmill had been shut up and it was assumed that the plans had been rubbed off the floor.

Every Sunday morning at ten o'clock the animals assembled in the big barn to receive their orders for the week.

The skull of old Major, now clean of flesh, had been disinterred from the orchard and set up on a stump at the foot of the flagstaff, beside

Стоит сделать один неверный шаг - и враги одолеют нас!

И, конечно, товарищи, вы не хотите возвращения Джонса?

И, как всегда, этот аргумент оказался неопровержимым.

Конечно, никто из животных не хотел возвращения Джонса; и если споры о том, как проводить утро воскресенья, могли вернуть его, то эти споры, без сомнения, надо было кончать.

Боксер, у которого теперь было достаточно времени подумать, выразил обуревавшие его чувства словами:

"Если товарищ Наполеон так сказал, то, значит, это правильно".

И после этого в дополнение к своему девизу

"Я буду работать еще больше" он изрек еще один афоризм: "Наполеон всегда прав".

В эти дни погода стала меняться; пора было приступать к пахоте.

Сарай, в котором Сноуболл чертил свой план мельницы, был закрыт, и всем было объявлено, что чертеж стерт.

Теперь каждое воскресенье по утрам в десять часов все собирались в амбаре, где получали задания на неделю.

Череп старого Майера, от которого ныне остались только одни кости, был выкопан из могилы и водружен на пень у подножия флагштока, рядом с

the gun.

револьвером.

After the hoisting of the flag the animals were required to file past the skull in a reverent manner before entering the barn.

И теперь после поднятия флага все животные были обязаны строем проходить мимо черепа, выражая таким образом ему почтение.

Nowadays they did not sit all together as they had done in the past.

Теперь, войдя в амбар, они не садились вместе, как это было заведено раньше.

Napoleon, with Squealer and another pig named Minimus, who had a remarkable gift for composing songs and poems, sat on the front of the raised platform, with the nine young dogs forming a semicircle round them, and the other pigs sitting behind.

Наполеон, Визгун и еще одна свинья по имени Минимус, который отличался удивительным талантом писать стихи и песни, занимали переднюю часть возвышения, а девять псов закрывали их полукругом; прочие свиньи занимали места за ними.

The rest of the animals sat facing them in the main body of the barn.

Все прочие животные располагались в остальной части амбара.

Napoleon read out the orders for the week in a gruff soldierly style, and after a' single singing of

Отрывисто и резко Наполеон отдавал приказы на неделю, и после однократного исполнения гимна

'Beasts of England' all the animals dispersed.

"Скоты Англии" все расходились.

On the third Sunday after Snowball's expulsion, the animals were somewhat surprised to hear Napoleon announce that the windmill was to be built after all.

В третье воскресенье после изгнания Сноуболла животные были слегка удивлены, услышав сообщение Наполеона - несмотря ни на что, мельница будет строиться.

He did not give any reason for having changed his mind, but merely warned the animals that this extra task would mean very hard work; it might even be necessary to reduce their rations.

Он не дал никаких объяснений по поводу изменения своей точки зрения, а просто предупредил всех, что это исключительно сложное мероприятие потребует предельно напряженной работы; возможно, даже придется пойти на сокращение ежедневного рациона.

The plans, however, had all been prepared, down to the last detail.

Планы, естественно, были продуманы до последней детали.

A special committee of pigs had been at work upon them for the past three weeks.

The building of the windmill, with various other improvements, was expected to take two years.

That evening Squealer explained privately to the other animals that Napoleon had never in reality been opposed to the windmill.

On the contrary, it was he who had advocated it in the beginning, and the plan which Snowball had drawn on the floor of the incubator shed had actually been stolen from among Napoleon's papers.

The windmill was, in fact, Napoleon's own creation.

Why, then, asked somebody, had he spoken so strongly against it?

Here Squealer looked very sly.

That, he said, was Comrade Napoleon's cunning.

He had seemed to oppose the windmill, simply as a manoeuvre to get rid of Snowball, who was a dangerous character and a bad influence.

Now that Snowball was out of the way the plan could go forward without his interference.

This, said Squealer, was something called tactics.

Последние три недели над ними работал специальный комитет из свиней.

Строительство мельницы и всех прочих приспособлений, как предполагается, займет два года.

Вечером Визгун в дружеской беседе объяснил всем остальным, что на самом деле Наполеон никогда не выступал против строительства мельницы.

Напротив, именно он с самого начала стоял за строительство мельницы, и план, который Сноуболл чертил на полу в инкубаторе, был выкраден из бумаг Наполеона.

То есть мельница была задумана единственно Наполеоном.

Почему же в таком случае, спрашивали некоторые, он так резко выступал против нее?

Визгун лукаво прищурился.

Это, сказал он, была хитрость товарища Наполеона.

Лишь притворяясь, что выступает против мельницы, он хотел таким образом избавиться от Сноуболла, который со своим опасным характером оказывал на всех плохое влияние.

И теперь, когда Сноуболл окончательно устранен, план может быть претворен в жизнь без всяких помех.

Все это, сказал Визгун, называется тактикой.

He repeated a number of times,
"Tactics, comrades, tactics!" skipping
round and whisking his tail with a
merry laugh.

The animals were not certain what the
word meant, but Squealer spoke so
persuasively, and the three dogs who
happened to be with him growled so
threateningly, that they accepted his
explanation without further questions.

VI

All that year the animals worked like
slaves.

But they were happy in their work;
they grudged no effort or sacrifice,
well aware that everything that they
did was for the benefit of themselves
and those of their kind who would
come after them, and not for a pack of
idle thieving human beings.

Throughout the spring and summer
they worked a sixty-hour week, and in
August Napoleon announced that
there would be work on Sunday
afternoons as well.

This work was strictly voluntary, but
any animal who absented himself from
it would have his rations reduced by
half.

Even so it was found necessary to
leave certain tasks undone.

The harvest was a little less successful
than in the previous year, and two
fields which should have been sown
with roots in the early summer were
not sown because the ploughing had

Он повторил несколько раз
"Тактика, товарищи, тактика!",
подпрыгивая и со смехом крутя
хвостиком.

Животные не совсем поняли, что
означает это слово, но Визгун говорил
так убедительно и трое собак,
сопровождавших его, рычали так
угрожающе, что его объяснения были
приняты без дальнейших вопросов.

Глава VI

Весь этот год был отдан рабскому
труду.

Но животные были счастливы: не
было ни жалоб, ни сетований, что они
приносят себя в жертву; всем было
ясно, что трудятся они лишь для
своего благосостояния и ради
потомков, а не для кучки ленивых и
вороватых человеческих существ.

Всю весну и лето они работали по
десять часов, а в августе Наполеон
объявил, что придется прихватывать и
воскресенья после обеда.

Эти сверхурочные были объявлены
строго добровольными, но каждый,
кто отказывался, впредь должен был
получать только половину обычного
рациона.

И все же часть работ пришлось
оставить недоконченными.

Так, урожай был собран несколько
меньший, чем в предыдущем году, и
два поля, которые в начале лета
предполагалось засеять
корнеплодами, остались пустыми,

not been completed early enough.

It was possible to foresee that the coming winter would be a hard one.

The windmill presented unexpected difficulties.

There was a good quarry of limestone on the farm, and plenty of sand and cement had been found in one of the outhouses, so that all the materials for building were at hand.

But the problem the animals could not at first solve was how to break up the stone into pieces of suitable size.

There seemed no way of doing this except with picks and crowbars, which no animal could use, because no animal could stand on his hind legs.

Only after weeks of vain effort did the right idea occur to somebody-namely, to utilise the force of gravity.

Huge boulders, far too big to be used as they were, were lying all over the bed of the quarry.

The animals lashed ropes round these, and then all together, cows, horses, sheep, any animal that could lay hold of the rope - even the pigs sometimes joined in at critical moments-they dragged them with desperate slowness up the slope to the top of the quarry, where they were toppled

потому что пахота не была доведена до конца.

Можно было предвидеть, что надвигающаяся зима будет нелегкой.

Строительство доставило неожиданные трудности.

Неподалеку располагался хороший известняковый карьер, в одном из сараев было вдоволь навалено песка и цемента, то есть, все строительные материалы были под руками.

Но первая проблема, которую не удалось решить сразу, заключалась в том, как дробить камни на куски, годные для возведения стен.

Было похоже, что придется пускать в ход ломы и кирки, с которыми никто из животных не умел обращаться, так как для этого надо было стоять на задних ногах.

И только после нескольких недель напрасных усилий, кому-то пришла в голову отличная идея - использовать силу тяжести.

Большие валуны, слишком громоздкие, чтобы их можно было использовать целиком, в изобилии лежали на краю каменоломни.

Их обвязывали веревками, а затем все вместе, коровы, лошади, овцы, - все, у кого хватало сил - даже свиньи иногда прикладывали усилия в особенно критические минуты - медленно тащили по склону к обрыву каменоломни,

over the edge, to shatter to pieces below.

Transporting the stone when it was once broken was comparatively simple.

The horses carried it off in cartloads, the sheep dragged single blocks, even Muriel and Benjamin yoked themselves into an old governess-cart and did their share.

By late summer a sufficient store of stone had accumulated, and then the building began, under the superintendence of the pigs.

But it was a slow, laborious process.

Frequently it took a whole day of exhausting effort to drag a single boulder to the top of the quarry, and sometimes when it was pushed over the edge it failed to break.

Nothing could have been achieved without Boxer, whose strength seemed equal to that of all the rest of the animals put together.

When the boulder began to slip and the animals cried out in despair at finding themselves dragged down the hill, it was always Boxer who strained himself against the rope and brought the boulder to a stop.

To see him toiling up the slope inch by inch, his breath coming fast, the tips of his hoofs clawing at the ground and his great sides matted with sweat, filled everyone with

откуда валуны падали вниз и разбивались.

После этого перетаскивать камни было сравнительно простым делом.

Лошади возили их на телегах, овцы таскали по куску, и даже Мюриель и Бенджамин, подшучивая над собой, впрягались в старую двуколку и приняли посильное участие в работе.

В конце лета камней набралось достаточно, и под бдительным наблюдением свиней началось само строительство.

Шло оно медленно и трудно.

Порой требовался целый день изнурительных усилий, чтобы водрузить на место какой-нибудь особенно большой камень, который затем, как назло, падал со стены и разбивался в щебенку.

Ничего бы не удалось сделать без Боксера. Порой казалось, что он один может заменить всех остальных.

Когда валун начинал катиться вниз и животные с криком напрягались в тщетной надежде притормозить его падение, именно Боксер, туго натягивая канат, останавливал камень.

Видя, как Боксер медленно, дюйм за дюймом вползает по склону холма, тяжело дыша, скрипя копытами по земле, с боками, лоснящимися от пота -

admiration.

видя это, все замирали в восхищении.

Clover warned him sometimes to be careful not to overstrain himself, but Boxer would never listen to her.

Кловвер порой предостерегала его, чтобы он не переработал, но Боксер не хотел слушать ее.

His two slogans, 'I will work harder' and 'Napoleon is always right', seemed to him a sufficient answer to all problems.

С какими бы проблемами он ни сталкивался, у него всегда было два лозунга, заключающие ответы на все вопросы: "Я буду работать еще больше" и "Наполеон всегда прав".

He had made arrangements with the cockerel to call him three-quarters of an hour earlier in the mornings instead of half an hour.

Теперь он просил петуха будить его не на полчаса, а на 45 минут раньше всех.

And in his spare moments, of which there were not many nowadays, he would go alone to the quarry, collect a load of broken stone and drag it down to the site of the windmill unassisted.

И в эти сэкономленные минуты, которых в то время было не так много, он в одиночестве направлялся в каменоломню, собирал камни и сам тащил их к мельнице.

The animals were not badly off throughout that summer, in spite of the hardness of their work.

Несмотря на тяжелую работу, животные не стали жить хуже.

If they had no more food than they had, had in Jones's day, at least they did not have less.

В конце концов, если у них и не было больше еды, чем при Джонсе, то, во всяком случае, и не меньше.

The advantage of only having to feed themselves, and not having to support five extravagant human beings as well, was so great that it would have taken a lot of failures to outweigh it..

Они должны были кормить лишь самих себя, а не обеспечивать существование пяти расточительных человеческих существ. Это преимущество было столь ощутимо, что помогало им преодолеть некоторые лишения.

And in many ways the animal method of doing things was more efficient and saved labour.

Неоднократно приемы, применявшиеся в работе, оказывались более эффективными и экономили энергию.

Such jobs as weeding, for instance,

Например, людям никогда бы не удалось

could be done with a thoroughness impossible to human beings. так хорошо прополоть поля.

And again, since no animal now stole it was unnecessary to fence off pasture from arable land, which saved a lot of labour on the upkeep of hedges and gates. И еще - так как животным было чуждо воровство, отпала необходимость и в возведении изгородей, отделяющих пастбища от пахотных земель, и в их ремонте.

Nevertheless as the summer wore on various unforeseen shortages began to make themselves felt. Все же летом стали давать себя знать непредвиденные трудности.

There was need of paraffin oil, nails, string, dog biscuits and iron for the horses' shoes, none of which could be produced on the farm. Появилась необходимость в парафине, гвоздях, проводах, собачьих бисквитах и подковах - ничего этого не производилось на ферме.

Later there would also be need for seeds and artificial manures, besides' various tools and, finally, the machinery for the windmill. Кроме того, несколько позже выяснилось, что нужны семена и искусственные удобрения, не говоря уже об инструментах и, наконец, оборудование для мельницы.

How these were to be procured no one was able to imagine. И никто себе не представлял, каким образом удастся все это раздобыть.

One Sunday morning when the animals assembled to receive their orders Napoleon announced that he had decided upon a new policy. В одно воскресное утро, когда все собирались получать задания на неделю, Наполеон объявил, что он решил ввести новую политику.

From now onwards Animal Farm would engage in trade with the neighbouring farms: not, of course, for any commercial purpose but simply in order to obtain certain materials which were urgently necessary. Отныне скотский хутор приступает к торговле с соседними фермами: конечно же не с целью коммерции, а просто для того, чтобы приобрести жизненно необходимые материалы.

The needs of the windmill must override everything else, he said. Забота о мельнице должна подчинить себе все остальное, сказал он.

He was therefore making arrangements to sell a stack of hay and part of the Поэтому он принял решение продать несколько стогов пшеницы и часть

current year's wheat crop, and later on, if more money were needed, it would have to be made up by the sale of eggs, for which there was always a market in Willingdon.

The hens, said Napoleon, should welcome this sacrifice as their own special contribution towards the building of the windmill.

Once again the animals were conscious of a vague uneasiness.

Never to have any dealings with human beings, never to engage in trade, never to make use of money-had not these been among the earliest resolutions passed at that first triumphant Meeting after Jones was expelled?

All the animals remembered passing such resolutions: or at least they thought that they remembered it.

The four young pigs who had protested when Napoleon abolished the Meetings raised their voices timidly, but they were promptly silenced by a tremendous growling from the dogs.

Then, as usual, the sheep broke into

'Four legs good, two legs bad!' and the momentary awkwardness was smoothed over.

Finally Napoleon raised his trotter for silence and announced that he had already made all the arrangements.

There would be no need for any of the animals to come in contact with human

уже собранного урожая ячменя, а позже, если денег все же не хватит, придется пустить в оборот яйца, для которых в Уиллингдоне всегда есть рынок сбыта.

Куры, сказал Наполеон, могут считать жертву их вкладом в строительство мельницы.

В первые минуты всех собравшихся охватило некоторое смущение.

Никогда не иметь дела с людьми, никогда не заниматься торговлей, никогда не употреблять денег - не эти ли высокие заветы прозвучали на том триумфальном собрании сразу же после изгнания Джонса?

Все животные помнили, как принимались эти решения; или, в конце концов, думали, что помнят.

Четверо поросят, в свое время протестовавшие, когда Наполеон отменил ассамблеи, робко попробовали подать голос, но угрожающее рычание собак сразу же успокоило их.

Затем, как обычно, овцы принялись за свое

"Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо!", и чувство неловкости сразу же исчезло.

Наконец, Наполеон поднял ногу, призывая к молчанию, и сказал, что он уже сделал все необходимые распоряжения.

Никто из животных не должен будет вступать в контакт с людьми,

beings, which would clearly be most undesirable.

которые по-прежнему не заслуживают ничего, кроме презрения.

He intended to take the whole burden upon his own shoulders.

Он берет эту ношу на свои плечи.

A Mr Whymper, a solicitor living in Willingdon, had agreed to act as intermediary between Animal Farm and the outside world, and would visit the farm every Monday morning to receive his instructions.

Мистер Уимпер, юрист из Уиллингдона, согласился служить посредником между скотским хутором и остальным миром; каждый понедельник по утрам он будет посещать ферму для получения инструкций.

Napoleon ended his speech with his usual cry of

Наполеон закончил свою речь обычным возгласом

'Long live Animal Farm!', and after the singing of

"Да здравствует скотский хутор!" И, исполнив гимн

'Beasts of England' the animals were dismissed.

"Скоты Англии", все разошлись.

Afterwards Squealer made a round of the farm and set the animals' minds at rest.

Несколько позже Визгун обошел ферму, успокаивая смущенные умы.

He assured them that the resolution against engaging in trade and using money had never been passed, or even suggested.

Он убедил их, что решение не заниматься торговлей и не иметь дело с деньгами никогда не принималось и даже не предполагалось к обсуждению.

It was pure imagination, probably traceable in the beginning to lies circulated by Snowball.

Все это чистая фикция, мираж, пробный шар, пущенный Сноуболлом, который собирался начать грандиозную кампанию лжи.

A few animals still felt faintly doubtful, but Squealer asked them shrewdly,

А так как кое-кто еще чувствовал сомнение, то Визгун прямо спросил их:

'Are you certain that this is not something that you have dreamed, comrades?

"А вы уверены, что это вам не приснилось, товарищи?

Have you any record of such a resolution?

Где зафиксированы эти решения?

Is it written down anywhere?'

And since it was certainly true that nothing of the kind existed in writing, the animals were satisfied that they had been mistaken.

Every Monday Mr Whymper visited the farm as had been arranged.

He was a sly-looking little man with side whiskers, a solicitor in a very small way of business, but sharp enough to have realised earlier than anyone else that Animal Farm would need a broker and that the commissions would be worth having.

The animals watched his coming and going with a kind of dread, and avoided him as much as possible.

Nevertheless, the sight of Napoleon, on all fours, delivering orders to Whymper, who stood on two legs, roused their pride and partly reconciled them to the new arrangement.

Their relations with the human race were now not quite the same as they had been before.

The human beings did not hate Animal Farm any less now that it was prospering, indeed they hated it more than ever.

Every human being held it as an article of faith that the farm would go bankrupt sooner or later, and, above all; that the windmill would be a failure.

Где они записаны?"

И так как в самом деле нигде не было записано, все пришли к выводу, что они просто были введены в заблуждение.

Как и было объявлено, каждый понедельник по утрам мистер Уимпер посещал ферму.

Это был хитрый маленький человечек с большими бакенбардами, адвокат, не страдавший обилием практики, но достаточно умный, чтобы раньше других понять, что рано или поздно скотскому хутору понадобится посредник и что тут можно заработать неплохие комиссионные.

Когда он появился, животные смотрели на него с некоторым страхом и всеми силами старались избегать его.

Тем не менее, вид Наполеона, который, стоя на четырех ногах, отдавал приказание двуногому мистеру Уимперу, наполнял их чувством законной гордости и частично примирил с новым порядком вещей.

Их отношения с человеческим обществом несколько изменились по сравнению с первоначальными.

Теперь, когда скотский хутор двигался к новому процветанию, человеческие существа продолжали ненавидеть его с еще большей силой.

Каждый человек считал неоспоримым фактом, что рано или поздно ферма обанкротится и что, кроме того, строительство мельницы обречено на неудачу.

They would meet in the public-houses and prove to one another by means of diagrams that the windmill was bound to fall down, or that if it did stand up, then that it would never work.

And yet, against their will, they had developed a certain respect for the efficiency with which the animals were managing their own affairs.

One symptom of this was that they had begun to call Animal Farm by its proper name and ceased to pretend that it was called the Manor Farm.

They had also dropped their championship of Jones, who had given up hope of getting his farm back and gone to live in another part of the county.

Except through Whymper there was as yet no contact between Animal Farm and the outside world, but there were constant rumours that Napoleon was about to enter into a definite business agreement either with Mr Pilkington of Foxwood or with Mr Frederick of Pinchfield - but never, it was noticed, with both simultaneously.

It was about this time that the pigs suddenly moved into the farmhouse and took up their residence there.

Again the animals seemed to remember that a resolution against this had been passed in the early days, and again Squealer was able to

Встречаясь в пивнушках и демонстрируя друг другу схемы и диаграммы, они доказывали друг другу, что мельница обязательно рухнет и что, даже если она устоит, то все равно никогда не будет работать.

И все же, помимо воли у них начинало расти определенное уважение к тем стараниям, с которыми животные претворяли в жизнь свои замыслы.

Один из признаков меняющегося отношения был тот, что они начали называть ферму ее настоящим именем "Скотский хутор", забывая, что когда-то она именовалась по-другому.

Они перестали поддерживать претензии Джонса, который сам оставил надежды на возвращение фермы и куда-то уехал.

Не говоря уж об Уимпере, который поддерживал контакт скотского хутора со всем остальным миром, ходили слухи, что Наполеон вошел в серьезные деловые сношения то ли с мистером Пилкингтоном из Фоксвуда, то ли с мистером Фредериком из Пинчфилда - но ни в коем случае, что особо отмечалось, не одновременно с ними обоими.

Эти события относятся примерно к тому времени, когда свиньи внезапно переселились на ферму и основали там свою резиденцию.

Снова животные принялись вспоминать, что, вроде, принималось решение о недопустимости подобных действий, и снова Визгуну пришлось

convince them that this was not the case.

It was absolutely necessary, he said, that the pigs, who were the brains of the farm, should have a quiet place to work in.

It was also more suited to the dignity of the Leader (for of late he had taken to speaking of Napoleon under the title of 'Leader') to live in a house than in a mere sty.

Nevertheless some of the animals were disturbed when they heard that the pigs not only took their meals in the kitchen and used the drawing-room as a recreation room, but also slept in the beds.

Boxer passed it off as usual with

'Napoleon is always right!', but Clover, who thought she remembered a definite ruling against beds, went to the end of the barn and tried to puzzle out the Seven Commandments which were inscribed there.

Finding herself unable to read more than individual letters, she fetched Muriel.

'Muriel,' she said, 'read me the Fourth Commandment.

Does it not say something about never sleeping in a bed?'

With some difficulty Muriel spelt it out.

убеждать их, что в действительности ничего подобного не было.

Абсолютно необходимо, сказал он, чтобы свиньи, которые представляют собой мозговой центр всей фермы, могли спокойно работать.

Кроме того, жить в доме более подобает достоинству вождя (теперь при упоминании Наполеона употреблялся только этот титул), чем существование в стойле.

И тем не менее, некоторые животные были взволнованы слухами, что свиньи не только отдыхают в гостиной и едят на кухне, но и спят в постелях.

Боксер отбросил все сомнения своим обычным

"Наполеон всегда прав!", но Кlover, которой казалось, что она помнит заповедь, направленную против постелей, подошла к задней стенке амбара и попыталась разобрать написанные здесь семь заповедей.

Убедившись, что кроме отдельных букв она не может разобрать ничего, Кlover обратилась к помощи Мюриель.

- Мюриель, - сказала она, - прочти мне четвертую заповедь.

Разве в ней не сказано о запрещении спать в постелях?

С некоторыми затруднениями Мюриель по складам прочитала заповедь.

' It says,

"No animal shall sleep in a bed with sheets"" she announced finally.

Curiously enough, Clover had not remembered that the Fourth Commandment mentioned sheets; but as it was there on the wall, it must have done so.

And Squealer, who happened to be passing at this moment, attended by two or three dogs, was able to put the whole matter in its proper perspective.

'You have heard, then, comrades,' he said, 'that we pigs now sleep in the beds of the farmhouse?

And why not?

You did not suppose, surely, that there was ever a ruling against beds?

A bed merely means a place to sleep in.

A pile of straw in a stall is a bed, properly regarded.

The rule was against sheets, which are a human invention.

We have removed the sheets from the farmhouse beds, and sleep between blankets.

And very comfortable beds they are too!

But not more comfortable than we need, I can tell you, comrades, with all the brainwork we have to do nowadays.

- Здесь сказано:

"Ни одно животное не будет спать в постели с простынями", - наконец объявила она.

Достаточно наблюдательная Кловер что-то не помнила, чтобы в четвертой заповеди упоминались простыни, но раз так было написано на стене, так оно и должно быть.

И Визгун, который как раз в этот момент проходил мимо в сопровождении двух или трех собак, смог дать предмету спора правильное толкование.

- Вы, конечно, слышали, товарищи, - сказал он, -что теперь мы, свиньи, спим в кроватях на ферме.

А почему бы и нет?

Вы же, конечно, не считаете, что это правило направлено против постелей?

Постель означает просто место для сна.

Откровенно говоря, охапка соломы в стойле -тоже постель.

Правило направлено против простыней, которые действительно являются чисто человеческим изобретением.

Мы сняли простыни со всех кроватей и спим просто между одеялами.

Это очень удобно.

Но это всего лишь те минимальные удобства, которые необходимы при нашей умственной работе.

You would not rob us of our repose,
would you, comrades?

You would not have us too tired to
carry out our duties?

Surely none of you wishes to see
Jones back?'

The animals reassured him on this
point immediately, and no more was
said about the pigs sleeping in the
farmhouse beds.

And when, some days afterwards, it
was announced that from now on the
pigs would get up an hour later in the
mornings than the other animals, no
complaint was made about that
either.

By the autumn the animals were tired
but happy.

They had had a hard year, and after
the sale of part of the hay and corn
the stores of food for the winter were
none too plentiful, but the windmill
compensated for everything.

It was almost half built now.

After the harvest there was a stretch
of clear dry weather, and the animals
toiled harder than ever, thinking it
well worth while to plod to and fro
all day with blocks of stone if by
doing so they could raise the walls
another foot.

Boxer would even come out at nights
and work for an hour or two on his

Ведь вы же не собираетесь лишать нас
заслуженного отдыха, не так ли,
товарищи?

И не заставите нас непосильно
переутомляться при исполнении наших
обязанностей?

Ведь, я уверен, никто из вас не хочет
возвращения мистера Джонса?

Животные сразу же уверили его в этом,
и с тех пор вопрос о кроватях для
свиней больше не поднимался.

И когда через несколько дней было
объявлено, что отныне свиньи будут
вставать на час позже остальных,
никто не позволил себе проронить ни
слова осуждения.

К осени животные испытывали
счастливую усталость.

Они вынесли на своих плечах нелегкий
год, и после продажи части зерна
запасов на зиму могло не хватить, но
поднимающаяся мельница стоила всех
лишений.

Она была доведена почти до половины.

После уборочной наступила ясная
сухая погода, и животным пришлось
трудиться тяжелее обычного, до мыла,
- но при этом, таская тяжелые камни,
они думали, что им повезло, так как у
них есть возможность поднять стены
еще на фут.

Во время уборочной Боксер приходил
на строительство даже по ночам и
прихватывал час-другой, работая при

own by the light of the harvest moon. свете луны.

In their spare moments the animals would walk round and round the half-finished mill, admiring the strength and perpendicularity of its walls and marvelling that they should ever have been able to build anything so imposing.

Only old Benjamin refused to grow enthusiastic about the windmill, though, as usual, he would utter nothing beyond the cryptic remark that donkeys live a long time.

November came, with raging south-west winds.

Building had to stop because it was now too wet to mix the cement.

Finally there came a night when the gale was so violent that the farm buildings rocked on their foundations and several dies were blown off the roof of the barn.

The hens woke up squawking with terror because they had all dreamed simultaneously of hearing a gun go off in the distance.

In the morning the animals came out of their stalls to find that the flagstaff had been blown down and an elm tree at the foot of the orchard had been plucked up like a radish.

They had just noticed this when a cry of despair broke from every animal's throat. A terrible sight had met their eyes.

В минуты отдыха животные неоднократно прогуливались вокруг мельницы, восхищенно глядя на мощь прямых стен и изумляясь тому, что именно они возвели столь впечатляющее строение.

Только старый Бенджамин отказывался восхищаться мельницей, но и тому нечего было сказать, кроме своих привычных ехидных замечаний, что, мол, ослы живут долгий век.

Пришел ноябрь со своими жгучими юго-восточными ветрами.

Строительство приостановилось: в такой сырости трудно было замешивать бетон.

Наконец однажды ночью разразилась такая буря, что здание подрагивало на своем фундаменте, а с крыши амбара слетело несколько черепиц.

Проснувшись, куры взволнованно закудахтали от страха, потому что им приснилась оружейная пальба.

Утром животные обнаружили, что флагшток поломан, а елочка в саду вырвана с корнями, как редиска.

Но едва они обратили на это внимание, как у всех вырвался вопль разочарования.

The windmill was in ruins.

With one accord they dashed down to the spot.

Napoleon, who seldom moved out of a walk, raced ahead of them all.

Yes, there it lay, the fruit of all their struggles, levelled to its foundations, the stones they had broken and carried so laboriously scattered all around.

Unable at first to speak, they stood gazing mournfully at the litter of fallen stone.

Napoleon paced to and fro in silence, occasionally snuffing at the ground.

His tail had grown rigid and twitched sharply from side to side, a sign in him of intense mental activity.

Suddenly he halted as though his mind were made up.

'Comrades,' he said quietly, 'do you know who is responsible for this?

Do you know the enemy who has come in the night and overthrown our windmill? SNOWBALL!' he suddenly roared in a voice of thunder,

'Snowball has done this thing!

In sheer malignity, thinking to set back our plans and avenge himself for his ignominious expulsion, this traitor has crept here under cover of night and destroyed our work of nearly a year.

Comrades, here and now I pronounce

Рухнула мельница.

В едином порыве они ринулись к ней.

Наполеон, который редко баловал себя прогулками, мчался впереди всех.

Да, с мельницей было покончено - плода их долгих трудов больше не существовало: мельница развалилась вплоть до основания, а камни были раскиданы.

Не в силах проронить ни слова, они стояли, мрачно глядя на остатки стен.

Наполеон молча прохаживался вперед и назад, время от времени обнюхивая землю.

Его затвердевший хвостик дергался из стороны в сторону - Наполеон напряженно думал.

Внезапно он остановился, словно его озарила какая-то мысль.

- Товарищи, - тихо сказал он, - знаете ли вы, кто должен отвечать за содеянное?

Знаете ли вы имя врага, который, подкравшись ночью, разрушил мельницу? Это Сноуболл! -внезапно рявкнул он громовым голосом.

- Это дело Сноуболла!

Полный злобы, он решил сорвать наши планы и отомстить за свое позорное изгнание. Этот предатель подкрался к нам под покровом ночи и уничтожил работу целого года.

Товарищи, здесь, на этом месте, я объявляю смертный приговор

the death sentence upon Snowball.

"Animal Hero, Second Class", and half a bushel of apples to any animal who brings him to justice.

A full bushel to anyone who captures him alive!"

The animals were shocked beyond measure to learn that even Snowball could be guilty of such an action.

There was a cry of indignation, and everyone began thinking out ways of catching Snowball if he should ever come back.

Almost immediately the footprints of a pig were discovered in the grass at a little distance from the knoll.

They could only be traced for a few yards, but appeared to lead to a hole in the hedge.

Napoleon snuffed deeply at them and pronounced them to be Snowball's.

He gave it as his opinion that Snowball had probably come from the direction of Foxwood Farm.

'No more delays, comrades!' cried Napoleon when the footprints had been examined.

' There is work to be done.

This very morning we begin rebuilding the windmill, and we will build all through the winter, rain or shine.

We will teach this miserable traitor that he cannot undo our work so

Сноуболлу!

"Животное - герой второго класса" и полбушеля яблок тому, кто отомстит Сноуболлу!

И целый бушель будет тому, кто доставит его живым!

Животные были безмерно потрясены тем, что в содеянном повинен Сноуболл.

Раздались крики возмущения, и многие стали продумывать, как бы им захватить Сноуболла, если он посмеет еще раз явиться сюда.

В это время были обнаружены следы копытцев в траве неподалеку от холмика.

Правда, их можно было проследить лишь на протяжении нескольких метров, но они вели к дыре в изгороди.

Наполеон тщательно обнюхал следы и объявил, что они принадлежат Сноуболлу.

Он предположил, что Сноуболл явился со стороны Фоксвуда.

- Ни секунды промедления, товарищи!

- сказал Наполеон после того, как следы были изучены.

- Нас ждет работа.

Сегодня же утром мы начнем восстанавливать мельницу, и мы будем строить ее всю зиму, в дождь и в снег.

Мы дадим понять этому презренному предателю, что нас не так легко

easily.

Remember, comrades, there must be no alteration in our plans: they shall be carried out to the day.

Forward, comrades!

Long live the windmill!

Long live Animal Farm!

VII

It was a bitter winter.

The stormy weather was followed by sleet and snow, and then by a hard frost which did not break till well into February.

The animals carried on as best they could with the rebuilding of the windmill, well knowing that the outside world was watching them and that the envious human beings would rejoice and triumph if the mill were not finished on time.

Out of spite, the human beings pretended not to believe that it was Snowball who had destroyed the windmill: they said that it had fallen down because the walls were too thin.

The animals knew that this was not the case.

Still, it had been decided to build the walls three feet thick this time instead of eighteen inches as before, which meant collecting much larger quantities of stone.

For a long time the quarry was full of snowdrifts and nothing could be done.

остановить.

Помните, товарищи, что мы не можем медлить, мы должны беречь каждый день!

Вперед, товарищи!

Да здравствует мельница!

Да здравствует скотский хутор!

Глава VII

Зима была жестокой.

Штормовые ветра следовали за дождем и снегом, а затем ударили морозы, которые стояли до февраля.

Восстанавливая мельницу, животные выкладывались из последних сил, хорошо зная, что окружающий мир наблюдает за ними и что завистливый род человеческий будет вне себя от радости, если не удастся закончить мельницу в срок.

Вопреки здравому смыслу, люди не верили в вину Сноуболла и считали, что мельница рухнула из-за слишком тонких стен.

Животные знали, что дело было не в этом.

Тем не менее, сейчас было решено строить стены толщиной в три фута, а не в восемнадцать дюймов, как раньше, что потребовало гораздо большего количества камней.

Но в течение долгого времени не удавалось приступить к работе, так как каменоломня была заполнена талым снегом.

Some progress was made in the dry frosty weather that followed, but it was cruel work, and the animals could not feel so hopeful about it as they had felt before.

Некоторое улучшение наступило с приходом сухой морозной погоды, но работа была непомерно тяжела и все трудились далеко не с таким воодушевлением и надеждой, как раньше.

They were always cold, and usually hungry as well.

Они постоянно страдали от голода и холода.

Only Boxer and Clover never lost heart.

Не падали духом только Боксер и Кlover.

Squealer made excellent speeches on the joy of service and the dignity of labour, but the other animals found more inspiration in Boxer's strength and his never-failing cry of

Визгун произносил прекрасные речи о радости самоотверженного труда и достоинстве, которым он облагораживает труженика, но всех остальных гораздо больше воодушевляла сила Боксера и его неизменный призыв:

' I will work harder!'

"Я буду работать еще больше!"

In January food fell short.

В январе стало ясно, что запасы пищи подходят к концу.

The corn ration was drastically reduced, and it was announced that an extra potato ration would be issued to make up for it.

Резко сократились порции зерна. Было объявлено, что увеличится норма выдачи картофеля.

Then it was discovered that the greater part of the potato crop had been frosted in the clamps, which had not been covered thickly enough.

Затем выяснилось, что большая часть картофеля замерзла в гуртах, которые были плохо прикрыты.

The potatoes had become soft and discoloured, and only a few were edible.

Картофель размяк и потек, в пищу он уже практически не годился.

For days at a time the animals had nothing to eat but chaff and mangels.

Остались только солома и свекла.

Starvation seemed to stare them in the face.

Голод посмотрел им прямо в лицо.

It was vitally necessary to conceal this fact from the outside world.

Emboldened by the collapse of the windmill, the human beings were inventing fresh lies about Animal Farm.

Once again it was being put about that all the animals were dying of famine and disease, and that they were continually fighting among themselves and had resorted to cannibalism and infanticide.

Napoleon was well aware of the bad results that might follow if the real facts of the food situation were known, and he decided to make use of Mr Whymper to spread a contrary impression.

Hitherto the animals had had little or no contact with Whymper on his weekly visits: now, however, a few selected animals, mostly sheep, were instructed to remark casually in his hearing that rations had been increased.

In addition. Napoleon ordered the almost empty bins in the store-shed to be filled nearly to the brim with sand, which was then covered up with what remained of the grain and meal.

On some suitable pretext Whymper was led through the store-shed and allowed to catch a glimpse of the bins.

He was deceived, and continued to report to the outside world that

Было жизненно необходимо скрыть этот факт от остального мира.

Воодушевленные крушением мельницы, люди пустили в ход новую ложь о скотском хуторе.

Снова пошли слухи, что все животные умирают от голода и болезней, что между ними разгорелась жестокая междоусобица и на ферме процветают каннибализм и убийства детей.

Наполеон был серьезно обеспокоен последствиями, которые могли разразиться, если станет известно действительное положение вещей, и он решил использовать мистера Уимпера, чтобы опровергнуть слухи.

Обычно животные почти не встречались с мистером Уимпером во время его еженедельных визитов, но теперь нескольким животным, преимущественно овцам, было поручено в присутствии мистера Уимпера ронять реплики, что, мол, порции пищи растут.

Кроме того, Наполеон приказал наполнить песком пустые бочки, стоящие в закромах, и сверху прикрыть песок остатками зерна и муки.

Под каким-то предлогом мистер Уимпер был отведен в закрома и было отмечено, что он бросил в сторону бочек любопытный взгляд.

Зрелище убедило его, и, покинув скотский хутор, он рассказал всем

there was no food shortage on Animal Farm.

Nevertheless, towards the end of January it became obvious that it would be necessary to procure some more grain from somewhere.

In these days Napoleon rarely appeared in public, but spent all his time in the farmhouse, which was guarded at each door by fierce-looking dogs.

When he did emerge it was in a ceremonial manner, with an escort of six dogs who closely surrounded him and growled if anyone came too near.

Frequently he did not even appear on Sunday mornings, but issued his orders through one of the other pigs, usually Squealer.

One Sunday morning Squealer announced that the hens, who had just come in to lay again, must surrender their eggs.

Napoleon had accepted, through Whymper, a contract for four hundred eggs a week.

The price of these would pay for enough grain and meal to keep the farm going till summer came on and conditions were easier.

When the hens heard this they raised a terrible outcry.

They had been warned earlier that this sacrifice might be necessary, but had not believed that it would really happen.

интересующимся, что пищи у животных хватает с избытком.

Тем не менее, к концу января стало ясно, что надо каким-то образом раздобыть хоть немного зерна.

В эти дни Наполеон редко показывался снаружи; почти все время он проводил на ферме, двери которой охраняли свирепые псы.

Когда же он появлялся, его выход представлял собой внушительное зрелище - он двигался в окружении шести собак, которые рычали на каждого, кто смел приблизиться.

Порой его не было видно даже по воскресеньям утром, а свои указания он передавал через кого-нибудь из свиней, обычно через Визгуна.

В одно из воскресений Визгун объявил, что куры, которые, как обычно, расположились вокруг него, впредь должны сдавать свои яйца.

Через Уимпера Наполеон заключил контракт на поставку четырехсот яиц в неделю.

Вырученными деньгами можно будет расплатиться за зерно и продукты, что даст ферме возможность продержаться до лета, когда условия улучшатся.

Услышав это, куры подняли страшный крик.

Да, они были предупреждены, что, возможно, от них потребуется такая жертва, но по-настоящему никогда в это не верили.

They were just getting their clutches ready for the spring sitting, and they protested that to take the eggs away now was murder.

For the first time since the expulsion of Jones there was something resembling a rebellion.

Led by three young Black Minorca pullets, the hens made a determined effort to thwart Napoleon's wishes.

Their method was to fly up to the rafters and there lay their eggs, which smashed to pieces on the floor.

Napoleon acted swiftly and ruthlessly.

He ordered the hens' rations to be stopped, and decreed that any animal giving so much as a grain of corn to a hen should be punished by death.

The dogs saw to it that these orders were carried out.

For five days the hens held out, then they capitulated and went back to their nesting boxes.

Nine hens had died in the meantime. Their bodies were buried in the orchard, and it was given out that they had died of coccidiosis.

Whymper heard nothing of this affair, and the eggs were duly delivered, a grocer's van driving up to the farm once a week to take them away.

Они уже приготовились высиживать птенцов к весне, и сейчас забирать у них яйца - это настоящее убийство.

В первый раз после изгнания Джонса вспыхнуло нечто вроде волнения.

Возглавляемые тремя молодыми черными минорками, куры решили любым способом помешать замыслам Наполеона.

Они решили нести яйца, взлетев на стропила, откуда яйца будут падать на пол и разбиваться.

Наполеон действовал стремительно и безжалостно.

Он приказал не кормить кур и объявил, что каждое животное, которое поделится с ними хоть зернышком, будет наказано смертной казнью.

За соблюдением приказа будут бдительно наблюдать собаки.

Пять дней куры еще держались, затем капитулировали и вернулись к своим кормушкам.

За это время умерло девять кур.

Их тела были похоронены в саду и было оповещено, что они скончались от бруцеллеза.

Уимпер ничего не слышал о происшествии. Яйца исправно собирались, и раз в неделю бакалейщик приезжал их забирать на своем фургоне.

All this while no more had been seen of Snowball.

He was rumoured to be hiding on one of the neighbouring farms, either Foxwood or Pinchfield.

Napoleon was by this time on slightly better terms with the other farmers than before.

It happened that there was in the yard a pile of timber which had been stacked there ten years earlier when a beech spinney was cleared.

It was well seasoned, and Whympers had advised Napoleon to sell it; both Mr Pilkington and Mr Frederick were anxious to buy it.

Napoleon was hesitating between the two, unable to make up his mind.

It was noticed that whenever he seemed on the point of coming to an agreement with Frederick, Snowball was declared to be in hiding at Foxwood, while when he inclined towards Pilkington, Snowball was said to be at Pinchfield.

Suddenly, early in the spring, an alarming thing was discovered.

Snowball was secretly frequenting the farm by night!

The animals were so disturbed that they could hardly sleep in their stalls.

Every night, it was said, he came creeping in under cover of darkness and

Никаких следов присутствия Сноуболла с тех пор не было обнаружено.

Ходили слухи, что он скрывается на одной из соседних ферм, то ли в Фоксвуде, то ли в Пинчфилде.

К тому времени Наполеону удалось несколько улучшить отношения с соседями.

Произошло это благодаря тому, что на дворе уже без малого десять лет, с тех пор как была сведена буковая рощица, лежал штабель бревен.

Они были выдержаны наилучшим образом, и Уимпер посоветовал Наполеону продать их; и мистер Пилкингтон, и мистер Фредерик с удовольствием купили бы их.

Наполеон колебался с выбором, не в состоянии прийти к решению.

Бросалось в глаза, что, как только Наполеон склонялся к соглашению с мистером Фредериком, становилось известно, что Сноуболл скрывается в Фоксвуде, а как только он решал иметь дело с мистером Пилкингтоном, Сноуболл объявлялся в Пинчфилде.

В начале весны внезапно выяснилась тревожная вещь.

По ночам Сноуболл неоднократно бывал на ферме!

Все были так встревожены этим известием, что стали плохо спать в своих стойлах.

Как стало известно, каждую ночь под покровом темноты он пробирался на ферму и занимался

performed all kinds of mischief.

He stole the corn, he upset the milk-pails, he broke the eggs, he trampled the seed-beds, he gnawed the bark off the fruit trees.

Whenever anything went wrong it became usual to attribute it to Snowball.

If a window was broken or a drain was blocked up, someone was certain to say that Snowball had come in the night and done it, and when the key of the store-shed was lost the whole farm was convinced that Snowball had thrown it down the well.

Curiously enough they went on believing this even after the mislaid key was found under a sack of meal.

The cows declared unanimously that Snowball crept into their stall and milked them in their sleep.

The rats, which had been troublesome that winter, were also said to be in league with Snowball.

Napoleon decreed that there should be a full investigation into Snowball's activities.

With his dogs in attendance he set out and made a careful tour of inspection of the farm buildings, the other animals following at a respectful distance.

At every few steps Napoleon stopped and sniffed the ground for traces of Snowball's footsteps, which, he said, he could detect by the smell.

вредительством.

Он крал зерно, опрокидывал ведра с молоком, давил яйца, вытаптывал посевы, обгрызал кору на фруктовых деревьях.

Теперь было ясно, что все неудачи объяснялись происками Сноуболла.

Каждый теперь мог объяснить, что сломанное окно или засорившиеся трубы были следствием ночных походов Сноуболла, а когда исчез ключ от кладовой, все были убеждены, что его удалось украсть именно Сноуболлу.

Любопытно, что эта точка зрения не изменилась, даже когда ключ был найден под мешком муки.

Коровы единодушно объявили, что по ночам, когда они спят, Сноуболл пробирается в их стойла и доит их.

Существовало подозрение, что крысы, которые особенно досаждали в эту зиму, были в сговоре со Сноуболлом.

Наполеон постановил провести полное расследование деятельности Сноуболла.

В сопровождении собак - остальные животные следовали за ним на почтительном отдалении - он тщательно осмотрел строения фермы.

Каждые несколько шагов Наполеон останавливался и обнюхивал землю в поисках следов Сноуболла, которые, как он говорил, может обнаружить по запаху.

He snuffed in every corner, in the barn, in the cowshed, in the henhouses, in the vegetable garden, and found traces of Snowball almost everywhere.

He would put his snout to the ground, give several deep sniffs and exclaim in a terrible voice,

'Snowball!

He has been here!

I can smell him distinctly!' and at the word

'Snowball' all the dogs let out blood-curdling growls and showed their side teeth.

The animals were thoroughly frightened.

It seemed to them as though Snowball were some kind of invisible influence, pervading the air about them and menacing them with all kinds of dangers.

In the evening Squealer called them together, and with an alarmed expression on his face told them that he had some serious news to report.

'Comrades!' cried Squealer, making little nervous skips, 'a most terrible thing has been discovered.

Snowball has sold himself to Frederick of Pinchfield Farm, who is even now plotting to attack us and take our farm away from us!

Snowball is to act as his guide when the attack begins.

Он обнюхивал каждый уголок в амбаре, в коровнике, в курятнике, в огороде - и почти всюду были следы Сноуболла.

Ткнув пяточком в землю и тщательно принюхавшись, Наполеон вскричал страшным голосом:

"Сноуболл!

Он был здесь!

Я чую его!" - и при слове

"Сноуболл" собаки кровожадно зарычали, оскалив клыки.

Животные были напуганы до предела.

Им казалось, что Сноуболл стал чем-то вроде духа, незримо пребывающего на ферме и призывающего на их головы все беды мира.

Вечером Визгун созвал их и, не скрывая тревожного выражения, сообщил, что у него есть серьезные новости.

- Товарищи! - нервно дергаясь, вскричал он. - Вскрылись ужасные вещи.

Сноуболл проданся Фредерику из Пинчфилда, который составляет зловещий заговор с целью обрушиться на нас и отнять нашу ферму!

При нападении Сноуболл будет служить ему проводником.

But there is worse than that.

We had thought that Snowball's rebellion was caused simply by his vanity and ambition.

But we were wrong, comrades.

Do you know what the real reason was? Snowball was in league with Jones from the very start!

He was Jones's secret agent all the time.

It has all been proved by documents which he left behind him and which we have only just discovered.

To my mind this explains a great deal, comrades.

Did we not see for ourselves how he attempted-fortunately without success - to get us defeated and destroyed at the Battle of the Cowshed?'

The animals were stupefied.

This was a wickedness far outdoing Snowball's destruction of the windmill.

But it was some minutes before they could fully take it in.

They all remembered, or thought they remembered, how they had seen Snowball charging ahead of them at the Battle of the Cowshed, how he had rallied and encouraged them at every turn, and how he had not paused for an instant even when the pellets from Jones's gun had wounded his back.

Но это еще не все. Открылись более ужасные вещи.

Мы считали, что причиной изгнания Сноуболла были его тщеславие и самомнение.

Но мы ошиблись, товарищи.

Знаете ли вы, в чем было дело? С самого начала Сноуболл был на стороне Джонса!

Все это время он был его тайным агентом.

Это неопровержимо доказано документами, которые он не успел скрыть, и которые мы только что обнаружили.

Я считаю, что теперь многое стало ясно, товарищи.

Разве мы не помним, как он пытался - к счастью, безуспешно - помешать нашей победе в битве у коровника?

Животные оцепенели.

Разрушение мельницы можно было объяснить непомерной злобой Сноуболла.

Но лишь через несколько минут они смогли воспринять сказанное.

Все они помнили, или думали, что помнят, как Сноуболл вел их за собой в битве у коровника, как он руководил ими и ободрял их в сражении, как даже пуля из револьвера Джонса ни на секунду не заставила его остановиться.

At first it was a little difficult to see how this fitted in with his being on Jones's side.

Even Boxer, who seldom asked questions, was puzzled.

He lay down, tucked his fore hoofs beneath him, shut his eyes, and with a hard effort managed to formulate his thoughts.

'I do not believe that,' he said.

'Snowball fought bravely at the Battle of the Cowshed.

I saw him myself.

Did we not give him "Animal Hero, First Class" immediately afterwards?" "Животное -герой первого класса"?

'That was our mistake, comrade.

For we know now-it is all written down in the secret documents that we have found-that in reality he was trying to lure us to our doom.'

'But he was wounded,' said Boxer.

'We all saw him running with blood.'

'That was part of the arrangement!' cried Squealer.

'Jones's shot only grazed him.

I could show you mis in his own writing, if you were able to read it.

The plot was for Snowball, at the critical moment, to give the signal for flight and leave the field to the enemy.

And he very nearly succeeded - I will even say, comrades, he would have

На первых порах им было трудно понять, как все это могло согласовываться с тем, что Сноуболл был на стороне Джонса.

Даже Боксер, который редко задавал вопросы, был изумлен.

Он лег, подогнув передние ноги, закрыл глаза и принялся с трудом приводить в порядок свои мысли.

- Я в это не верю, - сказал он.

- Сноуболл храбро дрался в битве у коровника.

Я сам его видел.

И разве мы сразу же не вручили ему "Животное -герой первого класса"?

- Это была наша ошибка, товарищи.

Потому что теперь мы знаем - и все это черным по белому написано в найденных нами секретных документах - что на самом деле он старался заманить нас в ловушку.

- Но он был ранен, - сказал Боксер.

- Мы все видели, как текла кровь.

- Все это было подстроено! - закричал Визгун.

- Джонс стрелял в него понарошку.

Я мог бы показать вам, как он писал об этом, если бы вы умели читать.

Заговор заключался в том, что в критический момент Сноуболл должен был дать сигнал к отступлению, и поле битвы осталось бы за неприятелем.

И он был очень близок к успеху - я даже скажу, товарищи, что он мог бы

succeeded if it had not been for our heroic Leader, Comrade Napoleon.

Do you not remember how, just at the moment when Jones and his men had got inside the yard. Snowball suddenly turned and fled, and many animals followed him?

And do you not remember, too, that it was just at that moment, when panic was spreading and all seemed lost, that Comrade Napoleon sprang forward with a cry of

"Death to Humanity!" and sank his teeth in Jones's leg?

Surely you remember that, comrades?' exclaimed Squealer, frisking from side to side.

Now when Squealer described the scene so graphically, it seemed to the animals that they did remember it.

At any rate, they remembered that at the critical moment of the battle Snowball had turned to flee.

But Boxer was still a little uneasy.

'I do not believe that Snowball was a traitor at the beginning' he said finally.

'What he has done since is different. But I believe that at the Battle of the Cowshed he was a good comrade.'

'Our Leader, Comrade Napoleon,' announced Squealer, speaking very slowly and firmly, 'has stated categorically - categorically,

выиграть, если бы не наш героический вождь, товарищ Наполеон.

Разве вы не помните, как в этот самый момент, когда Джонс и его люди ворвались во двор, Сноуболл внезапно повернулся и кинулся в бегство, увлекая за собой остальных?

И разве вы не помните, как в эту минуту, когда паника захватила всех и все уже, казалось, было потеряно, - товарищ Наполеон вырвался вперед и с криком

"Смерть человечеству!" вонзил зубы в ногу Джонса?

Конечно, вы помните это, товарищи! - воскликнул Визгун, кидаясь из стороны в сторону.

После того, как Визгун столь отчетливо описал эту сцену, многим животным стало казаться, что они в самом деле помнят ее.

Во всяком случае, они помнили, что в критический момент сражения Сноуболл действительно кинулся в бегство.

Но Боксер все еще несколько сомневался.

- Я не верю, что Сноуболл с самого начала предавал нас, - сказал он наконец.

- Другой вопрос, кем он стал потом.

Но в битве у коровника он был надежным товарищем.

- Наш вождь, товарищ Наполеон, - очень медленно и твердо произнося слова, объявил Визгун, - категорически

comrade - that Snowball was Jones's agent from the very beginning-yes, and from long before the Rebellion was ever thought of.'

'Ah, that is different!' said Boxer.

'If Comrade Napoleon says it, it must be right.'

'That is the true spirit, comrade!' cried Squealer, but it was noticed he cast a very ugly look at Boxer with his little twinkling eyes.

He turned to go, then paused and added impressively:

'I warn every animal on this farm to keep his eyes very wide open.

For we have reason to think that some of Snowball's secret agents are lurking among us at this moment!'

Four days later, in the late afternoon. Napoleon ordered all the animals to assemble in the yard.

When they were all gathered together Napoleon emerged from the farmhouse, wearing both his medals (for he had recently awarded himself

'Animal Hero, First Class' and

'Animal Hero, Second Class'), with his nine huge dogs frisking round him and uttering growls that sent shivers down all the animals' spines.

утверждает -категорически, товарищи, - что Сноуболл был агентом Джонса с самого начала - да, именно так, и еще задолго до того, как было задумано восстание.

- Ну, тогда это другое дело! - сказал Боксер.

- Если это сказал товарищ Наполеон, значит, так оно и есть.

- Это чистая правда, товарищи! - снова закричал Визгун, остановив на Боксере мрачный взгляд своих маленьких бегающих глазок.

Собравшись, он остановился и внушительно сказал:

"Я призываю всех обитателей фермы держать глаза и уши широко раскрытыми.

Потому что у нас есть все основания считать, что даже в настоящий момент между нами шныряют агенты Сноуболла!"

Через четыре дня Наполеон приказал всем животным собраться во дворе после обеда.

Когда это было исполнено, из дверей дома появился Наполеон, украшенный двумя своими медалями (ибо недавно по его распоряжению ему было присвоено

"Животное - герой первого класса" и

"Животное - герой второго класса") и в сопровождении девяти огромных псов, которые рыскали вокруг, издавая рычание, заставляющее подрагивать шкуры собравшихся.

They all cowered silently in their places, seeming to know in advance that some terrible thing was about to happen.

Napoleon stood sternly surveying his audience; then he uttered a high-pitched whimper.

Immediately the dogs bounded forward, seized four of the pigs by the ear and dragged them, squealing with pain and terror, to Napoleon's feet.

The pigs' ears were bleeding, the dogs had tasted blood, and for a few moments they appeared to go quite mad.

To the amazement of everybody three of them flung themselves upon Boxer.

Boxer saw them coming and put out his great hoof, caught a dog in mid-air and pinned him to the ground. The dog shrieked for mercy and the other two fled with their tails between their legs.

Boxer looked at Napoleon to know whether he should crush the dog to death or let it go.

Napoleon appeared to change countenance, and sharply ordered Boxer to let the dog go, whereat Boxer lifted his hoof, and the dog slunk away, bruised and howling.

Presently the tumult died down.

The four pigs waited, trembling, with

Они молча стояли, чувствуя, что их ждет нечто страшное.

Наполеон остановился и обвел всех суровым взглядом; затем он повелительно взвизгнул.

Собаки мгновенно рванулись вперед, схватили за уши четырех свиней и выволокли их, визжащих от боли и страха, к ногам Наполеона.

Уши свиней кровоточили, и на мгновение всем показалось, что собаки, облизывающие кровь, просто сошли с ума.

В эти секунды всеобщего изумления трое собак кинулись к Боксеру.

Увидев их, тот вознес свое огромное копыто и так поддал распластавшуюся в прыжке собаку, что та, жалобно скуля, покатила по земле, а остальные, поджав хвосты, вильнули в сторону.

Боксер посмотрел на Наполеона, спрашивая указания - должен ли он пришибить собаку или позволить ей унести ноги.

Похоже было, что Наполеону изменило спокойствие, и он резко приказал Боксеру оставить собаку в покое; Боксер опустил копыто, и собака, повизгивая, уползла в сторону.

Наступила мертвая тишина.

Четверо свиней с дрожью ожидали развития событий, не скрывая вины,

guilt written on every line of their countenances.

Napoleon now called upon them to confess their crimes.

They were the same four pigs as had protested when Napoleon abolished the Sunday Meetings.

Without any further prompting they confessed that they had been secretly in touch with Snowball ever since his expulsion, that they had collaborated with him in destroying the windmill, and that they had entered into an agreement with him to hand over Animal Farm to Mr Frederick.

They added that Snowball had privately admitted to them that he had been Jones's secret agent for years past.

When they had finished their confession the dogs promptly tore their throats out, and in a terrible voice Napoleon demanded whether any other animal had anything to confess.

The three hens who had been the ringleaders in the attempted rebellion over the eggs now came forward and stated that Snowball had appeared to them in a dream and incited them to disobey Napoleon's orders.

They too were slaughtered.

Then a goose came forward and confessed to having secreted six ears of corn during the last year's harvest and

о которой говорила каждая черточка их физиономий.

Наполеон обратился к ним, призывая их покаяться в своих преступлениях.

Это были те четверо, которые протестовали, когда Наполеон отменил воскресные ассамблеи.

Они незамедлительно признались, что, начиная со дня изгнания Сноуболла, поддерживали с ним тайную связь, что они помогали ему разрушить мельницу и что они вошли в соглашение с ним, ставя целью отдать скотский хутор в руки мистера Фредерика.

Они добавили, что Сноуболл по секрету признался им: в течение долгих лет он был тайным агентом мистера Джонса.

Когда они кончили каяться, собаки перегрызли им горло, и Наполеон страшным голосом спросил, не хочет ли еще кто-либо сознаться в совершенных преступлениях.

Те трое кур, которые возглавляли попытку волнений из-за яиц, вышли вперед и сказали, что им во сне являлся Сноуболл и призывал не подчиняться приказам Наполеона.

Они также были разорваны на куски.

Затем вышел гусь и признался, что в прошлом году во время уборки урожая он утаил шесть зерен,

eaten them in the night.

Then a sheep confessed to having urinated in the drinking pool - urged to do this, so she said, by Snowball - and two other sheep confessed to having murdered an old ram, an especially devoted follower of Napoleon, by chasing him round and round a bonfire when he was suffering from a cough.

They were all slain on the spot.

And so the tale of confessions and executions went on, until there was a pile of corpses lying before Napoleon's feet and the air was heavy with the smell of blood, which had been unknown there since the expulsion of Jones.

When it was all over, the remaining animals, except for the pigs and dogs, crept away in a body.

They were shaken and miserable.

They did not know which was more shocking - the treachery of the animals who had leagued themselves with Snowball, or the cruel retribution they had just witnessed.

In the old days there had often been scenes of bloodshed equally terrible, but it seemed to all of them that it was far worse now that it was happening among themselves.

Since Jones had left the farm, until today, no animal had killed another

которые съел ночью.

Одна из овец покаялась, что мочилась в пруд - естественно, как она сказала, по настоянию Сноуболла, - а две другие овцы признались, что они довели до смерти старого барана, одного из самых преданных поклонников Наполеона, заставляя его бегать вокруг костра, когда он задыхался от приступов кашля.

Их постигла та же судьба, что и всех прочих.

Процесс признаний и наказаний длился до тех пор, пока у ног Наполеона не выросла гора трупов, а в воздухе не сгустился тяжелый запах крови, который был забыт со времен изгнания Джонса.

Когда все было кончено, остальные животные, кроме собак и свиней, удалились, сбившись в кучу.

Они были подавлены и унижены.

Они не могли понять, что потрясло их больше - то ли предательство тех, кто вступил в сношение со Сноуболлом, то ли свирепая расправа, свидетелями которой они были.

В старые времена тоже случались достаточно жестокие кровопролития, но сейчас они восприняли происшедшее значительно тяжелее, поскольку все произошло в их же среде.

С тех пор, как Джонс покинул ферму, и до сегодняшнего дня ни

animal.

Not even a rat had been killed.

They had made their way onto the little knoll where the half-finished windmill stood, and with one accord they all lay down as though huddling together for warmth - Clover, Muriel, Benjamin, the cows, the sheep and a whole flock of geese and hens-every one, indeed, except the cat, who had suddenly disappeared just before Napoleon ordered the animals to assemble.

For some time nobody spoke.

Only Boxer remained on his feet.

He fidgeted to and fro, swishing his long black tail against his sides and occasionally uttering a little whinny of surprise.

Finally he said:

' I do not understand it.

I would not have believed that such things could happen on our farm.

It must be due to some fault in ourselves.

The solution, as I see it, is to work harder.

From now onwards I shall get up a full hour earlier in the mornings.'

And he moved off at his lumbering trot and made for the quarry.

Having got there he collected two successive loads of stone and dragged them down to the windmill before retiring for the night.

одно животное не покушалось на жизнь своего соплеменника.

Перестали убивать даже крыс.

Все побрели на холмик, где стояла неоконченная мельница, прилегли и в едином порыве, как бы в поисках тепла, сгрудились все вместе - Кlover, Мюриель, Бенджамин, коровы, овцы, целый выводок гусей, куры - все вместе, кроме, конечно, кошки, которая исчезла сразу же, как только Наполеон приказал всем собраться.

Все молчали.

Остался стоять только Боксер.

Он взволнованно ходил из стороны в сторону, помахивая длинным черным хвостом и время от времени издавая короткое удивленное ржание.

Наконец, он сказал:

- Я ничего не понимаю.

Я не могу поверить, что на нашей ферме могло случиться такое.

Должно быть, мы в чем-то допустили ошибку.

И, по-моему, выход лишь в том, чтобы работать еще больше.

Что касается меня, то отныне я буду вставать еще на час раньше.

Он повернулся и тяжело зарысил в каменоломню.

Добравшись до места, он наметил два огромных камня и принялся возиться с ними, решив до наступления ночи доставить их к стенам мельницы.

The animals huddled about Clover, not speaking.

The knoll where they were lying gave them a wide prospect across the countryside.

Most of Animal Farm was within their view - the long pasture stretching down to the main road, the hayfield, the spinney, the drinking pool, the ploughed fields where the young wheat was thick and green, and the red roofs of the farm buildings with the smoke curling from the chimneys.

It was a clear spring evening.

The grass and the bursting hedges were gilded by the level rays of the sun.

Never had the farm - and with a kind of surprise they remembered that it was their own farm, every inch of it their own property - appeared to the animals so desirable a place.

As Clover looked down the hillside her eyes filled with tears.

If she could have spoken her thoughts, it would have been to say that this was not what they had aimed at when they had set themselves years ago to work for the overthrow of the human race.

These scenes of terror and slaughter were not what they had looked forward to on that night when old Major first stirred them to rebellion.

If she herself had had any picture of

Животные молча сгруппировались вокруг Кловер.

С холма, на котором они лежали, открывался широкий вид на округу.

Перед их глазами был почти весь скотский хутор - обширные пастбища, тянущиеся почти до большой дороги, хлеба, рожи, пруд, пашни, на которых уже густо пошла в рост молодая зеленая поросль, красные крыши фермы и курящийся над ними дымок из камина.

Был ясный весенний вечер.

И трава, и живые ограды были освещены лучами заходящего солнца.

И никогда ранее ферма - с легким удивлением они осознали, что это их собственная ферма, каждый дюйм которой принадлежит им, - не казалась им столь родной.

Глазами, полными слез, Кловер смотрела пред собой.

И если бы она могла выразить свои мысли, то она сказала бы, что не об этом они мечтали, когда в те далекие годы начали готовиться к свержению человеческого ига.

Не эти сцены, полные ужаса и крови, стояли пред их глазами в ту ночь, когда старый Майер впервые призвал их к восстанию.

И если бы она могла отчетливо

the future, it had been of a society of animals set free from hunger and the whip, all equal, each working according to his capacity, the strong protecting the weak, as she had protected the lost brood of ducklings with her foreleg on the night of Major's speech.

Instead - she did not know why - they had come to a time when no one dared speak his mind, when fierce, growling dogs roamed everywhere, and when you had to watch your comrades torn to pieces after confessing to shocking crimes.

There was no thought of rebellion or disobedience in her mind.

She knew that even as things were they were far better off than they had been in the days of Jones, and that before all else it was needful to prevent the return of the human beings.

Whatever happened she would remain faithful, work hard, carry out the orders that were given to her, and accept the leadership of Napoleon.

But still, it was not for this that she and all the other animals had hoped and toiled.

It was not for this that they had built the windmill and faced the pellets of Jones's gun.

Such were her thoughts, though

представить себе будущее, то это было бы сообщество животных, навсегда освободившихся от голода и побоев, общество равных, в котором каждый трудится по способностям и сильный защищает слабого, подобно тому, как она оберегала заблудившийся выводок утят в ту ночь, когда говорил Майер.

А вместо этого - она не знала, почему так случилось, - настало время, когда никто не может говорить то, что у него на уме, когда вокруг рыщут злобные псы и когда ты должен смотреть, как твоих товарищей рвут на куски после того, как они признались в ужасающих преступлениях.

У нее не было никаких крамольных мыслей - ни о восстании, ни о сопротивлении.

Она знала, что, несмотря на все происшедшее, им все же живется лучше, чем во времена Джонса, и что прежде всего надо сделать невозможным возвращение прежних хозяев.

И что бы ни было, она останется столь же преданной и трудолюбивой, так же будет признавать авторитет Наполеона.

И все же это было не то, о чем мечтала она и все прочие, не то, ради чего они трудились.

Не ради этого они возводили мельницу и грудью встречали пули Джонса.

Именно об этом она думала, хотя у нее не

she lacked the words to express them.

At last, feeling this to be in some way a substitute for the words she was unable to find, she began to sing

'Beasts of England'.

The other animals sitting round her took it up, and they sang it three times over-very tunefully, but slowly and mournfully, in a way they had never sung it before.

They had just finished singing it for the third time when Squealer, attended by two dogs, approached them with the air of having something important to say.

He announced that, by a special decree of Comrade Napoleon,

'Beasts of England' had been abolished.

From now onwards it was forbidden to sing it.

The animals were taken aback.

'Why?' cried Muriel.

'It is no longer needed, comrade,' said Squealer stiffly. "'Beasts of England' was the song of the Rebellion.

But the Rebellion is now completed.

The execution of the traitors this afternoon was the final act.

The enemy both external and internal

хватало слов, чтобы высказать свои мысли.

Наконец, чувствуя, что ей надо как-то выразить эмоции, переполнявшие ее, она затянула

"Скоты Англии".

Остальные, расположившиеся вокруг, подхватили песню и спели ее три раза - очень слаженно, но тихо и печально, так, как никогда не пели ее раньше.

Когда они исполнили ее в третий раз, в сопровождении двух псов появился Визгун и дал понять, что хочет сообщить нечто важное.

Он объявил, что в соответствии со специальным распоряжением товарища Наполеона

"Скоты Англии" отменяются.

Исполнять гимн отныне запрещается.

Животные были ошеломлены.

- Почему? - изумилась Мюриель.

- В этом больше нет необходимости, товарищи, - твердо сказал Визгун. -

"Скоты Англии" - это была песня времен восстания.

Но восстание успешно завершено.

Последним действием ее было состоявшееся сегодня наказание предателей.

has been defeated.

In "Beasts of England" we expressed our longing for a better society in days to come.

But that society has now been established.

Clearly this song has no longer any purpose.'

Frightened though they were, some of the animals might possibly have protested, but at this moment the sheep set up their usual bleating of

'Four legs good, two legs bad', which went on for several minutes and put an end to the discussion.

So 'Beasts of England' was heard no more.

In its place Minimus, the poet, had composed another song which began:

Animal Farm, Animal Farm,
DDNever through me shalt thou
come to harm!

and this was sung every Sunday morning after the hoisting of the flag.

But somehow neither the words nor the tune ever seemed to the animals to come up to

'Beasts of England'.

VIII

A few days later, when the terror caused by the executions had died down, some of the animals remembered - or thought they remembered - that the Sixth

окончательно повержены.

В "Скотах Англии" мы выражали свое стремление к лучшему обществу, которое грядет.

Но мы уже построили его.

И, следовательно, ныне эта песня не отвечает своему назначению.

Несмотря на охвативший их страх, некоторые животные пробовали, было, протестовать, но овцы затянули свое обычное

"Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо!", которое продолжалось несколько минут и положило конец всем спорам.

Отныне "Скоты Англии" исчезли.

Вместо этого поэт Минимус сочинил другую песню, которая начиналась словами:

Скотский хутор, скотский хутор, Его счастье и веселье воспевают дружный хор!

Именно ее теперь пели каждое воскресенье при поднятии флага.

Но ни слова ее, ни мелодия ничем не напоминали животным их былую песню

"Скоты Англии".

Глава VIII

Через несколько дней, когда улегся страх, вызванный жестокой расправой, кое-кто из животных вспомнил - или решил, что помнит - шестую заповедь, которая гласила:

Commandment decreed:

'No animal shall kill any other animal.'

And though no one cared to mention it in the hearing of the pigs or the dogs, it was felt that the killings which had taken place did not square with this.

Clover asked Benjamin to read her the Sixth Commandment, and when Benjamin, as usual, said that he refused to meddle in such matters, she fetched Muriel.

Muriel read the Commandment for her.

It ran:

'No animal shall kill any other animal without cause.'

Somehow or other the last two words had slipped out of the animals' memory.

But they saw now that the Commandment had not been violated; for clearly there was good reason for killing the traitors who had leagued themselves with Snowball.

Throughout that year the animals worked even harder than they had worked in the previous year.

To rebuild the windmill, with walls twice as thick as before, and to finish it by the appointed date, together with the regular work of the farm, was a tremendous labour.

There were times when it seemed to the animals that they worked longer hours and fed no better than they had done in

"Животное не может убить другое животное".

И хотя никто не рискнул упоминать о ней в присутствии собак, все же чувствовалось, что эти убийства как-то не согласовывались с духом заповеди.

Кlover попросила Бенджамина прочесть ей шестую заповедь, но когда Бенджамин, как обычно, отказался, сказав, что не хочет вмешиваться в эти дела, Кlover обратилась к Мюриель.

Та прочитала ей заповедь.

Она гласила:

"Животное не может убить другое животное без причины".

Так или иначе, но два последних слова как-то выпали из памяти тех, кто вспоминал заповедь.

Но теперь они убедились, что заповедь не была нарушена: стало ясно, что теперь есть все основания уничтожать предателей, подручных Сноуболла.

В этом году пришлось работать еще тяжелее, чем в прошлом.

Поднять мельницу, стены которой стали вдвое толще и пустить ее в ход в намеченное время, не оставляя в то же время постоянную работу на ферме, было исключительно тяжело.

Были времена, когда животным начинало казаться, что они и работают дольше, и питаются хуже,

Jones's day.

On Sunday mornings Squealer, holding down a long strip of paper with his trotter, would read out to them lists of figures proving that the production of every class of foodstuff had increased by two hundred per cent, three hundred per cent, or five hundred per cent, as the case might be.

The animals saw no reason to disbelieve him, especially as they could no longer remember very clearly what conditions had been like before the Rebellion.

All the same, there were days when they felt that they would sooner have had less figures and more food.

All orders were now issued through Squealer or one of the other pigs.

Napoleon himself was not seen in public as often as once in a fortnight.

When he did appear he was attended not only by his retinue of dogs but by a black cockerel who marched in front of him and acted as a kind of trumpeter, letting out a loud 'cock-a-doodle-doo' before Napoleon spoke.

Even in the farmhouse, it was said, Napoleon inhabited separate apartments from the others.

He took his meals alone, with two dogs to wait upon him, and always ate from the Crown Derby dinner service which had been in the glass cupboard in the

чем во времена Джонса.

Но в одно воскресное утро перед ними появился Визгун, держа зажатый в копытцах длинный бумажный свиток и зачитал им, что производство продукции всех видов выросло за это время на 200, 300 и даже 500 процентов по сравнению с предыдущим временем.

У животных не было никаких оснований не верить ему, тем более, что они уже очень смутно помнили, каковы были условия жизни до восстания.

К тому же, надо добавить, случались дни, когда они чувствовали, что скоро работы станет меньше, а еды прибавится.

Все приказы исходили теперь от Визгуна или от другой свиньи.

Наполеон показывался перед обществом не чаще, чем раз в две недели.

Когда он выходил, его сопровождал не только привычный эскорт из собак, но и шествовавший впереди черный петух, который играл роль герольда, громко трубя "Ку-ка-ре-ку!" перед тем, как Наполеон собирался что-то сказать.

Даже на ферме, как говорилось, Наполеон занимал теперь отдельные апартаменты.

Пищу он принимал в одиночестве, лишь в присутствии сидевших рядом двух собак, и ел он с посуды фирмы "Кроун Дерби", которая обычно

drawing-room.

It was also announced that the gun would be fired every year on Napoleon's birthday, as well as on the other two anniversaries.

Napoleon was now never spoken of simply as 'Napoleon'.

He was always referred to in formal style as 'our Leader, Comrade Napoleon', and the pigs liked to invent for him such titles as Father of All Animals, Terror of Mankind, Protector of the Sheepfold, Ducklings' Friend, and the like.

In his speeches Squealer would talk with the tears rolling down his cheeks of Napoleon's wisdom, the goodness of his heart, and the deep love he bore to all animals everywhere, even and especially the unhappy animals who still lived in ignorance and slavery on other farms.

It had become usual to give Napoleon the credit for every successful achievement and every stroke of good fortune.

You would often hear one hen remark to another,

'Under the guidance of our Leader, Comrade Napoleon, I have laid five eggs in six days'; or two cows, enjoying a drink at the pool, would exclaim,

'Thanks to the leadership of Comrade

хранилась в стеклянном буфете в гостиной.

Было торжественно оповещено, что теперь, кроме дней традиционных празднеств, револьвер будет салютовать и в день рождения Наполеона.

Теперь о нем никогда не говорилось, как просто о "Наполеоне".

При обращении к нему надо было употреблять официальный титул "Наш вождь, товарищ Наполеон", и свиньи настаивали, чтобы к этому титулу добавлялись и другие - "Отец всех животных, ужас человечества, покровитель овец, защитник утят" и тому подобные.

В своих речах Визгун, не утирая катящихся по щекам слез, говорил о мудрости Наполеона, о глубокой любви, которую он испытывает ко всем животным, особенно к несчастным, которые все еще томятся в рабстве и в унижении на других фермах.

Стало привычным благодарить Наполеона за каждую удачу, за каждое достижение.

Можно было услышать, как одна курица говорила другой:

"Под руководством нашего вождя товарища Наполеона я отложила шесть яиц за пять дней"; или как две коровы, стоя у водопоя, восклицали:

"Спасибо товарищу Наполеону за то,

Napoleon, how excellent this water tastes!'

The general feeling on the farm was expressed in a poem entitled

'Comrade Napoleon', which was composed by Minimus and which ran as follows:

Friend of the fatherless!

Fountain of happiness!

Lord of the swill-bucket!

Oh, how my soul is on fire when I gaze at thy Calm and commanding eye, like the sun in the sky, Comrade Napoleon!

Thou art the giver of all that thy creatures love, Full belly twice a day, clean straw to roll upon; Every beast great or small sleeps at peace in his stall, Thou watchest over all, Comrade Napoleon!

Had I a sucking-pig, ere he had grown as big Even as a pint bottle or as a rolling-pin, He should have learned to be Faithful and true to thee, Yes, his first squeak should be

' Comrade Napoleon!'

Napoleon approved of this poem and caused it to be inscribed on the wall of the big barn, at the opposite end from the Seven Commandments.

It was surmounted by a portrait of Napoleon, in profile, executed by Squealer in white paint.

что под его руководством вода стала такой вкусной!"

Обуревавшие всех чувства нашли выражение в песне, сочиненной Минимусом.

Она называлась "Товарищ Наполеон" и звучала следующим образом:

Отец всех обездоленных!

Источник счастья!

Повелитель колод с помоями!

О, как пылает моя душа, когда я смотрю в твои спокойные и властные глаза, Подобные солнцу в небе, товарищ Наполеон!

Ты овладел искусством дарить все, что нужно твоим детям - Дважды в день полное брюхо, чистую солому, чтобы валяться; Каждое животное, большое или малое, спокойно спит в своем стойле, Пока ты бдишь над всеми, товарищ Наполеон!

И будь я хоть сосунок, или будь я уже большим, Пустой бутылкой будь я или пробкой - Все мы должны учиться верности и преданности тебе И приветствовать мир первым криком:

"Товарищ Наполеон!"

Наполеон одобрил песню и приказал написать ее большими буквами на другой стене амбара, напротив семи заповедей.

Она была увенчана портретом Наполеона в профиль, который белой краской исполнил Визгун.

Meanwhile, through the agency of Whymper, Napoleon was engaged in complicated negotiations with Frederick and Pilkington.

The pile of timber was still unsold.

Of the two, Frederick was the more anxious to get hold of it, but he would not offer a reasonable price.

At the same time there were renewed rumours that Frederick and his men were plotting to attack Animal Farm and to destroy the windmill, the building of which had aroused furious jealousy in him.

Snowball was known to be still skulking on Pinchfield Farm.

In the middle of the summer the animals were alarmed to hear that three hens had come forward and confessed that, inspired by Snowball, they had entered into a plot to murder Napoleon.

They were executed immediately, and fresh precautions for Napoleon's safety were taken.

Four dogs guarded his bed at night, one at each corner, and a young pig named Pinkeye was given the task of tasting all his food before he ate it, lest it should be poisoned.

At about the same time it was given out that Napoleon had arranged to sell the pile of timber to Mr Pilkington; he

Тем временем с помощью Уимпера Наполеон вступил в сложные торговые отношения с Фредериком и Пилкингтоном.

Штабель бревен все еще оставался непроданным.

Фредерик рвался приобрести его, но не мог предложить подходящую сумму.

Как раз в это время разнесся слух, что Фредерик со своими подручными готовит новое нападение на скотский хутор и собирается разрушить мельницу, строительство которой вызвало у него жгучую ревность.

Доподлинно было известно, что Сноуболл скрывается в Пинчфилде.

В середине лета животные были встревожены известием, что три курицы пришли к Наполеону и признались, что Сноуболл вовлек их в заговор с целью убить Наполеона.

Они были немедленно казнены. Пришлось принять новые меры безопасности для спасения жизни Наполеона.

По ночам у каждой ножки его кровати находилось четверо собак, а поросенок по имени Пинки должен был пробовать каждое блюдо, перед тем как к нему приступал сам Наполеон, что должно было предотвратить опасность отравления.

Примерно в это время стало известно, что Наполеон решил продать штабель мистеру Пилкингтону; кроме того, он

was also going to enter into a regular agreement for the exchange of certain products between Animal Farm and Foxwood.

The relations between Napoleon and Pilkington, though they were only conducted through Whymper, were now almost friendly.

The animals distrusted Pilkington, as a human being, but greatly preferred him to Frederick, whom they both feared and hated.

As the summer wore on, and the windmill neared completion, the rumours of an impending treacherous attack grew stronger and stronger.

Frederick, it was said, intended to bring against them twenty men all armed with guns, and he had already bribed the magistrates and police, so that if he could once get hold of the tide-deeds of Animal Farm they would ask no questions.

Moreover terrible stories were leaking out from Pinchfield about the cruelties that Frederick practised upon his animals.

He had flogged an old horse to death, he starved his cows, he had killed a dog by throwing it into the furnace, he amused himself in the evenings by making cocks fight with splinters of razor-blade tied to their spurs.

The animals' blood boiled with rage when they heard of these things

заклучил соглашение о регулярном товарообмене между скотским хутором и Фоксвудом.

Отношения между Наполеоном и Пилкингтоном, несмотря на то, что они поддерживались исключительно через Уимпера, стали почти дружескими.

Животные не доверяли Пилкингтону, поскольку он был родом из людей, но все же предпочитали его Фредерику, которого боялись и ненавидели.

По мере того как лето шло к концу и мельница близилась к своему завершению, начали усиливаться слухи о надвигающемся предательском нападении.

Говорилось, что Фредерик нанял не менее двадцати человек, вооруженных огнестрельным оружием, что он подкупил полицию и магистрат, и что, если ему удастся захватить скотский хутор и объявить себя его владельцем, это будет принято без возражений.

Кроме того, из Пинчфилда доходили ужасные истории о жестокости, с которой Фредерик обращается со своими животными.

Он засек до смерти старую лошадь, он морит коров голодом, он убил собаку, швырнув ее в печь, а по вечерам он развлекается петушиными боями, предварительно привязывая к ногам несчастных птиц острие бритвы.

Кровь кипела от ярости, когда животные слушали об издевательствах

being done to their comrades, and sometimes they clamoured to be allowed to go out in a body and attack Pinchfield Farm, drive out the humans and set the animals free.

But Squealer counselled them to avoid rash actions and trust in Comrade Napoleon's strategy.

Nevertheless feeling against Frederick continued to run high. One Sunday morning Napoleon appeared in the barn and explained that he had never at any time contemplated selling the pile of timber to Frederick; he considered it beneath his dignity, he said, to have dealings with scoundrels of that description.

The pigeons who were still sent out to spread tidings of the Rebellion were forbidden to set foot anywhere on Foxwood, and were also ordered to drop their former slogan of

'Death to Humanity' in favour of 'Death to Frederick'.

In the late summer yet another of Snowball's machinations was laid bare.

The wheat crop was full of weeds, and it was discovered that on one of his nocturnal visits Snowball had mixed weed seeds with the seed corn.

A gander who had been privy to me

над их товарищами; порой даже раздавались призывы собраться и напасть на Пинчфилд, чтобы изгнать людей и дать свободу животным.

Но Визгун советовал им избегать необдуманных действий и всецело положиться на мудрую стратегию товарища Наполеона.

Тем не менее, антифредериковские чувства продолжали расти.

В одно воскресное утро Наполеон появился в амбаре и сообщил, что он никогда не вступал в переговоры о продаже бревен Фредерику; он объявил, что считает ниже своего достоинства иметь дело с таким подонком.

Голубям, которых по-прежнему посылали во все стороны для распространения новостей о восстании, было запрещено вести эту работу в Фоксвуде; кроме того, им было приказано сменить прежний лозунг

"Смерть человечеству" на "Смерть Фредерику".

В конце лета была разоблачена еще одна подлость Сноуболла.

Поля оказались забитыми сорняками. Выяснилось, что это работа Сноуболла - во время одного из своих ночных визитов он смешал посевной фонд с сорняками.

Гусак, который был уличен в заговоре,

plot had confessed his guilt to Squealer and immediately committed suicide by swallowing deadly nightshade berries.

The animals now also learned that Snowball had never-as many of them had believed hitherto -received the order of

' Animal Hero, First Class'.

This was merely a legend which had been spread some time after the Battle of the Cowshed by Snowball himself.

So far from being decorated he had been censured for showing cowardice in the battle.

Once again some of the animals heard this with a certain bewilderment, but Squealer was soon able to convince them that their memories had been at fault.

In the autumn, by a tremendous, exhausting effort -for the harvest had to be gathered at almost the same time-the windmill was finished.

The machinery had still to be installed, and Whymper was negotiating the purchase of it, but the structure was completed.

In the teeth of every difficulty, in spite of inexperience, of primitive implements, of bad luck and of Snowball's treachery, the work had been finished punctually to the very day!

признал перед Визгуном свою вину и сразу покончил жизнь самоубийством, съев ягоды паслена.

Теперь животные окончательно убедились, что Сноуболл - хотя до настоящего времени многие продолжали верить в это - никогда не получал ордена

"Животное - герой первого класса".

Это было просто легендой, которую после битвы у коровника пустил в ход сам Сноуболл.

Он не только не был награжден, но, наоборот, подвергнут всеобщему осуждению за проявленную в сражении трусость.

Порой кое-кто из животных еще сомневался в этом, но Визгун быстро убедил их, что им просто изменяет память.

Осенью, которая запомнилась тяжелейшим изнурительным трудом - потому что одновременно шла и уборка урожая - мельница, наконец, была завершена.

Надо было еще приобрести оборудование, и Уимпер вел об этом переговоры, но само здание было закончено.

Несмотря на все трудности, на отсутствие опыта, на примитивное оборудование, на предательство Сноуболла, несмотря на ошибки, - мельница была закончена точно в намеченный день!

Tired out but proud, the animals walked round and round their masterpiece, which appeared even more beautiful in their eyes than when it had been built the first time.

Moreover the walls were twice as thick as before.

Nothing short of explosives would lay them low this time!

And when they thought of how they had laboured, what discouragements they had overcome, and the enormous difference that would be made in their lives when the sails were turning and the dynamos running-when they thought of all this their tiredness forsook them and they gambolled round and round the windmill, uttering cries of triumph.

Napoleon himself, attended by his dogs and his cockerel, came down to inspect the completed work; he personally congratulated the animals on their achievement, and announced that the mill would be named Napoleon Mill.

Two days later the animals were called together for a special meeting in the barn.

They were struck dumb with surprise when Napoleon announced that he had sold the pile of timber to Frederick.

Tomorrow Frederick's wagons would arrive and begin carting it away.

Изнемогая от гордости, животные гуляли вокруг этого творения, которое в их глазах выглядело еще более прекрасным, чем когда они только приступали к строительству.

Тем более, что стены стали вдвое толще, чем раньше.

Теперь их не могло обрушить ничто, кроме взрывчатки!

И когда они думали, сколько было вложено труда в эту работу, какие они преодолевали трудности и как изменится их жизнь, когда завертятся крылья и по проводам потечет электричество - когда они думали об этом, их покидала усталость, и они с восторженными криками начинали носиться вокруг мельницы.

В сопровождении собак и петуха Наполеон сам лично явился осмотреть работу; он поблагодарил животных за их достижения, и объявил, что строение будет называться мельница имени Наполеона.

Через два дня животные были приглашены на специальное собрание в амбар.

Они онемели от изумления, когда Наполеон объявил, что продал штабель Фредерику.

Завтра прибудет грузовик от Фредерика и увезет бревна.

Это значило, что все то время, пока

Throughout the whole period of his seeming friendship with Pilkington, Napoleon had really been in secret agreement with Frederick.

All relations with Foxwood had been broken off; insulting messages had been sent to Pilkington.

The pigeons had been told to avoid Pinchfield Farm and to alter their slogan from

'Death to Frederick' to
'Death to Pilkington'.

At the same time Napoleon assured the animals that the stories of an impending attack on Animal Farm were completely untrue, and that the tales about Frederick's cruelty to his own animals had been greatly exaggerated.

All these rumours had probably originated with Snowball and his agents.

It now appeared that Snowball was not, after all, hiding on Pinchfield Farm, and in fact had never been there in his life: he was living-in considerable luxury, so it was said-at Foxwood, and had in reality been a pensioner of Pilkington for years past.

The pigs were in ecstasies over Napoleon's cunning.

By seeming to be friendly with Pilkington he had forced Frederick to raise his price by twelve pounds. But the superior quality of

Наполеон поддерживал вроде бы дружеские отношения с Пилкингтоном, он действовал по тайному соглашению с Фредериком.

Все отношения с Фоксвудом были прерваны; Пилкингтону было отправлено оскорбительное послание.

Голубям было приказано избегать Пинчфилд и сменить свой лозунг

"Смерть Фредерику" на
"Смерть Пилкингтону".

Затем Наполеон заверил животных, что слухи о готовящемся нападении на скотский хутор не имели под собой никаких реальных оснований и что истории о жестоком обращении Фредерика с животными значительно преувеличены.

Все эти сплетни скорее всего распускались Сноуболлом и его агентами.

Кроме того, выяснилось, что Сноуболл не только никогда не скрывался в пинчфилде, но и вообще не был там никогда в жизни: он жил - и, как говорили, в исключительной роскоши - в Фоксвуде и на самом деле в течение долгих лет получал подачки от Пилкингтона.

Хитрость Наполеона привела свиней в восторг.

Демонстрируя дружбу с Пилкингтоном, он заставил Фредерика поднять цену до двенадцати фунтов.

Но глубокая мудрость Наполеона,

Napoleon's mind, said Squealer, was shown in the fact that he trusted nobody, not even Frederick.

Frederick had wanted to pay for the timber with something called a cheque, which it seemed was a piece of paper with a promise to pay written upon it.

But Napoleon was too clever for him.

He had demanded payment in real five-pound notes, which were to be handed over before the timber was removed.

Already Frederick had paid up; and the sum he had paid was just enough to buy the machinery for the windmill.

Meanwhile the timber was being carted away at high speed.

When it was all gone another special meeting was held in the barn for the animals to inspect Frederick's bank-notes.

Smiling beatifically, and wearing both his decorations, Napoleon reposed on a bed of straw on the platform, with the money at his side, neatly piled on a china dish from the farmhouse kitchen.

The animals filed slowly past, and each gazed his fill.

And Boxer put out his nose to sniff at the bank-notes, and the flimsy white things stirred and rustled in his breath.

Three days later there was a

сказал Визгун, выражается в том, что на самом деле он не верит никому, даже Фредерику.

Фредерик хотел заплатить за бревна какой-то бумажкой, называвшейся чеком, за которую потом можно было получить деньги.

Но Наполеона на кривой не объедешь.

Он настоял на платеже подлинными пятифунтовыми бумажками, перед тем, как Фредерик решит отвозить бревна, те должны быть переданы ему лично.

Фредерик уже расплатился и теперь денег хватит, чтобы купить оборудование для мельницы.

Бревна тем временем исчезли с молниеносной быстротой.

Когда с ними было покончено, в амбаре снова было созвано всеобщее собрание, чтобы осмотреть полученные от Фредерика банкноты.

Украшенный всеми своими наградами Наполеон, блаженно улыбаясь, расположился на соломенной подстилке на возвышении; рядом с ним в коробочке из-под китайского чая, взятой на кухне, стопкой были сложены деньги.

Животные гуськом медленно проходили мимо и каждый глазел на богатства.

Боксер засунул в коробку нос; тонкие белые бумажные деньги вздрогнули и зашевелились от его дыхания.

Но через три дня на ферме поднялась

terrible hullabaloo.

Whympers, his face deadly pale,
came racing up the path on his
bicycle, flung it down in the yard
and rushed straight into the
farmhouse.

The next moment a choking roar of
rage sounded from Napoleon's
apartments.

The news of what had happened
sped round the farm like wildfire.

The bank-notes were forgeries!

Frederick had got the timber for
nothing!

Napoleon called the animals
together immediately and in a
terrible voice pronounced the death
sentence upon Frederick.

When captured, he said, Frederick
should be boiled alive.

At the same time he warned them
that after this treacherous deed the
worst was to be expected.

Frederick and his men might make
their long-expected attack at any
moment.

Sentinels were placed at all the
approaches to the farm.

In addition, four pigeons were sent
to Fox-wood with a conciliatory
message, which it was hoped
might re-establish good relations
with Pilkington.

The very next morning the attack
came.

The animals were at breakfast when

страшная суматоха.

На мотоцикле примчался бледный
Уимпер, бросил его во дворе и кинулся
прямо в дом.

В следующую минуту из апартаментов
Наполеона раздался ужасный рев.

Новость о случившемся облетела ферму
подобно пожару.

Банкноты были фальшивыми!

Фредерик не заплатил за бревна ни
шиллинга!

Наполеон немедленно созвал всех
животных и громовым голосом объявил
смертный приговор Фредерику.

После поимки, сказал он, Фредерик
будет сварен заживо.

Затем он предупредил, что после такого
предательства можно ожидать самого
худшего.

Фредерик и его наемники каждую
минуту могут напасть на ферму - они
давно уже готовились к этому.

Часовые должны неусыпно бдить на
своих постах.

В Фоксвуд отправились четверо голубей
с миролюбивым посланием, в котором
содержалась надежда на восстановление
добрых отношений с Пилкингтоном.

Нападение состоялось на следующее
утро.

Животные завтракали, когда

the look-outs came racing in with the news that Frederick and his followers had already come through the five-barred gate.

Boldly enough the animals sallied forth to meet them, but this time they did not have the easy victory that they had had in the Battle of the Cowshed.

There were fifteen men, with half a dozen guns between them, and they opened fire as soon as they got within fifty yards.

The animals could not face the terrible explosions and the stinging pellets, and in spite of the efforts of Napoleon and Boxer to rally them they were soon driven back.

A number of them were already wounded.

They took refuge in the farm buildings and peeped cautiously out from chinks and knot-holes.

The whole of the big pasture, including the windmill, was in the hands of the enemy.

For the moment even Napoleon seemed at a loss.

He paced up and down without a word, his tail rigid and twitching. Wistful glances were sent in the direction of Foxwood.

If Pilkington and his men would help them, the day might yet be won.

But at this moment the four pigeons who had been sent out on the day before returned, one of them bearing a

примчался дозорный с известием, что Фредерик во главе своего воинства уже прошел ворота.

Животные смело бросились им навстречу, но на этот раз им не удалось одержать столь легкую победу, как в битве у коровника.

Их встретило пятнадцать человек, добрая половина из которых были вооружены револьверами, и они открыли огонь с пятидесяти метров.

Животные не могли вынести ужасающего грохота и жалящих пуль; несмотря на все усилия Наполеона и Боксера, старавшихся подбодрить их, они бросились в бегство.

Часть уже была ранена.

Забравшись в дом, они судорожно припали к щелям и дыркам от выпавших сучков в стенах.

Все пастбище, включая и мельницу, было в руках врагов.

В эти минуты растерялся, кажется, даже Наполеон.

Он молча ходил из угла в угол, подрагивая вытянутым хвостиком.

Все взоры с тоской были обращены в сторону Фоксвуда.

Если Пилкингтон решит прийти к ним на помощь, день поражения может еще обернуться победой.

И в эту минуту вернулись четверо отосланных вчера голубей; один из них нес записку от Пилкингтона.

scrap of paper from Pilkington.

On it was pencilled the words:

'Serves you right.'

Meanwhile Frederick and his men had halted about the windmill.

The animals watched them, and a murmur of dismay went round.

Two of the men had produced a crowbar and a sledge hammer. They were going to knock the windmill down.

'Impossible!' cried Napoleon.

'We have built the walls far too thick for that.'

They could not knock it down in a week.

Courage, comrades!'

But Benjamin was watching the movements of the men intently.

The two with the hammer and the crowbar were drilling a hole near the base of the windmill.

Slowly, and with an air almost of amusement, Benjamin nodded his long muzzle.

'I thought so,' he said.

'Do you not see what they are doing? In another moment they are going to pack blasting powder into that hole.'

Terrified, the animals waited.

It was impossible now to venture out of the shelter of the buildings.

After a few minutes the men were

В ней были нацарапаны слова:

"Так вам и надо!"

Тем временем Фредерик и его люди остановились около мельницы.

Животные наблюдали за ними, не в силах скрыть своих опасений.

Двое мужчин, вооружившись ломом и кувалдой, стали ломать стену мельницы.

- Бесполезно! - закричал Наполеон.

- Мы возвели такие толстые стены, что они устоят.

Они не справятся с ними и за неделю.

Не падайте духом, товарищи!

Но Бенджамин продолжал неотрывно следить за тем, что делалось около мельницы.

Двое с ломом и кувалдой пробили дыру у основания здания.

Медленно и разочарованно Бенджамин кивнул своей длинной мордой.

- Так я и думал, - сказал он.

- Разве вы не видите, что они делают?

А сейчас они будут засыпать порох в эту дыру.

Пораженные ужасом, животные застыли в ожидании.

Было бы слишком рискованно выбраться из-под укрытия.

seen to be running in all directions.
Then there was a deafening roar.

The pigeons swirled into the air, and
all the animals, except Napoleon,
flung themselves flat on their bellies
and hid their faces.

When they got up again a huge cloud
of black smoke was hanging where
the windmill had been.

Slowly the breeze drifted it away.
The windmill had ceased to exist!
At this sight the animals' courage
returned to them.

The fear and despair they had felt a
moment earlier were drowned in their
rage against this vile, contemptible
act.

A mighty cry for vengeance went up,
and without waiting for further orders
they charged forth in a body and made
straight for the enemy.

This time they did not heed the cruel
pellets that swept over them like hail.

It was a savage, bitter battle.

The men fired again and again, and,
when the animals got to close
quarters, lashed out with their sticks
and their heavy boots.

A cow, three sheep and two geese
were killed, and nearly everyone was
wounded.

Even Napoleon, who was directing
operations from the rear, had the tip of
his tail chipped by a pellet.

Затем раздался ужасающий грохот.

Голуби взвились в воздух, а все
остальные, кроме Наполеона, ничком
распластались на полу.

Когда они поднялись, на том месте,
где была мельница, колыхалось лишь
огромное облако черного дыма.

Ветерок медленно унес его.
Мельница исчезла!

Это зрелище заставило животных
почувствовать прилив отваги.

Страх и отчаяние, которое они
испытывали минутой раньше,
испарились в порыве ярости, когда
они увидели эти подлые низкие
действия.

Всеобщий крик мести потряс воздух
и, не ожидая приказов, в едином
порыве они бросились прямо на врага.

Они не склонялись перед горячими
пулями, которые, как гвозди,
вонзались в их тела.

Это была яростная и жестокая битва.

Люди непрерывно вели огонь, а когда
животные вплотную сблизилась с
ними, пустили в ход колья и тяжелые
подкованные сапоги.

Смертью храбрых пали корова, три
гуся и две овцы; почти все остальные
были ранены.

Даже Наполеон, который руководил
операцией с тыла, потерял кончик
хвоста, оторванный пулей.

But the men did not go unscathed either.	Но и нападавшие понесли серьезный урон.
Three of them had their heads broken by blows from Boxer's hoofs, another was gored in the belly by a cow's horn, another had his trousers nearly torn off by Jessie and Bluebell.	Троим из них Боксер копытами проломил голову; другой получил удар рогами в живот; кое-кто поддерживал штаны, разорванные в клочья зубами Джесси и Блюбелл.
And when the nine dogs of Napoleon's own bodyguard, whom he had instructed to make a detour under cover of the hedge, suddenly appeared on the men's flank, baying ferociously, panic overtook them.	А когда девять собак из личной охраны Наполеона, которых он под прикрытием изгороди направил в обход, со свирепым лаем появились в тылу нападавших, их охватила паника.
They saw that they were in danger of being surrounded.	Они увидели, что им грозит опасность окружения.
Frederick shouted to his men to get out while the going was good, and the next moment the cowardly enemy was running for dear life.	Фредерик заорал им, что надо, пока еще не поздно, уносить ноги, и в следующий момент трусливый враг бросился в позорное бегство, спасая свои драгоценные жизни.
The animals chased them right down to the bottom of the field, and got in some last kicks at them as they forced their way through the thorn hedge.	Животные гнали их до края поля, успев нанести несколько последних ударов тем, кто перелезал через изгородь.
They had won, but they were weary and bleeding.	Они победили, но какой ценой! Все были измучены и залиты кровью.
Slowly they began to limp back towards the farm.	Медленно они побрели обратно на ферму.
The sight of their dead comrades stretched upon the grass moved some of them to tears.	Вид мертвых товарищей, чьи тела распростерлись на траве, вызвал у многих слезы.
And for a little while they halted in sorrowful silence at the place where the windmill had once stood.	А затем в печальном молчании они застыли там, где еще недавно высилась мельница.
Yes, it was gone, almost the last trace of their labour was gone!	Да, с ней все было кончено; не осталось и следа их трудов!
Even the foundations were partially	Была разрушена даже часть

destroyed.

And in rebuilding it they could not this time, as before, make use of the fallen stones.

This time the stones had vanished too.

The force of the explosion had flung them to distances of hundreds of yards.

It was as though the windmill had never been.

As they approached the farm Squealer, who had unaccountably been absent during the fighting, came skipping towards them, whisking his tail and beaming with satisfaction.

And the animals heard, from the direction of the farm buildings, the solemn booming of a gun.

'What is that gun firing for?' said Boxer.

'To celebrate our victory!' cried Squealer.

'What victory?' said Boxer.

His knees were bleeding, he had lost a shoe and split his hoof, and a dozen pellets had lodged themselves in his hind leg.

'What victory, comrade?

Have we not driven the enemy off our soil - the sacred soil of Animal Farm?'

'But they have destroyed the windmill.

And we had worked on it for two years!'

фундамента.

И для восстановления мельницы они не могли, как раньше, использовать обрушившиеся камни.

Теперь камней тоже не было.

Силой взрыва они были раздроблены и раскиданы на сотни метров.

Мельницы словно и не было.

Когда они пришли на ферму, перед ними вынырнул неизвестно почему отсутствовавший во время битвы Визгун, сияющий и радостный.

И животные слышали, как со стороны главного строения раздавались торжественные звуки салюта из револьвера.

- Почему стреляет револьвер? - спросил Боксер.

- В честь нашей победы! - закричал Визгун.

- Какой победы? - сказал Боксер.

Бабки его были в крови, он потерял подкову и расщепил копыто; не менее дюжины пуль засели у него в мышцах задней ноги.

- Как что за победа, товарищи!

Разве мы не изгнали врагов нашей идеи -священной идеи скотского хутора?

- Но они разрушили мельницу!

А мы строили ее два года!

'What matter?

We will build another windmill.

We will build six windmills if we feel like it.

You do not appreciate, comrade, the mighty thing that we have done.

The enemy was in occupation of this very ground that we stand upon.

And now-thanks to the leadership of Comrade Napoleon - we have won every inch of it back again!'

'Then we have won back what we had before,' said Boxer.

'That is our victory,' said Squealer.

They limped into the yard.

The pellets under the skin of Boxer's leg smarted painfully.

He saw ahead of him the heavy labour of rebuilding the windmill from the foundations, and already in imagination he braced himself for the task.

But for the first time it occurred to him that he was eleven years old and that perhaps his great muscles were not quite what they had once been.

But when the animals saw the green flag flying, and heard the gun firing again-seven times it was fired in all - and heard the speech that Napoleon made, congratulating them on their conduct, it did seem to them after all that they had won a great victory.

The animals slain in the battle were given a solemn funeral.

- Ну и что?

Мы построим другую мельницу.

Мы выстроим десяток мельниц, если надо будет.

Вы не цените, товарищи, величие того, что нам удалось совершить.

Враг занял почти всю нашу землю.

А теперь - благодаря руководству товарища Наполеона - мы отвоевали каждый ее дюйм!

- Мы отвоевали то, что у нас было раньше, -сказал Боксер.

- Зато мы победили, - сказал Визгун.

Они втянулись во двор.

Раны от пуль, застрявших у Боксера под кожей, сильно болели.

Он предвидел, что его ждет тяжелая работа по восстановлению мельницы, начиная с фундамента, и он уже прикидывал, как возьмется за нее.

Но в первый раз он задумался над тем, что ему уже одиннадцать лет и что даже его могучие мускулы уже не те, что были когда-то.

Но когда животные увидели выующийся по ветру зеленый флаг и услышали победные залпы из револьвера - семь раз он стрелял - и услышали речь, которую произнес Наполеон, благодаря их за мужество, они наконец поверили, что одержали великую победу.

Животным, павшим в сражении, были устроены торжественные похороны.

Boxer and Clover pulled the wagon which served as a hearse, and Napoleon himself walked at the head of the procession.

Two whole days were given over to celebrations.

There were songs, speeches and more firing of the gun, and a special gift of an apple was bestowed on every animal, with two ounces of corn for each bird and three biscuits for each dog.

It was announced that the battle would be called the Battle of the Windmill, and that Napoleon had created a new decoration, the Order of the Green Banner, which he had conferred upon himself. In the general rejoicings the unfortunate affair of the bank-notes was forgotten.

It was a few days later than this that the pigs came upon a case of whisky in the cellars of the farmhouse.

It had been overlooked at the time when the house was first occupied.

That night there came from the farmhouse the sound of loud singing, in which, to everyone's surprise, the strains of

'Beasts of England' were mixed up.

At about half-past nine Napoleon, wearing an old bowler hat of Mr Jones's, was distinctly seen to emerge from the back door, gallop rapidly round the yard and disappear indoors

Боксер и Кловер везли телегу, которая служила катафалком, и Наполеон лично возглавлял процессию.

На празднования были отпущены два полных дня.

Были песни, речи, стрельба из револьвера, и каждому была вручена премия - яблоко; кроме того, птицы получили по две унции зерна, а собаки - по три бисквита.

Было объявлено, что это сражение впредь будет называться битвой у мельницы и что Наполеон награждается новым отличием, орденом зеленого знамени, который он сам присудил себе. В этих всеобщих празднествах был окончательно забыт печальный эпизод с банкнотами.

А через несколько дней случилась история с виски, что хранилось в подвале.

Его обнаружили еще в те дни, когда животные овладели фермой.

В ту ночь, о которой идет речь, с фермы доносились звуки громкого пения, в котором, к удивлению слушателей, звучали нотки

"Скотов Англии".

А примерно в полдевятого Наполеон со старой шляпой на голове, в которой мистер Джонс играл в крикет, мелькнув на мгновение, стремительно выскочил из задней двери, галопом промчался по двору и снова исчез в

again.

But in the morning a deep silence hung over the farmhouse.

Not a pig appeared to be stirring.

It was nearly nine o'clock when Squealer made his appearance, walking slowly and dejectedly, his eyes dull, his tail hanging limply behind him, and with every appearance of being seriously ill.

He called the animals together and told them that he had a terrible piece of news to impart.

Comrade Napoleon was dying!

A cry of lamentation went up.

Straw was laid down outside the doors of the farmhouse, and the animals walked on tiptoe.

With tears in their eyes they asked one another what they should do if their Leader were taken away from them.

A rumour went round that Snowball had after all contrived to introduce poison into Napoleon's food.

At eleven o'clock Squealer came out to make another announcement.

As his last act upon earth. Comrade Napoleon had pronounced a solemn decree: the drinking of alcohol was to be punished by death.

By the evening, however. Napoleon appeared to be somewhat better, and

дверях.

Утром над фермой царило глубокое молчание.

Свиньи не показывались из дома.

Около девяти часов появился Визгун. Он шел медленно и уныло, с опухшими глазами, с безвольно болтающимся хвостиком. Было видно, что он серьезно болен.

Визгун созвал всех и сказал, что должен сообщить им печальную новость.

Товарищ Наполеон умирает!

Горестный плач разнесся по ферме.

Перед дверями была разложена солома. Все ходили на цыпочках.

Со слезами на глазах животные вопрошали друг друга, как они будут жить, если вождь их покинет.

Ходили слухи, что, несмотря на все предосторожности, Сноуболлу удалось подсыпать яд в пищу Наполеону.

В одиннадцать Визгун вышел еще с одним сообщением.

Уходя от нас, последним своим распоряжением на этой земле товарищ Наполеон повелел объявить: впредь употребление алкоголя будет караться смертью.

Но, тем не менее, к вечеру Наполеону стало несколько лучше, а на следующее утро у Визгуна появилась

the following morning Squealer was able to tell them that he was well on the way to recovery.

By the evening of that day Napoleon was back at work, and on the next day it was learned that he had instructed Whymper to purchase in Willingdon some booklets on brewing and distilling.

A week later Napoleon gave orders that the small paddock beyond me orchard, which it had previously been intended to set aside as a grazing-ground for animals who were past work, was to be ploughed up.

It was given out that the pasture was exhausted and needed re-seeding: but it soon became known that Napoleon intended to sow it with barley.

About this time there occurred a strange incident which hardly anyone was able to understand.

One night at about twelve o'clock there was a loud crash in the yard, and the animals rushed out of their stalls.

It was a moonlit night.

At the foot of the end wall of the big barn, where the Seven Commandments were written, there lay a ladder broken in two pieces.

Squealer, temporarily stunned, was sprawling beside it, and near at hand there lay a lantern, a paintbrush and an overturned pot of white paint.

The dogs immediately made a ring

возможность сообщить, что товарищ Наполеон находится на пути к выздоровлению.

Вечером того же дня он приступил к работе, а на следующий день стало известно, что он направил Уимпера в Уиллингдон с целью купить какую-нибудь литературу по пивоварению и винокурению.

Через неделю он отдал распоряжение распахать небольшой лужок в саду, который давно уже был отведен для пастбы тем, кто уходит на отдых.

Поступило сообщение, что пастбище истощено и нуждается в рекультивации; но скоро стало известно, что Наполеон решил засеять его ячменем.

Примерно в это время произошел странный инцидент, недоступный пониманию подавляющего большинства обитателей фермы.

Как-то ночью, примерно около двенадцати, во дворе раздался грохот, и все животные высыпали наружу.

Стояла лунная ночь.

У подножия той стены большого амбара, на которой были написаны семь заповедей, лежала сломанная лестница.

Рядом с ней копошился оглушенный Визгун, а неподалеку от него лежали фонарь, кисть и перевернутое ведро с белой краской.

Собаки сразу же окружили его и, как

round Squealer, and escorted him back to the farmhouse as soon as he was able to walk.

None of the animals could form any idea as to what this meant, except old Benjamin, who nodded his muzzle with a knowing air, and seemed to understand, but would say nothing.

But a few days later Muriel, reading over the Seven Commandments to herself, noticed that there was yet another of them which the animals had remembered wrong.

They had thought that the Fifth Commandment was 'No animal shall drink alcohol', but there were two words that they had forgotten.

Actually the Commandment read: 'No animal shall drink alcohol to excess.'

IX

Boxer's split hoof was a long time in healing.

They had started the rebuilding of the windmill the day after the victory celebrations were ended.

Boxer refused to take even a day off work, and made it a point of honour not to let it be seen that he was in pain.

In the evenings he would admit privately to Clover that the hoof troubled him a great deal.

Clover treated the hoof with

только Визгун оказался в состоянии держаться на ногах, проводили его на ферму.

Никто - кроме, конечно, старого Бенджамина, который лишь кивал с многозначительным видом и делал вид, что ему все ясно, - не понял, что все это значило, но не проронил ни слова.

Но через несколько дней Мюриель, перечитывая для себя семь заповедей, заметила, что одну заповедь животные усвоили неправильно.

Они думали, что пятая заповедь звучала как "Животные не пьют алкоголя", но здесь были еще два слова, которые они упустили из виду:

"Животные не пьют алкоголя сверх необходимости".

Глава IX

Разбитое копыто Боксера заживало медленно.

Все взялись за восстановление мельницы сразу же на другой день после празднования победы.

Боксер отказался терять даже день и решил, что это дело чести - не дать никому заметить, как он страдает от боли.

Вечером он по секрету признался Кlover, что копыто серьезно беспокоит его.

Кlover приложила к копыту припарку

poultices of herbs which she prepared by chewing them, and both she and Benjamin urged Boxer to work less hard.

'A horse's lungs do not last for ever,' she said to him.

But Boxer would not listen.

He had, he said, only one real ambition left - to see the windmill well under way before he reached the age for retirement.

At the beginning, when the laws of Animal Farm were first formulated, the retiring age had been fixed for horses and pigs at twelve, for cows at fourteen, for dogs at nine, for sheep at seven and for hens and geese at five.

Liberal old-age pensions had been agreed upon.

As yet no animal had actually retired on pension, but of late the subject had been discussed more and more.

Now that the small field beyond the orchard had been set aside for barley, it was rumoured that a corner of the large pasture was to be fenced off and turned into a grazing-ground for superannuated animals.

For a horse, it was said, the pension would be five pounds of corn a day and, in winter, fifteen pounds of hay, with a carrot or possibly an apple on public holidays.

Boxer's twelfth birthday was due in the late summer of the following year.

из разжеванных ею трав, и они с Бенджамином предупредили Боксера, что он не должен перенапрягаться.

"Твои легкие не вечны", - сказала она ему.

Но Боксер отказался ее слушать.

У него осталась, сказал он, только одна цель - увидеть мельницу завершенной до того как он уйдет на отдых.

В самом начале, когда только складывались законы скотского хутора, пенсионный возраст был определен для лошадей и свиней в двенадцать лет, для коров в четырнадцать, для собак в девять, для овец в семь, для кур и гусей в пять лет.

Размер пенсии должен был быть определен попозже.

И хотя пока никто из животных не претендовал на нее, разговоры шли все чаще и чаще.

Поскольку небольшой загончик рядом с садом теперь был распахан под ячмень, ходили слухи, что будет отгорожен кусок большого пастбища с целью отвести его под выгон для престарелых тружеников.

Говорилось, что для лошадей пенсия составит пять фунтов зерна в день, а зимой - пятнадцать фунтов сена плюс еще и морковка или, возможно, в праздничные дни - яблоки.

Боксеру должно было исполниться двенадцать лет в будущем году, в конце лета.

Meanwhile life was hard.

The winter was as cold as the last one had been, and food was even shorter.

Once again all rations were reduced except those of the pigs and the dogs.

A too-rigid equality in rations, Squealer explained, would have been contrary to the principles of Animalism.

In any case he had no difficulty in proving to the other animals that they were not in reality short of food, whatever the appearances might be.

For the time being, certainly, it had been found necessary to make a readjustment of rations (Squealer always spoke of it as a 'readjustment', never as a 'reduction'), but in comparison with the days of Jones the improvement was enormous.

Reading out the figures in a shrill rapid voice, he proved to them in detail that they had more oats, more hay, more turnips than they had had in Jones's day, that they worked shorter hours, that their drinking water was of better quality, that they lived longer, that a larger proportion of their young ones survived infancy, and that they had more straw in their stalls and suffered less from fleas.

The animals believed every word of it. Truth to tell, Jones and all he stood for had almost faded out of their memories.

Между тем, жить было трудно.

Зима оказалась такой же жестокой, как и в прошлом году, а пищи было все меньше.

Нормы выдачи снова были сокращены для всех, кроме собак и свиней.

Уравниловка, объяснил Визгун, противоречит принципам анимализма.

Во всяком случае, ему не доставило трудов объяснить всем, что на самом деле пищи хватает, что бы ни казалось животным.

Со временем, конечно, должна была возникнуть необходимость в корректировке порций (Визгун всегда говорил о "корректировке", а не о "сокращении"), но по сравнению со временем Джонса снабжаются они в избытке.

Зачитывая сводки своим высоким захлебывающимся голосом, Визгун подробно доказывал, что теперь у них больше зерна, больше соломы, больше свеклы, чем во времена Джонса, что они меньше работают, что улучшилось качество питьевой воды, что они живут дольше, что резко упала детская смертность и что теперь в стойлах у них больше соломы и они не так страдают от оводов.

Животные верили каждому слову. Откровенно говоря, и Джонс и все, что было с ним связано, уже изгладилось из их памяти.

They knew that life nowadays was harsh and bare, that they were often hungry and often cold, and that they were usually working when they were not asleep.

But doubtless it had been worse in the old days.

They were glad to believe so.

Besides, in those days they had been slaves and now they were free, and that made all the difference, as Squealer did not fail to point out.

There were many more mouths to feed now.

In the autumn the four sows had all littered about simultaneously, producing thirty-one young pigs between them.

The young pigs were piebald, and as Napoleon was the only boar on the farm it was possible to guess at their parentage.

It was announced that later, when bricks and timber had been purchased, a schoolroom would be built in the farmhouse garden.

For the time being the young pigs were given their instruction by Napoleon himself in the farmhouse kitchen.

They took their exercise in the garden, and were discouraged from playing with the other young animals.

About this time, too, it was laid down as a rule that when a pig and

Они знали, что ведут трудную жизнь, что часто страдают от голода и холода и что все время, свободное от сна, они проводят на работе.

Но, без сомнения, раньше было еще хуже.

Они безоговорочно верили в это.

Кроме того, в старые времена они были рабами, а сейчас они свободны, и в этом суть дела, на что не забывал указывать Визгун.

Прибавилось много ртов, которые надо было кормить.

Осенью почти одновременно опоросились четыре свиноматки, принеся тридцать одного поросенка.

Молодое поколение сплошь было пегое, и поскольку на ферме был только один боров, Наполеон, имелись все основания предполагать его отцовство.

Было объявлено, что позже, когда появятся кирпич и строевой лес, в саду начнется строительство школы.

А пока поросята получали задания на кухне непосредственно от Наполеона.

Они занимались в саду, избегая игр с остальной молодежью.

Со временем стало правилом, что, когда на дорожке встречались свиньи и кто-то

any other animal met on the path, the other animal must stand aside: and also that all pigs, of whatever degree, were to have the privilege of wearing green ribbons on their tails on Sundays.

The farm had had a fairly successful year, but was still short of money.

There were the bricks, sand and lime for the schoolroom to be purchased, and it would also be necessary to begin saving up again for the machinery for the windmill.

Then there were lamp oil and candles for the house, sugar for Napoleon's own table (he forbade this to the other pigs, on the ground that it made them fat), and all the usual replacements such as tools, nails, string, coal, wire, scrap-iron and dog biscuits.

A stump of hay and part of the potato crop were sold off, and the contract for eggs was increased to six hundred a week, so that that year the hens barely hatched enough chicks to keep their numbers at the same level.

Radons, reduced in December, were reduced again in February, and lanterns in the stalls were forbidden to save oil.

But the pigs seemed comfortable enough, and in fact were putting on weight if anything.

One afternoon in late February a

еще, другое животное должно было уступать свинье дорогу; и кроме того, все свиньи, независимо от возраста, получили привилегию по воскресеньям украшать хвостики зелеными ленточками.

Год выдался очень удачный, но денег на ферме по-прежнему не хватало.

Были закуплены кирпичи, гравий и известь для строительства школы, но надо было снова экономить на оборудование для мельницы.

Затем надо было приобретать керосин и свечи для освещения дома, сахар для личного стола Наполеона (он не давал его остальным свиньям под предлогом, что они потолстеют) и все остальное, как, например, инструменты, гвозди, бечевки, уголь, провода, кровельное железо и собачьи бисквиты.

Были проданы на сторону несколько стогов сена и часть урожая картофеля, а контракт на поставку яиц возрос до шестисот в неделю, так что куры напрасно надеялись, что вокруг них будут копошиться цыплята.

После декабрьского сокращения рациона последовало новое сокращение в феврале, а для экономии керосина было ликвидировано освещение.

Но, похоже, свиньи не страдали от этих лишений и, несмотря ни на что, прибавляли в весе.

warm, rich, appetising scent, such as the animals had never smelt before, wafted itself across the yard from the little brew-house, which had been disused in Jones's time, and which stood beyond the kitchen.

Someone said it was the smell of cooking barley.

The animals sniffed the air hungrily and wondered whether a warm mash was being prepared for their supper.

But no warm mash appeared, and on the following Sunday it was announced that from now onwards all barley would be reserved for the pigs.

The field beyond the orchard had already been sown with barley.

And the news soon leaked out that every pig was now receiving a ration of a pint of beer daily, with half a gallon for Napoleon himself, which was always served to him in the Crown Derby soup tureen.

But if there were hardships to be borne, they were partly offset by the fact that life nowadays had a greater dignity than it had had before.

There were more songs, more speeches, more processions.

Napoleon had commanded that once a week there should be held something called a Spontaneous Demonstration,

Как-то в февральский полдень из маленького домика за кухней, где стоял забытый Джонсом перегонный аппарат, по двору разнесся незнакомый теплый и сытный запах.

Кто-то сказал, что это запах жареного ячменя.

Животные жадно вдыхали его, предполагая, что, может быть, ячмень жарят для их похлебки.

Но горячей похлебки никто так и не увидел, а в следующее воскресенье было объявлено, что впредь ячмень предназначается только и исключительно для свиней.

Ячменем уже было засеяно поле за садом.

А затем разнеслась новость, что теперь каждая свинья будет ежедневно получать пинту пива, а лично Наполеон - полгаллона, каковая порция, как обычно, будет подаваться ему в супнице из сервиза "Кроун Дерби".

Но эти отдельные трудности в значительной мере компенсировались сознанием того, что теперь они ни перед кем не склоняют шеи, как это было раньше.

Они имели право петь, говорить, выходить на демонстрации.

Наполеон распорядился, чтобы раз в неделю устраивались так называемые

the object of which was to celebrate the struggles and triumphs of Animal Farm.

At the appointed time the animals would leave their work and march round the precincts of the farm in military formation, with the pigs leading, then the horses, then the cows, then the sheep, and then the poultry.

The dogs flanked the procession and at the head of all marched Napoleon's black cockerel.

Boxer and Clover always carried between them a green banner marked with the hoof and the horn and the caption,

' Long live Comrade Napoleon!'

Afterwards there were recitations of poems composed in Napoleon's honour, and a speech by Squealer giving particulars of the latest increases in the production of foodstuffs, and on occasion a shot was fired from the gun.

The sheep were the greatest devotees of the Spontaneous Demonstrations, and if anyone complained (as a few animals sometimes did, when no pigs or dogs were near) that they wasted time and meant a lot of standing about in the cold, the sheep were sure to silence him with a tremendous bleating of

' Four legs good, two legs bad!'

But by and large the animals enjoyed

стихийные демонстрации с целью восславить достижения и победы скотского хутора.

В назначенное время животные должны были оставлять работу и, собравшись во дворе, маршировать повзводно - сначала свиньи, затем лошади, а дальше коровы, овцы и домашняя птица.

Собаки сопровождали демонстрацию с флангов, а впереди маршировал черный петух Наполеона.

Боксер и Кловер, как обычно, несли зеленое знамя, украшенное рогом и копытом и увенчанное призывом

"Да здравствует товарищ Наполеон!"

Затем читались поэмы, сочиненные в честь Наполеона, Визгун произносил речь, как обычно, упоминая о былых лишениях. Гремел салют из револьвера.

С наибольшей охотой спешили на стихийные демонстрации овцы, и если кто-нибудь жаловался (порой кое-кто из животных позволял себе такие вольности, если поблизости не было свиней и собак), что они только теряют время и мерзнут на холоде, овцы сразу же заглушали его громогласным блеянием

"Четыре ноги - хорошо, две ноги - плохо!".

Но большинству животных нравились

these celebrations.

They found it comforting to be reminded that, after all, they were truly their own masters and that the work they did was for their own benefit.

So that what with the songs, the processions, Squealer's lists of figures, the thunder of the gun, the crowing of the cockerel and the fluttering of the flag, they were able to forget that their bellies were empty, at least part of the time.

In April Animal Farm was proclaimed a Republic, and it became necessary to elect a President.

There was only one candidate. Napoleon, who was elected unanimously.

On the same day it was given out that fresh documents had been discovered which revealed further details about Snowball's complicity with Jones.

It now appeared that Snowball had not, as the animals had previously imagined, merely attempted to lose the Battle of the Cowshed by means of a stratagem, but had been openly fighting on Jones's side.

In fact it was he who had actually been the leader of the human forces, and had charged into battle with the words

'Long live Humanity!' on his lips. The wounds on Snowball's back,

эти празднества.

Они считали, что такие шествия напоминают им, что, как бы там ни было, над ними нет господ и что они трудятся для собственного блага.

И поэтому, когда звучали песни, шла демонстрация, Визгун зачитывал список достижений, грохотал салют, развевались флаги и кричал петух, они забывали о пустых желудках.

В апреле скотский хутор объявил себя республикой, и посему возникла необходимость в избрании президента.

На этот пост претендовал только один кандидат, Наполеон, который был избран единогласно.

В эти же дни стало известно, что обнаружены новые документы, раскрывающие детали связей Сноуболла с Джонсом.

Выяснилось, что Сноуболл не только, как ранее думали, готовил поражение в битве у коровника, маскируя это, якобы, стратегией, но открыто сражался на стороне Джона.

На самом деле это именно он вел в бой силы людей, участвуя в сражении с кличем

"Да здравствует человечество!"

А рану на спине Сноуболла, которую

which a few of the animals still remembered to have seen, had been inflicted by Napoleon's teeth.

In the middle of the summer Moses the raven suddenly reappeared on the farm, after an absence of several years.

He was quite unchanged, still did no work, and talked in the same strain as ever about Sugarcandy Mountain.

He would perch on a stump, flap his black wings, and talk by the hour to anyone who would listen.

'Up there, comrades,' he would say solemnly, pointing to the sky with his large beak - 'up there, just on the other side of that dark cloud that you can see-there it lies, Sugarcandy Mountain, that happy country where we poor animals shall rest for ever from our labours!'

He even claimed to have been there on one of his higher flights, and to have seen the everlasting fields of clover and the linseed cake and lump sugar growing on the hedges.

Many of the animals believed him.

Their lives now, they reasoned, were hungry and laborious; was it not right and just that a better world should exist somewhere else?

A thing that was difficult to determine was the attitude of the pigs towards Moses.

кое-кто еще смутно помнил, нанесли зубы Наполеона.

В середине лета на ферме после нескольких лет отсутствия неожиданно появился Мозус, ручной ворон.

Он совершенно не изменился, по-прежнему отлынивал от работы и рассказывал те же сказки о леденцовой горе.

Взгромоздившись на шест, он хлопал черными крыльями и часами рассказывал истории каждому, кто был согласен его слушать.

"Там, наверху, товарищи, - торжественно говорил он, указывая в небо своим огромным клювом, -там наверху, по ту сторону темных туч, что нависли над вами, - там высится Леденцовая гора, тот счастливый край, где все мы, бедные животные, будем вечно отдыхать от трудов наших!"

Он утверждал даже, что, поднявшись в небо, побывал там лично и видел бесконечные поля клевера и заросли кустов, на которых росли пряники и колотый сахар.

Многие верили ему.

Жизнь наша, считали они, проходит в изнурительном труде и постоянном голоде; так, наверно, где-то существует более справедливый и лучший мир.

Единственное, что с трудом поддавалось объяснению, было отношение свиней к Мозусу.

They all declared contemptuously that his stories about Sugarcandy Mountain were lies, and yet they allowed him to remain on the farm, not working, with an allowance of a gill of beer a day.

After his hoof had healed up Boxer worked harder than ever.

Indeed all the animals worked like slaves that year.

Apart from the regular work of the farm, and the rebuilding of the windmill, there was the schoolhouse for the young pigs, which was started in March.

Sometimes the long hours on insufficient food were hard to bear, but Boxer never faltered.

In nothing that he said or did was there any sign that his strength was not what it had been.

It was only his appearance that was a little altered; his hide was less shiny than it had used to be, and his great haunches seemed to have shrunk.

The others said, 'Boxer will pick up when the spring grass comes on'; but the spring grass came and Boxer grew no fatter.

Sometimes on the slope leading to the top of the quarry, when he braced his muscles against the weight of some vast boulder, it seemed that nothing kept him on his feet except the will to continue.

Все они безоговорочно утверждали, что рассказы о леденцовой горе - ложь и обман, но тем не менее, разрешали Мозусу пребывать на ферме и даже с правом выпивать в день четверть пинты пива.

После того, как копыто зажило, Боксер еще с большим пылом взялся за работу.

Правда, в тот год все работали как рабы, из последних сил.

Кроме обычной работы на ферме и восстановления мельницы, в марте началось строительство школы.

Порой изнурительная работа и скудный рацион становились непереносимыми, но Боксер никогда не падал духом.

Ни его слова, ни действия не позволяли считать, что силы его на исходе.

Несколько изменился лишь его внешний вид: шерсть не сияла так, как раньше, а огромные мускулы стали чуть дряблыми.

Кое-кто говорил, что, как только появится первая травка, Боксер воспрянет, но весна пришла, а Боксер оставался в прежнем состоянии.

Порой, когда на склоне, ведущем к каменоломне, он напрягал все мускулы, пытаясь противостоять весу огромного камня, казалось, что его держит на ногах только огромная сила воли.

At such times his lips were seen to form the words

'I will work harder'; he had no voice left.

Once again Clover and Benjamin warned him to take care of his health, but Boxer paid no attention.

His twelfth birthday was approaching. Настало и его двенадцатилетие.

He did not care what happened so long as a good store of stone was accumulated before he went on pension.

Late one evening, in the summer, a sudden rumour ran round the farm that something had happened to Boxer.

He had gone out alone to drag a load of stone down to the windmill.

And sure enough, the rumour was true.

A few minutes later two pigeons came racing in with the news:

'Boxer has fallen!

He is lying on his side and can't get up!"

About half the animals on the farm rushed out to the knoll where the windmill stood.

There lay Boxer, between the shafts of the cart, his neck stretched out, unable even to raise his head.

His eyes were glazed, his sides matted with sweat.

И в эти минуты губы его складывались, чтобы произнести слова:

"Я буду работать еще больше", но у него уже не было сил произнести их.

Не раз Бенджамин и Кlover предупреждали его, что он должен подумать о своем здоровье, но Боксер не обращал внимания на эти слова.

Настало и его двенадцатилетие.

Но он решил не уходить на отдых, пока не соберет достаточно материала для восстановления мельницы.

Но как-то летним вечером по ферме разнесся слух, что с Боксером что-то случилось.

Вроде бы он свалился, когда в одиночестве тащил камень к мельнице.

К сожалению, слух оказался справедлив.

Через несколько минут прилетели два голубя с новостью:

"Боксер упал!

Он лежит на боку и не может подняться!"

Чуть ли не половина животных бросилась к холмику, на котором стояла мельница.

Здесь, вытянув шею и не в силах даже поднять головы, между оглобелей лежал Боксер.

Глаза его остекленели, бока лоснились от пота.

A thin stream of blood had trickled out of his mouth.	Изо рта текла тонкая струйка крови.
Clover dropped to her knees at his side.	Кlover стала рядом с ним на колени.
'Boxer!' she cried, 'how are you?'	- Боксер! - закричала она. - Что с тобой?
'It is my lung,' said Boxer in a weak voice.	- Легкие, - сказал Боксер слабым голосом.
'It does not matter.	- Но это пустяки.
I think you will be able to finish the windmill without me.	Думаю, вы сможете закончить мельницу и без меня.
There is a pretty good store of stone accumulated.	Я натащил здоровую кучу камней.
I had only another month to go in any case.	Мне не хватило одного месяца.
To tell you the truth I had been looking forward to my retirement.	Говоря по правде, я уже ждал отдыха.
And perhaps, as Benjamin is growing old too, they will let him retire at the same time and be a companion to me.'	И, возможно, поскольку Бенджамин уже в годах, ему позволят уйти на отдых вместе со мной.
'We must get help at once,' said Clover.	- Нам нужна помощь, - сказала Clover.
'Run, somebody, and tell Squealer what has happened.'	- Бегите кто-нибудь к Визгуну и скажите ему, что случилось.
All the other animals immediately raced back to the farmhouse to give Squealer the news.	Все опрометью бросились на ферму сообщить новость Визгуну.
Only Clover remained, and Benjamin, who lay down at Boxer's side, and, without speaking, kept the flies off him with his long tail.	Остались только Clover и Бенджамин, который молча лег рядом с Боксером, чтобы отгонять оводов своим длинным хвостом.
After about a quarter of an hour Squealer appeared, full of sympathy and concern.	Через пятнадцать минут появился полный сочувствия Визгун и принес свои соболезнования.
He said that Comrade Napoleon had learned with the very deepest distress of this misfortune to one of the most	Он сказал, что товарищ Наполеон с глубоким сожалением принял известие о несчастье, постигшем

loyal workers on the farm, and was already making arrangements to send Boxer to be treated in the hospital at Willingdon.

The animals felt a little uneasy at this.

Except for Mollie and Snowball no other animal had ever left the farm, and they did not like to think of their sick comrade in the hands of human beings.

However, Squealer easily convinced them that the veterinary surgeon in Willingdon could treat Boxer's case more satisfactorily than could be done on the farm.

And about half an hour later, when Boxer had somewhat recovered, he was with difficulty got onto his feet, and managed to limp back to his stall, where Clover and Benjamin had prepared a good bed of straw for him.

For the next two days Boxer remained in his stall.

The pigs had sent out a large bottle of pink medicine which they had found in the medicine chest in the bathroom, and Clover administered it to Boxer twice a day after meals.

In the evenings she lay in his stall and talked to him, while Benjamin kept the flies off him.

Boxer professed not to be sorry for what had happened.

If he made a good recovery he might expect to live another three years, and he looked forward to the peaceful days that he would spend in the corner of the big

одного из лучших тружеников фермы и уже отдал распоряжение поместить Боксера в лучшую лечебницу Уиллингдона.

Это несколько смутило животных.

Кроме Молли и Сноуболла никто из них не покидал фермы, и они не хотели думать, что их больной товарищ окажется в руках людей.

Но Визгун легко объяснил им, что ветеринар в Уиллингдоне поставит Боксера на ноги быстрее и успешнее, чем это удастся сделать на ферме.

Примерно через полчаса, когда Боксер чуть оправился, он с трудом встал на ноги и дополз до своего стойла, в котором Кlover и Бенджамин уже приготовили для него свежую подстилку.

Последующие два дня Боксер оставался на месте.

Свиньи прислали большую бутылку с лекарством розового цвета, которую они нашли в ванной комнате, и Кlover давала его Боксеру дважды в день после еды.

Вечерами, лежа в своем стойле, она беседовала с Боксером, пока Бенджамин отгонял оводов.

Боксер старался убедить ее, что не надо принимать близко к сердцу все случившееся.

Он как следует отдохнет, и впереди его ждут еще три года, которые он проведет в покое и довольстве на

pasture.

It would be the first time that he had had leisure to study and improve his mind.

He intended, he said, to devote the rest of his life to learning the remaining twenty-two letters of the alphabet.

However, Benjamin and Clover could only be with Boxer after working hours, and it was in the middle of the day when the van came to take him away.

The animals were all at work weeding turnips under the supervision of a pig, when they were astonished to see Benjamin come galloping from the direction of the farm buildings, braying at the top of his voice.

It was the first time that they had ever seen Benjamin excited - indeed, it was the first time that anyone had ever seen him gallop.

'Quick, quick!' he shouted.

'Come at once!

They're taking Boxer away!'

Without waiting for orders from the pig, the animals broke off work and raced back to the farm buildings.

Sure enough, there in the yard was a large closed van, drawn by two horses, with lettering on its side and a sly-looking man in a low-crowned bowler hat sitting on the driver's seat.

And Boxer's stall was empty.

краю большого пастбища.

В первый раз у него с избытком будет времени для учебы и развития своих способностей.

Он решил, сказал Боксер, провести остаток жизни, изучая остальные двадцать две буквы алфавита.

Но все же Бенджамин и Кlover проводили с Боксером время лишь после работы, и когда в середине дня за ним прибыл фургон, все были на полях, под присмотром свиней пропалывая свеклу.

Животные были очень удивлены, увидев, как со стороны фермы галопом мчится Бенджамин, крича не своим голосом.

В первый раз они увидели Бенджамина взволнованным, не говоря уже о том, что его никто не видел в такой спешке.

"Скорее, скорее! - кричал он.

- Все сюда!

Они забирают Боксера!"

Не ожидая распоряжений от свиней, все бросили работу и помчались к ферме.

Действительно, во дворе стоял крытый фургон, запряженный двумя лошадьми. На стенке фургона было что-то написано, а на облучке сидел жуликоватый человечек в низко нахлобученной шляпе.

Стойло Боксера было пусто.

The animals crowded round the van.	Животные обступили фургон.
'Good-bye, Boxer!' they chorused, 'good-bye!'	"До свидания, Боксер! - хором кричали они. - До свиданья!"
' Fools!	- Дураки!
Fools!' shouted Benjamin, prancing round them and stamping the earth with his small hoofs.	Дураки! - заорал Бенджамин, расталкивая их и в отчаянии роя землю своими копытцами.
' Fools!	- Идиоты!
Do you not see what is written on the side of that van?'	Разве вы не видите, что написано на фургоне?
That gave the animals pause, and there was a hush.	Животные прислушались, а затем наступило молчание.
Muriel began to spell out the words.	Мюриель начала складывать буквы в слова.
But Benjamin pushed her aside and in the midst of a deadly silence he read:	Но Бенджамин оттолкнул ее и среди мертвого молчания прочел:
"Alfred Simmonds, Horse Slaughterer and Glue Boiler, Willingdon.	"Альфред Симмонс. Скотобойня и мыловарня.
Dealer in Hides and Bone-Meal. Kennels Supplied."	Торговля шкурами, костями и мясом. Корм для собак".
Do you not understand what that means?	Не понимаете, что это значит?
They are taking Boxer to the knacker's!'	Они продали Боксера на живодерню!
A cry of horror burst from all the animals.	Крик ужаса вырвался у всех животных.
At this moment the man on the box whipped up his horses and the van moved out of the yard at a smart trot.	В эту минуту мужчина на облучке хлестнул лошадей, и фургон медленно двинулся по двору.
All the animals followed, crying out at the tops of their voices. Clover forced her way to the front. The van began to gather speed.	Рыдая, животные сопровождали его.

Clover tried to stir her stout limbs to a gallop, and achieved a canter. Кlover приложила все силы и настигла его.

'Boxer!' she cried. "Боксер! - закричала она.

'Boxer!' - Боксер!

Boxer! Боксер!

Boxer!" Боксер!"

And just at this moment, as though he had heard the uproar outside. Boxer's face, with the white stripe down his nose, appeared at the small window at the back of the van. И в эту минуту, словно слыша что-то в окружающем шуме, из заднего окошечка фургона показалась физиономия Боксера с белой полосой поперек морды.

'Boxer!' cried Clover in a terrible voice. - Боксер! - закричала Кlover страшным голосом.

'Boxer!' - Боксер!

Get out! Прыгай!

Get out quickly! Скорее!

They are taking you to your death! Они везут тебя на смерть!

All the animals took up the cry of Все животные подняли крик:

'Get out. Boxer, get out!' "Прыгай, Боксер, прыгай!"

But the van was already gathering speed and drawing away from them. Но фургон уже набрал скорость и оторвался от них.

It was uncertain whether Boxer had understood what Clover had said. Осталось неясным, понял ли Боксер, что ему хотела сказать Кlover.

But a moment later his face disappeared from the window and there was the sound of a tremendous drumming of hoofs inside the van. Но он исчез из заднего окошечка, и внутри фургона раздался грохот копыт.

He was trying to kick his way out. Боксер пытался вырваться на свободу.

The time had been when a few kicks from Boxer's hoofs would have smashed the van to matchwood. Были мгновения, когда казалось - еще несколько ударов, и под копытами Боксера фургон разлетится в щепки.

But alas! his strength had left him; and in a few moments the sound of Но увы! - силы уже покинули его, и звук копыт с каждым мгновением

drumming hoofs grew fainter and died away.

In desperation the animals began appealing to the two horses which drew the van to stop.

'Comrades, comrades!' they shouted.

'Don't take your own brother to his death!'

But the stupid brutes, too ignorant to realise what was happening, merely set back their ears and quickened their pace.

Boxer's face did not reappear at the window.

Too late, someone thought of racing ahead and shutting the five-barred gate; but in another moment the van was through it and rapidly disappearing down the road.

Boxer was never seen again.

Three days later it was announced that he had died in the hospital at Willingdon, in spite of receiving every attention a horse could have.

Squealer came to announce the news to the others.

He had, he said, been present during Boxer's last hours.

'It was the most affecting sight I have ever seen!' said Squealer, lifting his trotter and wiping away a tear.

'I was at his bedside at the very last.

And at the end, almost too weak to

становился все слабее, пока окончательно не смолк.

В отчаянии животные попытались обратиться к двум лошадям, тащившим фургон.

"Товарищи! Товарищи! - кричали они.

- Вы же везете на смерть своего брата!"

Но тупые создания, слишком равнодушные, чтобы понять происходящее, лишь прижали уши и ускорили шаг.

Боксер больше не появлялся в окошечке.

Слишком поздно спохватились животные, что можно было помчаться вперед и запереть ворота. Фургон уже миновал их и быстро исчез за поворотом дороги.

Никто больше не видел Боксера.

Через три дня было объявлено, что он умер в госпитале Уиллингдона, несмотря на все усилия, которые прилагались для спасения его жизни.

Визгун явился рассказать всем об этом.

Он был, по его словам, рядом с Боксером в его последние часы.

- Это было самое волнующее зрелище, которое я когда-либо видел, - сказал Визгун, вздымая хвостик и вытирая слезы.

- Я был у его ложа до последней минуты.

И в конце, когда у него уже не было

speak, he whispered in my ear that his sole sorrow was to have passed on before the windmill was finished.

"Forward, comrades!" he whispered. "Forward in the name of the Rebellion.

Long live Animal Farm!

Long live Comrade Napoleon!

Napoleon is always right."

Those were his very last words, comrades.'

Here Squealer's demeanour suddenly changed.

He fell silent for a moment, and his little eyes darted suspicious glances from side to side before he proceeded.

It had come to his knowledge, he said, that a foolish and wicked rumour had been circulated at the time of Boxer's removal.

Some of the animals had noticed that the van which took Boxer away was marked

'Horse Slaughterer', and had actually jumped to the conclusion that Boxer was being sent to the knacker's.

It was almost unbelievable, said Squealer, that any animal could be so stupid.

Surely, he cried indignantly, whisking his tail and skipping from side to side, surely they knew their beloved Leader, Comrade Napoleon, better than that?

сил говорить, он прошептал мне на ухо, что единственное, о чем он печалится, уходя от нас, - это неоконченная мельница.

"Вперед, товарищи! - прошептал он. - Вперед во имя восстания.

Да здравствует скотский хутор!

Да здравствует товарищ Наполеон!

Наполеон всегда прав".

Таковы были его последние слова, товарищи.

После этого сообщения настроение Визгуна резко изменилось.

Он замолчал и подозрительно огляделся, прежде чем снова начать речь.

До него дошли, сказал он, те глупые и злобные слухи, которые распространялись во время отъезда Боксера.

Кое-кто обратил внимание, что на фургоне, отвозившем Боксера, было написано

"Скотобойня" и с неоправданной поспешностью сделал вывод, что Боксера отправляют к живодеру.

Просто невероятно, сказал Визгун, что среди нас могут быть такие легковверные паникеры.

Неужели, - вскричал он, вертя хвостиком и суется из стороны в сторону, - неужели они разбираются в делах лучше их обожаемого вождя, товарища Наполеона?

But the explanation was really very simple.

The van had previously been the property of the knacker, and had been bought by the veterinary surgeon, who had not yet painted the old name out.

That was how the mistake had arisen. The animals were enormously relieved to hear this.

And when Squealer went on to give further graphic details of Boxer's death-bed, the admirable care he had received and the expensive medicines for which Napoleon had paid without a thought as to the cost, their last doubts disappeared and the sorrow that they felt for their comrade's death was tempered by the thought that at least he had died happy.

Napoleon himself appeared at the meeting on the following Sunday morning and pronounced a short oration in Boxer's honour.

It had not been possible, he said, to bring back their lamented comrade's remains for interment on the farm, but he had ordered a large wreath to be made from the laurels in the farmhouse garden and sent down to be placed on Boxer's grave.

And in a few days' time the pigs intended to hold a memorial banquet in Boxer's honour.

Napoleon ended his speech with a reminder of Boxer's two favourite

А на самом деле объяснение значительно проще.

В свое время фургон действительно принадлежал скотобойне, а потом его купила ветеринарная больница, которая еще не успела закрасить старую надпись.

Вот откуда и возникло недоразумение. Слушая это, животные испытали огромное облегчение.

А когда Визгун приступил к подробному описанию того, как на своем ложе отходил Боксер, об огромной заботе, которой он был окружен, о дорогих лекарствах, за которые Наполеон, не задумываясь, выкладывал деньги, у них исчезли последние сомнения, и печаль из-за того, что они расстались со своим товарищем, уступила место мыслям, что он умер счастливым.

Наполеон сам лично явился на встречу в следующее воскресенье и произнес краткую речь в честь Боксера.

К сожалению, сказал он, невозможно захоронить на ферме останки нашего товарища, но он уже приказал сплести большой лавровый венок и возложить его на могилу Боксера.

Через несколько дней свиньи предполагают устроить банкет в честь Боксера.

Наполеон закончил свое выступление

maxims,

'I will work harder' and

'Comrade Napoleon is always right' - maxims, he said, which every animal would do well to adopt as his own.

On the day appointed for the banquet a grocer's van drove up from Willingdon and delivered a large wooden crate at the farmhouse.

That night there was the sound of uproarious singing, which was followed by what sounded like a violent quarrel and ended at about eleven o'clock with a tremendous crash of glass.

No one stirred in the farmhouse before noon on the following day. And the word went round that from somewhere or other the pigs had acquired the money to buy themselves another case of whisky.

X

Years passed.

The seasons came and went, the short animal lives fled by.

A time came when there was no one who remembered the old days before the Rebellion, except Clover, Benjamin, Moses the raven, and a number of the pigs.

Muriel was dead. Bluebell, Jessie and Pincher were dead.

Jones too was dead-he had died in an inebriates' home in another part of

напоминанием о двух фразах Боксера:

"Я буду работать еще больше" и

"Товарищ Наполеон всегда прав". Эти слова, сказал он, каждый должен воспринять до глубины души, как свои собственные.

В день, назначенный для банкета, из Уиллингдона приехал фургон лавочника и доставил на ферму большой деревянный ящик.

Ночью с фермы раздавались звуки нестройного пения, которые перешли в нечто, напоминающее жестокую драку и около одиннадцати завершились звоном разбитого стекла.

До полудня следующего дня никто не показывался во дворе фермы, и ходили упорные слухи, что свиньи откуда-то раздобыли деньги, на которые было куплено виски.

Глава X

Шли годы.

Приходили и уходили весны и осени. Уходили те, кому пришел срок их короткой жизни на земле.

Настало время, когда не осталось почти никого, кто помнил бы былые дни восстания, кроме Кlover, Бенджамина, ворона Мозуса и некоторых свиней.

Скончалась Мюриель; не было уже Блюбелл, Джесси и Пинчера.

Умер и Джонс - он скончался где-то

the county.

Snowball was forgotten.

Boxer was forgotten, except by the few who had known him.

Clover was an old stout mare now, stiff in the joints and with a tendency to rheumy eyes.

She was two years past the retiring age, but in fact no animal had ever actually retired.

The talk of setting aside a corner of the pasture for superannuated animals had long since been dropped.

Napoleon was now a mature boar of twenty-four stone.

Squealer was so fat that he could with difficulty see out of his eyes.

Only old Benjamin was much the same as ever, except for being a little greyer about the muzzle, and, since Boxer's death, more morose and taciturn than ever.

There were many more creatures on the farm now, though the increase was not so great as had been expected in earlier years.

Many animals had been born to whom the Rebellion was only a dim tradition, passed on by word of mouth, and others had been bought who had never heard mention of such a thing before their arrival.

The farm possessed three horses now besides Clover.

They were fine upstanding beasts,

далеко, в лечебнице для алкоголиков.

Был забыт Сноуболл.

Был забыт и Боксер - всеми, кроме некоторых, кто еще знал его.

Кlover превратилась в старую кобылу с негнущимися ногами и гноящимися глазами.

Она достигла пенсионного возраста два года назад, но никто из животных так пока и не вышел на пенсию.

Разговоры, что угол пастбища будет отведен для тех, кто имеет право на заслуженный отдых, давно уже кончились.

Наполеон стал матерым боровом весом в полтора центнера.

Визгун так растолстел, что с трудом мог открывать глаза.

Не изменился только старый Бенджамин; у него только поседела морда, и после смерти Боксера он еще больше помрачнел и замкнулся.

На ферме теперь жило много животных, хотя прирост оказался не так велик, как ожидалось в свое время.

Для многих появившихся на свет восстание было далекой легендой, рассказы о котором передавались из уст в уста, а те, кто был куплен, никогда не слышали о том, что было до их появления на ферме.

Кроме Clover, на ферме теперь жили еще три лошади.

Это были честные создания,

willing workers and good comrades, but very stupid.

None of them proved able to learn the alphabet beyond the letter B.

They accepted everything that they were told about the Rebellion and the principles of Animalism, especially from Clover, for whom they had an almost filial respect; but it was doubtful whether they understood very much of it.

The farm was more prosperous now, and better organised; it had even been enlarged by two fields which had been bought from Mr Pilkington.

The windmill had been successfully completed at last, and the farm possessed a threshing machine and a hay elevator of its own, and various new buildings had been added to it.

Whymper had bought himself a dogcart.

The windmill, however, had not after all been used for generating electrical power.

It was used for milling corn, and brought in a handsome money profit.

The animals were hard at work building yet another windmill: when that one was finished, so it was said, the dynamos would be installed.

But the luxuries of which Snowball had once taught the animals to dream, the stalls with electric light and hot and

добросовестные работники и хорошие товарищи, но отличались они крайней глупостью.

Никто из них не освоил алфавит дальше буквы "В".

Они соглашались со всем, что им рассказывали о восстании и принципах анимализма, особенно, если это была Кловер, к которой они относились с сыновьим почтением; но весьма сомнительно, понимали ли они что-нибудь.

Ферма процветала, на ней царил строгий порядок, она даже расширилась за счет двух участков, приобретенных у мистера Пилкингтона.

Наконец мельница была успешно завершена, и теперь ферме принадлежали веялка и элеватор, не говоря уж о нескольких новых зданиях.

Уимпер купил себе двуколку.

Правда, электричества на ферме так и не появилось.

На мельнице мололи муку, что давало ферме неплохие доходы.

Животным пришлось немало потрудиться не только на строительстве мельницы; было сказано, что придется еще ставить динамомашину.

Но о том изобилии, о котором когда-то мечтал Сноуболл - электрический свет в стойлах, горячая и холодная

cold water, and the three-day week, were no longer talked about.

Napoleon had denounced such ideas as contrary to the spirit of Animalism.

The truest happiness, he said, lay in working hard and living frugally.

Somehow it seemed as though the farm had grown richer without making the animals themselves any richer -except, of course, for the pigs and the dogs.

Perhaps this was partly because there were so many pigs and so many dogs.

It was not that these creatures did not work, after their fashion.

There was, as Squealer was never tired of explaining, endless work in the supervision and organisation of the farm.

Much of this work was of a kind that the other animals were too ignorant to understand.

For example. Squealer told them that the pigs had to expend enormous labours every day upon mysterious things called 'files', 'reports', 'minutes' and 'memoranda'.

These were large sheets of paper which had to be closely covered with writing, and as soon as they were so covered they were burnt in the furnace.

This was of the highest importance for the welfare of the farm, Squealer said.

вода, трехдневная рабочая неделя, - больше не говорилось.

Наполеон отказался от этих идей, как противоречащих духу анимализма.

Истина, сказал он, заключается в непрестанном труде и умеренной жизни.

Порой начинало казаться, что хотя ферма богатеет, изобилие это не имеет никакого отношения к животным - кроме, конечно, свиней и собак.

Возможно, такое впечатление частично складывалось из-за того, что на ферме было много свиней и много собак.

Конечно, они не отлынивали от работы.

Они были загружены, как не уставал объяснять Визгун, бесконечными обязанностями по контролю и организации работ на ферме.

Многое из того, что они делали, было просто недоступно пониманию животных.

Например, Визгун объяснял, что свиньи каждодневно корпят над такими таинственными вещами, как "сводки", "отчеты", "протоколы" и "памятные записки".

Они представляли собой большие, густо исписанные листы бумаги, и, по мере того как они заполнялись, листы сжигались в печи.

От этой работы зависит процветание фермы, объяснил Визгун.

But still, neither pigs nor dogs produced any food by their own labour; and there were very many of them, and their appetites were always good.

As for the others, their life, so far as they knew, was as it had always been.

They were generally hungry, they slept on straw, they drank from the pool, they laboured in the fields; in winter they were troubled by the cold, and in summer by the flies.

Sometimes the older ones among them racked their dim memories and tried to determine whether in the early days of the Rebellion, when Jones's expulsion was still recent, things had been better or worse than now.

They could not remember.

There was nothing with which they could compare their present lives: they had nothing to go upon except Squealer's lists of figures, which invariably demonstrated that everything was getting better and better.

The animals found the problem insoluble; in any case they had little time for speculating on such things now.

Only old Benjamin professed to remember every detail of his long life and to know that things never had been, nor ever could be, much

Но все же ни свиньи, ни собаки не создавали своим трудом никакой пищи; а их обширный коллектив всегда отличался отменным аппетитом.

Что же касается образа жизни остальных, насколько им было известно, они всегда жили именно так.

Они испытывали постоянный голод, они спали на соломе, пили из колод и трудились на полях; зимой они страдали от холода, а летом от оводов.

Порой старики, роясь в глубинах памяти, пытались разобраться, лучше или хуже им жилось в ранние дни восстания, сразу же после изгнания Джонса.

Вспомнить они не могли.

Им не с чем было сравнивать свою теперешнюю жизнь: единственное, что у них было, это сообщения Визгуна, который, вооружившись цифрами, убедительно доказывал им, что дела идут лучше и лучше.

Животные чувствовали, что проблема неразрешима; во всяком случае, у них почти не оставалось времени, чтобы говорить на подобные темы.

Только старый Бенджамин мог вспомнить каждый штрих своей долгой жизни, и он знал, что дела всегда шли таким образом, ни лучше, ни хуже -

better or much worse - hunger, hardship and disappointment being, so he said, the unalterable law of life.

And yet the animals never gave up hope.

More, they never lost, even for an instant, their sense of honour and privilege in being members of Animal Farm.

They were still the only farm in the whole country -in all England! - owned and operated by animals.

Not one of them, not even the youngest, not even the newcomers who had been brought from farms ten or twenty miles away, ever ceased to marvel at that.

And when they heard the gun booming and saw the green flag fluttering at the masthead, their hearts swelled with imperishable pride, and the talk turned always towards the old heroic days, the expulsion of Jones, the writing of the Seven Commandments, the great battles in which the human invaders had been defeated.

None of the old dreams had been abandoned.

The Republic of the Animals which Major had foretold, when the green fields of England should be untrodden by

голод, лишения, разочарования; таков, говорил он, неопровержимый закон жизни.

И все же животных не покидала надежда.

Более того, они никогда ни на минуту не теряли чувства гордости за ту честь, что была им предоставлена - быть членами скотского хутора.

Они все еще продолжали оставаться единственной фермой в стране - во всей Англии! -которая принадлежала и которой руководили сами животные.

Никто из них, даже самые молодые, даже новоприбывшие, которые были куплены на фермах в десяти или двадцати милях от скотского хутора, не теряли ощущения чуда, к которому они были причастны.

И когда они слышали грохот револьверного салюта, видели, как трепещет на мачте зеленый флаг, сердца их трепетали от чувства непреходящей гордости, и они неизменно вспоминали далекие легендарные дни, когда был изгнан Джонс, запечатлены семь заповедей, великие сражения, в которых человечество потерпело решительное поражение.

Никто не был забыт, и ничто не было забыто.

Вера в предсказанную Майером республику животных, раскинувшуюся на зеленых полях Англии, на которые не ступит нога

human feet, was still believed in.

Some day it was coming: it might not be soon, it might not be within the lifetime of any animal now living, but still it was coming.

Even the tune of 'Beasts of England' was perhaps hummed secretly here and there: at any rate it was a fact that every animal on the farm knew it, though no one would have dared to sing it aloud.

It might be that their lives were hard and that not all of their hopes had been fulfilled; but they were conscious that they were not as other animals.

If they went hungry, it was not from feeding tyrannical human beings; if they worked hard, at least they worked for themselves.

No creature among them went upon two legs.

No creature called any other creature 'Master'.

All animals were equal.

One day in early summer Squealer ordered the sheep to follow him and led them out to a piece of waste ground at the other end of the farm, which had become overgrown with birch saplings.

The sheep spent the whole day there browsing at the leaves under Squealer's supervision.

In the evening he returned to the farmhouse himself, but, as it was warm weather, told the sheep to stay where they were.

человека, продолжала жить.

Когда-нибудь это время наступит: возможно, не скоро, возможно, никто из ныне живущих не увидит этих дней, но они придут.

Порой тут и там тишком звучала мелодия "Скотов Англии", во всяком случае, все обитатели фермы знали ее, хотя никто не осмелился бы исполнить ее вслух.

Да, жизнь была трудна, и не все их надежды сбылись; но они понимали, что отличаются от всех прочих.

Если они голодали, то не потому, что кормили тиранов-людей; если их ждал тяжелый труд, то, в конце концов, они работали для себя.

Никто из них не ходил на двух ногах.

Никто не знал, как звучит "Хозяин!".

Все были равны.

Как-то в начале лета Визгун приказал овцам следовать за ним и увел их в отдаленный конец фермы, заросший молодым березняком.

Под наблюдением Визгуна они провели здесь весь день, ощипывая молодые побеги.

К вечеру они, было, двинулись на ферму, но им было сказано оставаться на месте, поскольку теплая погода не препятствовала этому.

It ended by their remaining there for a whole week, during which time the other animals saw nothing of them.

Squealer was with them for the greater part of every day.

He was, he said, teaching them to sing a new song, for which privacy was needed.

It was just after the sheep had returned, on a pleasant evening when the animals had finished work and were making their way back to the farm buildings, that the terrified neighing of a horse sounded from the yard.

Startled, the animals stopped in their tracks.

It was Clover's voice.

She neighed again, and all the animals broke into a gallop and rushed into the yard.

Then they saw what Clover had seen.

It was a pig walking on his hind legs.

Yes, it was Squealer.

A little awkwardly, as though not quite used to supporting his considerable bulk in that position, but with perfect balance, he was strolling across the yard.

And a moment later, out from the door of the farmhouse came a long file of pigs, all walking on their hind legs.

Some did it better than others, one or two were even a trifle unsteady and looked as though they would have liked

В конце концов, они провели в березняке целую неделю, в течение которой их не видел никто из животных.

Визгун проводил с ними большую часть дня.

Он обучал их новой песне, для которой уединение было необходимо.

В один прекрасный вечер, как раз после возвращения овец, когда животные кончили работать и неторопливо шли на ферму, они услышали доносящееся со двора испуганное ржание.

Животные остановились в удивлении.

Это был голос Кlover.

Она снова заржала, и тогда все галопом поскакали на ферму.

Ворвавшись во двор, они увидели то, что предстало глазам Кlover.

Это была свинья, шествовавшая на задних ногах.

Да, это был Визгун.

Несколько скованно, так как он не привык нести свой живот в таком положении, но довольно ловко балансируя, он пересек двор.

А через минуту из дверей фермы вышла вереница свиней - все на задних ногах.

У некоторых это получалось лучше, у других хуже, кое-кто был так неустойчив, что, казалось, ему

the support of a stick, but every one of them made his way right round the yard successfully.

And finally there was a tremendous baying of dogs and a shrill crowing from the black cockerel, and out came Napoleon himself, majestically upright, casting haughty glances from side to side, and with his dogs gambolling round him.

He carried a whip in his trotter.

There was a deadly silence.

Amazed, terrified, huddling together, the animals watched the long line of pigs march slowly round the yard.

It was as though the world had turned upside-down.

Then there came a moment when the first shock had worn off and when in spite of everything - in spite of their terror of the dogs, and of the habit, developed through long years, of never complaining, never criticising, no matter what happened - they might have uttered some word of protest.

But just at that moment, as though at a signal, all the sheep burst out into a tremendous bleating of -

' Four legs good, two legs better!

Four legs good, two legs better!

Four legs good, two legs better!'

It went on for five minutes without

требуется подпорка, но все успешно совершили круг по двору.

И наконец раздался собачий лай и торжественное кукареканье черного петуха, что оповестило о появлении самого Наполеона. Надменно глядя по сторонам, он величественно прошел через двор в окружении собак.

Между копытами у него был зажат хлыст.

Наступила мертвая тишина.

Смущенные и напуганные животные, сбившись в кучу, наблюдали, как по двору медленно движется вереница свиней.

Казалось, что мир перевернулся вверх ногами.

Но, наконец, настал момент, когда исчез первый шок и, когда, несмотря ни на что - ни на страх перед собаками, ни на привычку, воспитанную долгими годами, никогда не жаловаться, никогда не критиковать, что бы ни случилось - раздались слова протеста.

Но как раз в этот момент, словно по сигналу, овцы хором начали громогласно блеять:

- Четыре ноги хорошо, две ноги лучше!

Четыре ноги хорошо, две ноги лучше!

Четыре ноги хорошо, две ноги лучше!

И так без остановки продолжалось

stopping.

And by the time the sheep had quieted down the chance to utter any protest had passed, for the pigs had marched back into the farmhouse.

Benjamin felt a nose nuzzling at his shoulder.

He looked round.

It was Clover.

Her old eyes looked dimmer than ever.

Without saying anything she tugged gently at his mane and led him round to the end of the big barn, where the Seven Commandments were written.

For a minute or two they stood gazing at the tarred wall with its white lettering.

'My sight is failing,' she said finally.

'Even when I was young I could not have read what was written there.

But it appears to me that that wall looks different.

Are the Seven Commandments the same as they used to be, Benjamin?'

For once Benjamin consented to break his rule, and he read out to her what was written on the wall.

There was nothing there now except a single Commandment.

It ran:

ALL ANIMALS ARE EQUAL:

BUT SOME ANIMALS ARE MORE

минут пять.

И когда овцы наконец смолкли, время для протестов уже было упущено, поскольку свиньи уже двигались обратно на ферму.

Бенджамин почувствовал, как кто-то ткнул носом ему в плечо.

Он оглянулся.

Это была Кловер.

Ее старые глаза помутнели еще больше.

Не говоря ни слова, она осторожно потянула его за гриву и повела к той стене большого амбара, на которой были написаны семь заповедей.

Через пару минут они уже стояли у стены с белыми буквами на ней.

- Зрение слабеет, - сказала она наконец.

- Но даже когда я была молода, то все равно не могла прочесть, что здесь написано.

Но мне кажется, что стена несколько изменилась.

Не изменились ли семь заповедей, Бенджамин?

Единственный раз Бенджамин согласился нарушить свои правила и прочел ей то, что было написано на стене.

Все было по-старому - кроме одной заповеди.

Она гласила:

Все животные равны.

Но некоторые животные равны более,

EQUAL: THAN OTHERS.:

After that it did not seem strange when next day the pigs who were supervising the work of the farm all carried whips in their trotters.

It did not seem strange to learn that the pigs had bought themselves a wireless set, were arranging to install a telephone, and had taken out subscriptions to John Bull, Tit-Bits and the Daily Mirror.

It did not seem strange when Napoleon was seen strolling in the farmhouse garden with a pipe in his mouth - no, not even when the pigs took Mr Jones's clothes out of the wardrobes and put them on, Napoleon himself appearing in a black coat, ratcatcher breeches and leather leggings, while his favourite sow appeared in the watered silk dress which Mrs Jones had been used to wear on Sundays.

A week later, in the afternoon, a number of dogcarts drove up to the farm.

A deputation of neighbouring farmers had been invited to make a tour of inspection.

They were shown all over the farm, and expressed great admiration for everything they saw, especially the windmill.

The animals were weeding the turnip field.

They worked diligently, hardly raising their faces from the ground,

чем другие.

После этого уже не показалось странным, когда на следующий день свиньи, надзиравшие за работами на ферме, обзавелись хлыстами.

Не показалось странным и то, что свиньи купили для себя радиоприемники, провели телефон и подписались на "Джон Буль", "Тит-бит" и "Дейли Миррор".

Не показалось странным, что теперь можно было увидеть Наполеона, прогуливающимся в саду фермы с трубкой во рту - и даже то, что свиньи стали использовать по прямому назначению гардероб мистера Джонса. Наполеон облачился в черный пиджак, охотничьи бриджи и кожаные наколенники, а его любимая свиноматка одела шелковое платье, которое миссис Джонс носила по воскресеньям.

Через неделю, примерно около полудня, на ферме появилось несколько дрожек.

Это явилась делегация с соседних ферм, приглашенная для знакомства с фермой.

Они осмотрели все с начала до конца и выразили свое глубокое восхищение увиденным, особенно мельницей.

Животные выпалывали сорняки на свекольном поле.

Они работали с предельным старанием,

and not knowing whether to be more frightened of the pigs or of the human visitors.

That evening loud laughter and bursts of singing came from the farmhouse.

And suddenly, at the sound of the mingled voices, the animals were stricken with curiosity.

What could be happening in there, now that for the first time animals and human beings were meeting on terms of equality?

With one accord they began to creep as quietly as possible into the farmhouse garden.

At the gate they paused, half frightened to go on, but Clover led the way in.

They tiptoed up to the house, and such animals as were tall enough peered in at the dining-room window.

There, round the long table, sat half a dozen farmers and half a dozen of the more eminent pigs, Napoleon himself occupying the seat of honour at the head of the table.

The pigs appeared completely at ease in their chairs.

The company had been enjoying a game of cards, but had broken off for the moment, evidently in order to drink a toast.

A large jug was circulating, and the mugs were being refilled with beer.

почти не отрывая глаз от земли и не зная, кого надо бояться больше - то ли свиней, то ли людей-визитеров.

Вечером с фермы доносились звуки пения и громкий смех.

Внезапно, слушая эту мешанину голосов, животные испытали прилив острого любопытства.

Что может произойти, когда животные и люди в первый раз встретились на равных?

В едином порыве все стали тихонько скапливаться в саду фермы.

Миновав калитку, они было остановились в испуге, но Кловер повела их за собой.

На цыпочках они подошли к дому, и те, у кого хватало роста, заглянули в окна столовой.

Здесь за круглым столом сидело полдюжины фермеров и такое же количество самых именитых свиней. Наполеон занимал почетное место во главе стола.

Свиньи непринужденно развалились в креслах.

Компания развлекалась игрой в карты, время от времени отвлекаясь от этого занятия для очередного тоста.

По кругу ходил большой кувшин, из которого кружки регулярно наполнялись

No one noticed the wondering faces of the animals that gazed in at the window.	пивом. Никто не обратил внимания на удивленные физиономии, прижавшиеся к стеклу.
Mr Pilkington, of Foxwood, had stood up, his mug in his hand.	С кружкой в руке поднялся мистер Пилкингтон из Фоксвуда.
In a moment, he said, he would ask the present company to drink a toast.	Я прошу, сказал он, почтенную компанию присоединиться к моему тосту.
But before doing so there were a few words that he felt it incumbent upon him to say.	Но предварительно он должен сказать несколько слов, которые рвутся наружу.
It was a source of great satisfaction to him, he said -and, he was sure, to all others present - to feel that a long period of mistrust and misunderstanding had now come to an end.	С чувством большого удовлетворения надо отметить, - сказал мистер Пилкингтон, - и, он уверен, к нему присоединятся все остальные - что долгий период недоразумений и недоверия ушел в прошлое.
There had been a time - not that he, or any of the present company, had shared such sentiments - but there had been a time when the respected proprietors of Animal Farm had been regarded, he would not say with hostility, but perhaps with a certain measure of misgiving, by their human neighbours.	Наступает время - и так считает не только он, но его чувства разделяют все присутствующие - когда уважаемые владельцы скотского хутора будут относиться к своим соседям не только без враждебности, но и с определенным доверием.
Unfortunate incidents had occurred, mistaken ideas had been current.	Все неприятные инциденты забыты, порочные идеи отвергнуты.
It had been felt that the existence of a farm owned and operated by pigs was somehow abnormal and was liable to have an unsettling effect in the neighbourhood.	В свое время бытовало мнение, что существование фермы, которой владеют и управляют свиньи, представляет собой ненормальное явление, оказывающее плохое влияние на соседей. Многие фермеры были

Too many farmers had assumed, without due enquiry, that on such a farm a spirit of licence and indiscipline would prevail.

They had been nervous about the effects upon their own animals, or even upon their human employees.

But all such doubts were now dispelled.

Today he and his friends had visited Animal Farm and inspected every inch of it with their own eyes, and what did they find?

Not only the most up-to-date methods, but a discipline and an orderliness which should be an example to all farmers everywhere.

He believed that he was right in saying that the lower animals on Animal Farm did more work and received less food than any animals in the county.

Indeed he and his fellow-visitors today had observed many features which they intended to introduce on their own farms immediately.

He would end his remarks, he said, by emphasising once again the friendly feelings that subsisted, and ought to subsist, between Animal Farm and its neighbours.

безоговорочно уверены, что на ферме царит дух вседозволенности и распущенности.

Они были обеспокоены тем влиянием, какое данная ферма может оказать на их собственный скот и даже на их работников.

Но ныне не существует никаких сомнений и тревог.

Сегодня он лично и его друзья, посетив ферму, досконально осмотрели ее собственными глазами - и что же они обнаружили?

Для всех фермеров могут служить вдохновляющим примером не только современные методы хозяйствования, но и установившиеся здесь дисциплина и порядок.

Он уверен, что не будет ошибкой утверждать, что здесь рабочий скот трудится больше, а потребляет пищи меньше, чем на какой-либо другой ферме в округе.

И он, и его друзья сегодня видели на ферме много нововведений, которые они постараются незамедлительно внедрить в своих хозяйствах.

Хотелось бы закончить свое выступление, сказал он, еще раз подчеркнув те дружеские связи, которые ныне должны существовать между скотским

Between pigs and human beings there was not and there need not be any clash of interests whatever.

Their struggles and their difficulties were one. Was not the labour problem the same everywhere?

Here it became apparent that Mr Pilkington was about to spring some carefully-prepared witticism on the company, but for a moment he was too overcome by amusement to be able to utter it.

After much choking, during which his various chins turned purple, he managed to get it out: 'If you have your lower animals to contend with,' he said, 'we have our lower classes!'

This bon mot set the table in a roar; and Mr Pilkington once again congratulated the pigs on the low rations, the long working-hours and the general absence of pampering which he had observed on Animal Farm.

And now, he said finally, he would ask the company to rise to their feet and make certain that their glasses were full.

'Gentlemen,' concluded Mr Pilkington, 'gentlemen, I give you a toast: To the prosperity of Animal Farm!'

There was enthusiastic cheering

хутором и его соседями.

Между свиньями и людьми ныне нет и не может быть коренных противоречий.

У них одни и те же заботы и трудности, одни и те же проблемы, в частности, касающиеся работы.

В этом месте мистер Пилкингтон хотел бросить собравшимся тщательно подготовленную концовку, но он слишком перенапрягся от волнения и оказался не в состоянии сделать это.

Справившись с замешательством, отчего его многочисленные подбородки побагровели, он наконец произнес:

"Если у вас есть рабочий скот, - сказал он, - то у нас есть рабочий класс!"

Этот каламбур вызвал за столом восторженный рев; а мистер Пилкингтон еще раз поблагодарил свиней за то, что с их помощью они смогут решить проблемы малого рациона, длинного рабочего дня и жесткой системы управления, которые они сегодня наблюдали на ферме.

А теперь, сказал он, он просит общество подняться, предварительно убедившись, что кружки наполнены.

"Джентльмены, - завершая выступление, сказал он, - я предлагаю тост: за процветание скотского хутора!"

and stamping of feet.

Napoleon was so gratified that he left his place and came round the table to clink his mug against Mr Pilkington's before emptying it.

When the cheering had died down, Napoleon, who had remained on his feet, intimated that he too had a few words to say.

Like all of Napoleon's speeches, it was short and to the point.

He too, he said, was happy that the period of misunderstanding was at an end.

For a long time there had been rumours - circulated, he had reason to think, by some malignant enemy-that there was something subversive and even revolutionary in the outlook of himself and his colleagues.

They had been credited with attempting to stir up rebellion among the animals on neighbouring farms.

Nothing could be further from the truth!

Their sole wish, now and in the past, was to live at peace and in normal business relations with their neighbours.

This farm which he had the honour to control, he added, was a co-operative enterprise.

Все дружно и весело встали на ноги.

В приливе благодарности Наполеон даже покинул свое место и обошел вокруг стола, чтобы чокнуться с мистером Пилкингтоном своей кружкой, прежде чем осушить ее.

Когда веселье несколько стихло, Наполеон, оставшийся стоять, заявил, что он тоже хочет сказать несколько слов.

Как и все выступления Наполеона, речь его была краткой и деловой.

Он тоже, сказал Наполеон, счастлив, что период недоразумений подошел к концу.

В течение долгого времени ходили слухи - распускавшиеся, как у него есть основания считать, нашими злостными врагами - что и он сам, и его коллеги придерживаются подозрительных и даже революционных воззрений.

Что они, якобы, ставят себе целью вызвать волнения среди животных на соседних фермах.

Но ничего нет более далекого от правды!

Их единственное желание - и сейчас и в прошлом - жить в мире и поддерживать нормальные деловые отношения со своими соседями.

Ферма, которой он имеет честь руководить, представляет собой кооперативное предприятие.

The tide-deeds, which were in his own possession, were owned by me pigs jointly. Находящийся в его владении документ, определяющий право собственности, закрепляет это право за свиньями сообща.

He did not believe, he said, that any of the old suspicions still lingered, but certain changes had been made recently in the routine of the farm which should have the effect of promoting confidence still further. Он не считает, сказал Наполеон, что какие-то старые подозрения еще могут иметь место, но, тем не менее, на ферме будут немедленно проведены определенные изменения, которые должны укрепить намечающийся между нами процесс сближения.

Hitherto the animals on the farm had had a rather foolish custom of addressing one another as 'Comrade'. Так, животные на ферме имеют дурацкую привычку обращаться друг к другу "товарищ".

This was to be suppressed. С этим будет покончено.

There had also been a very strange custom, whose origin was unknown, of marching every Sunday morning past a boar's skull which was nailed to a post in the garden. Кроме того, существует очень странный обычай, истоки которого остаются неизвестными, по утрам в воскресенье маршировать мимо черепа старого хряка, прибитого гвоздями к палке.

This too would be suppressed, and the skull had already been buried. С этим тоже придется покончить, а череп, как полагается, предать погребению.

His visitors might have observed, too, the green flag which flew from the masthead. Посетители также могли видеть развевающийся на мачте зеленый флаг.

If so, they would perhaps have noted that the white hoof and horn with which it had previously been marked had now been removed. И они должны были обратить внимание, что, если раньше на нем красовались белые рог и копыто, то сейчас их уже нет.

It would be a plain green flag from now onwards. Отныне будет только чистое зеленое полотнище.

He had only one criticism, he said, to make of Mr Pilkington's excellent and neighbourly speech. У него есть только одно замечание, сказал Наполеон, по поводу прекрасной, проникнутой духом добрососедства речи мистера Пилкингтона.

Mr Pilkington had referred throughout to 'Animal Farm'. He could not of course know - for he, Napoleon, was only now for the first time announcing it-that the name 'Animal Farm' had been abolished.

Henceforward the farm was to be known as

'The Manor Farm' - which, he believed, was its correct and original name.

'Gentlemen,' concluded Napoleon,

'I will give you the same toast as before, but in a different form.

Fill your glasses to the brim.

Gentlemen, here is my toast: To the prosperity of The Manor Farm!'

There was the same hearty cheering as before, and the mugs were emptied to the dregs.

But as the animals outside gazed at the scene, it seemed to them that some strange thing was happening.

What was it that had altered in the faces of the pigs?

Clover's old dim eyes flitted from one face to another.

Some of them had five chins, some had four, some had three.

But what was it that seemed to be melting and changing?

Говоря о скотском хуторе, он, конечно, не знал, -поскольку Наполеон только сейчас сообщает об этом - что название "Скотский хутор" отныне не существует.

Отныне будет известна

"Ферма "Усадьба"" - что, как он уверен, является ее истинным и правильным именем.

- Джентльмены, - завершил свое выступление Наполеон.

- Я хочу вам предложить тот же самый тост, но несколько в иной форме.

Наполните ваши стаканы до краев.

Джентльмены, вот мой тост - за процветание "Фермы "Усадьба""!

Этот тост был встречен таким же, как и раньше, взрывом веселья. Кружки были осушены до последней капли.

Но тем, кто снаружи наблюдал эту сцену, начало казаться, что происходят странные вещи.

Что изменилось в физиономиях свиней?

Старые подслеповатые глаза Кlover перебегали с одного лица на другое.

Одно было украшено пятью подбородками, другое - четырьмя, у коего было по три подбородка.

Но почему лица эти расплывались перед ее глазами, меняя свое выражение?

Then, the applause having come to an end, the company took up their cards and continued the game that had been interrupted, and the animals crept silently away.

После того, как стихли аплодисменты и компания вернулась к картам, продолжая прерванную игру, животные тихо удалились.

But they had not gone twenty yards when they stopped short.

Но не пройдя и двадцати метров, они остановились.

An uproar of voices was coming from the farmhouse.

С фермы до них донесся рев голосов.

They rushed back and looked through the window again.

Кинувшись обратно, они снова приникли к окнам.

Yes, a violent quarrel was in progress.

Да, в гостиной разгорелась жестокая ссора.

There were shoutings, hangings on the table, sharp suspicious glances, furious denials.

Раздавались крики, грохотали удары по столу, летели злобные взгляды, сыпались оскорбления.

The source of the trouble appeared to be that Napoleon and Mr Pilkington had each played an ace of spades simultaneously.

Источником волнения явилось то, что и Наполеон, и мистер Пилкингтон одновременно выбросили на стол по тузу пик.

Twelve voices were shouting in anger, and they were all alike.

Двенадцать голосов кричали одновременно, но все они были похожи.

No question, now, what had happened to the faces of the pigs.

Теперь было ясно, что случилось со свиньями.

The creatures outside looked from pig to man, and from man to pig, and from pig to man again: but already it was impossible to say which was which.

Оставшиеся снаружи переводили взгляды от свиней к людям, от людей к свиньям, снова и снова всматривались они в лица тех и других, но уже было невозможно определить, кто есть кто.